АЛЕКСЕЙ ЛЮБЖИН

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ В XVIII–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ЯК

АЛЕКСЕЙ ЛЮБЖИН

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ XVIII–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

АЛЕКСЕЙ ЛЮБЖИН

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ В XVIII–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ИСТОРИИ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» М. ФОН АЛЬБРЕХТА

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ
Ю · А · ШИЧАЛИНА
МОСКВА 2007

УДК 821.124.0(37)(091)(075.8)
ББК 83.3(0)3я73
Л 93

ISBN 978-5-87245-130-3

© А. И. Любжин, 2007
© Греко-латинский кабинет®
Ю. А. Шичалина, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I 7
Раздел II 11
Раздел III 53
Избранная библиография работ на русском языке 195
Список сокращений 213
Указатель имен 215

I

Прилагая этот по необходимости краткий очерк к «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта, переводчик не преследует иной цели, кроме как в некоторых пунктах дополнить ее главы[1], посвященные влиянию на позднейшие эпохи, руководствуясь изначальным авторским замыслом, и сообщить в этих рамках определенное количество более или менее известных фактов и наблюдений; возможно, некоторые из них покажутся частными и малозначащими подробностями, но, учитывая сравнительно бóльшую замкнутость русской культуры вплоть до XVII века, а затем – своеобразие духовного типа русского человека, интересующегося античными древностями, даже и такие подробности не представляются нам лишними. Ни в коем случае не можем мы претендовать и на полноту освещения: тематика влияния на российскую культуру античности вообще и римской литературы в частности разработана неудовлетворительно, и делать здесь на данном этапе развития науки далеко идущие выводы было бы преждевременно, – как, впрочем, и представлять подробный план-проспект такого исследования, поскольку он должен опираться на какие-то предварительные результаты. В отечественной же филологической науке усилия в этом направлении отличаются, кроме совершенно непростительной неполноты, еще и некоторой однобокостью, нежеланием вводить в научный оборот новую тематику и отступать от краткого перечня авторов первого ряда (прежде всего, конечно, внимание привлекала античность в творчестве Пушкина).

Отрадно отметить, что сравнительно недавно появились две – совершенно разнородных – работы обобщающего характера по русской античности. Одна из них – библиографический указатель «Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв.», составленный Е. В. Свиясовым (ИРЛИ. Библиотека, 1998), чрезвычайно тщательный, подробный и цен-

1. Факты, отмеченные М. фон Альбрехтом, и работы, приведенные в библиографических примечаниях, в нашем очерке за редчайшими исключениями не упоминаются.

ный[1]; безусловно, он послужит отправной точкой в изучении влияния античной поэзии на русскую, хотя, конечно, для плодотворных занятий этим предметом необходим корпус качественных комментариев, которым мы располагать, по-видимому, будем еще не скоро. Вторая — «Русская античность» Г. С. Кнабе (РГГУ, Институт высших гуманитарных исследований. М., 2000)[2]. Ее также можно рассматривать как симптом потребности в более полном и комплексном осмыслении роли античного наследия в отечественной культуре. Мы же заранее приносим читателю извинения за неизбежные пропуски и неравномерную подробность и будем считать свою сверхзадачу выполненной, если этот очерк послужит для исследователей стимулом продолжить изыскания, особенно в хуже всего разработанных областях. За редчайшими исключениями оценки приведенных в примечаниях научных работ даваться не будут; точно так же мы почти полностью воздержимся от цитирования латинских писателей, ограничившись ссылками; на тексты русских авторов это не распространяется. Поскольку пушкинская тема разработана в нашей науке всего подробнее, для нее мы даем лишь самые краткие указания с развернутой библиографией.

Хронологическое ограничение, заданное в заглавии настоящей работы, — до определенной степени вынужденное; немногочисленные исключения — прежде всего те, кто сформировал свой запас культурных и нравственных ценностей еще в Императорской России.

Автору хотелось бы особенно поблагодарить д. ф. н., профессора ПетрГУ Т. Г. Мальчукову, к. ф. н., доцента МУ О. М. Савельеву, чл.-корр. АН РФ Н. Н. Казанского, д. ф. н. А. А. Рос-

1. К числу очевидных недостатков относится пренебрежение к фигурам, которые показались составителю маргинальными, напр., к Федру и иным баснописцам. Не учитывается и эпос (что существенно прежде всего для Овидия, которого можно легко переводить отрывками). Одна из первых библиографий русских переводов (особенно полезная по XVIII в.) дана в кн.: Ioh. Frider. Burgii Elementa Oratoria... in usum iuventutis Rossicae revisa, aucta et emendata. Edidit Nicolaus Bantisch-Kamenski undecima editione. Mosquae, ex officina Gubern. Mosqu. Reschetnicoff. Anno 1811, p. 225 sqq с примечаниями. В настоящей работе не была учтена опубликованная после ее написания монография-лософия: Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. — СПб., Библиотека Российской академии наук, 2005.

2. См. мою рецензию в 4-м выпуске «Греко-Латинского кабинета» (опубликовано на сайте Греко-латинского кабинета, http://www.mgl.ru/5771).

сиуса за чрезвычайно ценные дополнения, советы и помощь в работе с библиографией, а также научного сотрудника Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МУ Н. И. Шленскую за ценные дополнения; без их содействия я не решился бы предпринять данный труд. Но, прежде чем приступить к перечню и анализу разнородных реминисценций, хотелось бы сказать несколько слов о состоянии латинской образованности в России в рассматриваемую эпоху.

II[1]

Чтобы знать критически самое темное время русской истории, надобно знать по-немецки! В нашей учености и в нашей литературе есть что-то чудное, не такое, как у всех; а все нет оригинальности! Блажен потомок, который уразумеет объяснить это!

А я объясняю это тем, что у нас нет терпения, мало любви к литературе; что просвещение не разлилось ровно, а скопилось в одном углу, в который большая часть людей грамотных и не заглядывают!

М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти

Регулярная школа появилась в России сравнительно поздно. Для XV–XVI столетий сведения о знакомстве с латинской литературой носят единичный характер. Дипломат Федор Иванович Карпов из рода князей Фоминских в *Послании митрополиту Даниилу* цитирует Овидия (*met.* 1, 144–145 «Ныне живут от похищениа; несть гостиник от гостя без боязни. Несть тесть от зятя; и братская убо любовь редка есть» и др.)[2]. Был перед его глазами латинский оригинал или перевод на один из новых языков? Первый, по-видимому, русский почитатель римской литературы, о котором мы достоверно знаем, что он владел латынью и читал авторов в оригинале, изучил ее уже покинув отечество: князь Андрей Курбский писал Ивану Грозному: «А всяко посылаю ти две главы, выписав от книги премудраго Цицерона, римскаго наилепшаго синглита, яже еще тогда владели римляне всею вселенною. А писал той ответ к недругом своим, яже укаряше его изогнанцом и изменником...»[3]. Переводческая деятельность в сфере римской классики языческого периода не может развернуться широко, поскольку от книг

1. Этот раздел с некоторыми изменениями был опубликован в ВДИ, 2004, № 1 (248), с. 190–201 под заглавием: *Латинская образованность и римская литература в России в XVIII–начале XX века.*

2. СК, вып. 2, ч. 1, 1988.

3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., Наука, 1993 (репринт изд. 1981), с. 110. Впоследствии это место из письма Курбского использует А. К. Толстой в трагедии *Смерть Иоанна Грозного.*

ищут либо практического научения, либо духовного наставления; вторая задача решается греческими Отцами Церкви, а первая — по большей части более новой литературой. Тем не менее, есть и свидетельства знакомства с латинскими писателями античной эпохи. Краткую грамматику Доната переводит в молодости Дм. Герасимов и отправляет архиеп. Геннадию из Рима ок. 1491 г.[1] (Отметим в скобках, что Дм. Герасимов работал как переводчик с Максимом Греком, а Федор Карпов пользовался советами последнего.) М. Д. Каган пишет: «Традиционным центром латинской образованности в Московском государстве был Посольский приказ. Перевод Дмитрия Герасимова представлял собой пособие по латинскому языку для русских и был отчасти вызван необходимостью прибегать к латыни в дипломатической практике и в делопроизводстве. С другой стороны, интерес к грамматическим жанрам был связан с ростом светского образования и распространением явлений грамматической культуры»[2]. Кружок новгородского архиерея интересуется латынью скорее вынужденно — для полемики с еретиками нужно хотя бы сравняться с ними образованностью. Расстояние отсюда до «читал охотно...» еще достаточно велико. Одна из первых переводных книг светской тематики — *География* Помпония Мелы, известная в рукописи XVI века[3]. Исследователь пишет: «В наших летописях, в пастырских посланиях и даже в притворах церковных встречаются не только имена, но и мысли классических писателей. В XVI

1. См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН, т. 74. СПб., 1903, с. 52 сл. (с отдельной пагинацией), с. 122. СК, вып. 2, ч. 1, с. 37, датирует перевод 20-ми годами XVI века в статье М. Д. Кагана об Андрее Алферьеве (Олферьеве), предположительном переводчике латинской грамматики, которая занимает промежуточное положение между трудами Герасимова и Лихудов; впрочем, Н. А. Казакова, автор статьи в том же томе о Дм. Герасимове, пишет, что автор «в юности учился в Ливонии, где приобрел знание немецкого и латинского языков; вероятно, в период обучения перевел латинскую грамматику Доната» (с. 195). Учитывая дату рождения (ок. 1465 года), можно считать, что эта датировка практически совпадает с таковой же А. И. Соболевского.

2. СК, вып. 2, ч. 1, с. 37.

3. См. ibid., с. 52 сл. (с отдельной пагинацией): «Нам известны два списка: Арх. Мин. Ин. Д. № 514–995, несомненно XVI века, приблизительно половины этого столетия... и Чудова мон. № 347, XVII века; в обоих одна первая книга географии». Ibid., с. 109: «Книги Иулиа Фронтина, сенатора римского, о случаех военных, на четыре части разделенныя» (М., 1692). Единственный известный экземпляр был поднесен Петру; перевод сделан с польского.

и XVII веке Русские читали уже на языке родном переводы некоторых сочинений Цицерона, Светония, Квинта Курция, Западных отцев — Св. Амвросия, Блаженных Августина, Иеронима»[1]. В XVII столетии — в связи с проникновением западных, прежде всего польских мод — появляются и знатоки латыни, находящие себе поприще при дворе и благодарных учеников (Алексей Саввич Романчуков[2], позднее — Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев)[3]. Здесь еще много загадок: мы не станем, например, с ходу отвечать на вопрос, повлиял ли поздний Овидий на творчество Петра Самсонова, поэта т. н. «приказной школы»[4], который, ходатайствуя о заступничестве для возвращения из ссылки, пишет в *Послании Василию Иосифовичу:* «...спасению моему ныне буди началник, / А благочестивому самодержцу о мне печалник»[5]. Есть соблазн сопоставить эти стихи с посланием к Грецину (*Pont.* 4, 9, 51–52: *Atque utinam, cum iam fueris potiora precatus, / ut mihi placetur principis ira roges!*). Но пока ограничимся вопросительным знаком.

К сороковым годам большую просветительскую роль играет кружок боярина Ф. М. Ртищева. По-видимому, этим сообществом «западников» был инициирован перевод Помпея Трога (*Краткое пяти монархий древних описание*), посвященный неизвестным переводчиком боярину Илье Ивановичу Моро-

1. О старинном Русском переводе Тита Ливия. Сообщено Профессором [И. М.] Снегиревым. УЗ МУ, 1833, сентябрь, III, с. 692.

2. Адам Олеарий, которого он сопровождал в Персию, отмечает, что Алексей Саввич «против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку... в продолжение пяти месяцев сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои задушевные мысли». Цит. по: СК, вып. 3., ч. 3, 1998, с. 315–316.

3. См. об этом Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск. Изд. Мордовского ун. 1999. Опись книг Сильвестра Медведева, составленная после его казни, содержит такие вещи, как «книга Цицерон, опера Умния... книга Тертулиан; книга послание Кикеронию... книга Тита Ливия Патавского о историях — латинская; послание Кикероново к домашним... книга Плаута комика — латинская» (Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, с. 42). Сохранилась и рукопись «Гражданство обычаев детских», где правилам поведения наставляют с помощью цитат из Горация, Овидия, Ювенала, Теренция и других классиков. Переводчик, как полагает А. И. Соболевский, — едва ли не Епифаний Славинецкий (op. cit., с. 163 сл.).

4. Подробнее см. о нем: СК, вып. 3, ч. 3, с. 330 (статья А. М. Панченко).

5. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Советская Россия, 1989, с. 249.

зову. Сохранились принадлежавшие последнему книги на немецком и латинском языках[1]. К середине XVII в. в Москву из Киева прибывает целая группа блестящих ученых — Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий, Епифаний Славинецкий. Последний — самая крупная фигура среди всех названных и, по-видимому, один из крупнейших гуманистов России этого столетия — имеет особые заслуги перед латинской лексикографией[2].

Именно ко времени Алексея Михайловича относится появление первых частных библиотек с произведениями латинских классиков. Так, «Опись библиотеки гр. Андрея Артамоновича Матвеева (учителем древних языков у него был известный эрудит и литератор Николай Спафарий[3]) и графини Матвеевой»[4] включает — наряду с «Изрядствами португальскими и гишпанскими», «Алкораном Магметовым учением жидовским исполненным», «Врачеванием, полагаемым против ядовитых угрызениев», «Дескриптион ноувелле де ла вилле де Пари томулус» и «книжкой немецкой, ветхой» — среди книг латинских такие титулы (да не посетует читающий эту подробную выписку): «<в лист> 24. Тита Ловия Грютера (? — *А. Л.*) история Римская. 34. Плиния история натуральная всего света. 40. Анне Сенеки творение от Юста Липсия. 62. Устинианова кодекса 12 книг в одной книге. 81. Виргилия Марона творение. 105. Книга устав кодекса Юстинианава. В четверть: 106. Туллиа Цицерона творение. 129. Устиниана всенародные правы гражданские. 167. Горацыя Флякцыя Эпистолы. Латынские в осьмушку: 171. Плиния Епистоли. 187. Светония история Римъская, 2 книги. 199. Пляута камедиі. 205. Анне Люкана о войне Цесаря. 210. Люлия Ляктанцыус Богословная. 213. Кни-

1. СК, вып. 3, ч. 2, 1993, с. 362 сл.

2. Смотри о них статьи в СК, вып. 3, ч. 1, 1992, с подробной библиографией.

3. Ibid., с. 392 слл.

4. Книги, принятые от графа Андрея Артамоновича Матвеева. В кн.: Летописи русской литературы и древности. Изд. Николаем Тихонравовым. Т. V. М., 1863, с. 57–79 третьей пагинации. В конце описи заметка: «Все эти книги были спасены во время бывшего в Москве, в 1737 году пожара, ибо из описи 1738 года видно, что первые 19 книг хранились в 1-й палате, идучи с Кормового Дворца на Потешный двор... а последние 48 книг во 2-й палате; где же хранились остальные, не обозначено». См. об этой библиотеке: И. М. Полонская, Т. П. Воронова, Г. Н. Еник, Н. Н. Воробьева, С. Хаву (сост.). Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728). Каталог. М., 1985.

га Публия Овидия. 234. Цыцероновы ораціи. 235. Аннея Флора о делах римских. 240. Липсия история Веллея Патеркула. 248. Горацыя Флякцыя поема. 252. Тита Ливия о начале Іудейском (? — *А. Л.*). 258. Петрония Сатирик. 272. Криспа Салюстия о войне. 298. Лактанцыя о смерти гонителей. Латынские в полъосмуху: 304. Валериус Максимус. 307. Светонус история. 312. Книга Овидіева. 318. Разсуждение святаго Августина. Книги русские... Книги писменные в четверть листа. 57. Епистоли Цицерона. Против присланного реэстру явилось сверх в излишестве. Книшка Валерия Максима, приклады нравоучительные, в четверть. Иностранные в лист. 17. Витрувия архитектора. 57. Аулус Геллиус. 106. Цецеронис Физолофикорум, волумен. 115. Светониус. 125. Горати пемата. 128. Луканус. 129. Книга Юлиус де белло галлико. 130. Цыцеронис Епистоле ад фамилиарес. 133. Рацио дискенди лингвам латинам адмодум компендиоса. Остальные за росписью приняты: ...Цыцероновы и протчих Филозофов разные собрания, в осмуху». Прекрасная библиотека принадлежала справщику Печатного двора Никифору Симеонову; в ее составе были и латинские книги[1]; владельцем богатого книжного собрания был широко оразованный и прекрасно владевший латинским языком кн. В. В. Голицын[2]. Один из виднейших (и наиболее эрудированных) литераторов эпохи Карион Истомин переводит Августина: *Августина учителя книга о видении Христа, или о славе Бога, или же истина небеснаго вожделения память обновляется* (1687 г.)[3]. Что же касается исторических сведений о Риме, их более широкая публика черпала из переводных хроник, напр., Георгия Амартола (о месте перевода существуют различные точки зрения; известна на Руси уже в XI в.), Иоанна Малалы (переведена на славянский язык еще в X в. и уже в XII в. читалась на Руси)[4], Иоанна Зонары[5], а сокровищница мифологических познаний была представлена *Троянской историей* Гвидо де Колумна[6]. Кое-что можно было почерпнуть из Апофегмат Я. Будного, которые в течение XVII в. циркулируют как в оригинале, так и в русских переводах[7]. Ва-

1. СК, вып. 3, ч. 2, с. 384 слл.
2. СК, вып. 3, ч. 1, с. 207 слл.
3. Ibid., с. 150.
4. СК., вып. 1, 1987, с. 467 слл., 472 слл.
5. СК, вып. 2, ч. 2, 1989, с. 492.
6. Ibid., с. 443–445 (конец XV–начало XVI в.).
7. СК, вып. 3, ч. 1, с. 94 слл.

силий Михайлович Тучков в *Житии Михаила Клопского* так рекомендует это произведение: «Слышах бо некогда книгу прочитаему Тройскаго пленения, в ней же многия похвалы плетены еллином от Омира же и Овидия, и аще убо единыя ради буйственныя храбрости толиких похвал сподобишася, яко незглаженне памяти их долговременьством преходных лет, но аще и храбр Еркул, но и в нечестиа глубине погружашеся, и тварь паче творца почиташе. Тако же и Аххил и Тройскаго царя Приама сынове вси еллини суще и от еллин похваляеми...»[1].

В 1667 году Россия получает по Андрусовскому перемирию Левобережную Украину с Киевом и Киево-Могилянским коллегиумом — учебным заведением, ориентированным на борьбу с католицизмом его же оружием, где латинская образованность была на высоком уровне. Отсюда на широкое поприще государственного и церковного строительства выходят Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Затем в 80-х годах создаются Типографское училище (на греческой основе) и Славяно-греко-латинская академия, вокруг которой сразу же разгорается нешуточная борьба. Враги католического влияния (группирующиеся вокруг молодого Петра Алексеевича) пытаются противостоять усилиям «западников»; в одном из анонимных памфлетов той эпохи можно столкнуться с такой характеристикой латинской образованности: «Тако бо латинское учение прелестно, яко нож медом намазанный: изначала лижущим сладок и безбеден мнится, и елико больши облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущего заколет и смерти предаст. А яко латинский язык скуден и убог по себе самому и за скудость свою овогда употребляет еллинская речения и имена, овогда же иными реченми изменяет»[2]. Братья Иоанникий и Софроний Лихуды, с которыми связан первый период деятельности Академии, — ревностные сторонники эллинского просвещения и враги латинского; но отвергнутый за еретические взгляды и не допущенный к академическому преподаванию Ян Белобоцкий учит латинско-

1. Ibid., с. 447.

2. Годичный акт в Московской Духовной академии 1 октября 1889 года. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии. Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной академии 1 октября 1889 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым. М., 1889, с. 57.

му языку П. М. Апраксина и других дворян Нарышкинского круга[1].

Уже вскоре — на рубеже веков — в Академии восстанавливается равновесие, и латинский язык обретает равные права с греческим и на некоторое время даже оттесняет его на второй план.

В то же время об интересе к римской тематике в обществе свидетельствует перевод с польского языка «Римских деяний»[2].

Секуляризованное просвещение — прежде всего в утилитарных, а не в академических формах — проникает в Россию с Петром. Расширяется и круг переводных памятников (Курций, Цезарь, Флор, Ливий, Валерий Максим, Овидий; последний — с польского языка)[3]. Гимназия пастора Глюка в Москве, едва начав, скоро прекращает свою деятельность; цифирные школы не удаются. Уже при Екатерине I создается академический комплекс в Петербурге, куда, кроме собственно Императорской Академии наук, входят университет и гимназия. Но эти учебные заведения влачат жалкое существование в течение всего столетия и умирают естественной смертью. Удачнее обстоит дело с духовными школами, созданными в силу Духовного регламента Феофана Прокоповича (1721): одна из них, Харьковский Коллегиум[4], становится значительнейшим центром просвещения Слободской Украины (на юго-западе страны образование вообще прививается легче, поскольку почва для него лучше подготовлена). Однако литературная программа преподавания там была довольно скудной: так, в одной из инструкций второй половины XVIII века в Коллегиуме предполагалось читать: дистихи Катона, Федра, Овидия (одну элегию из *Tristia*) и одну оду Горация; из Цицерона — речь *За Кв. Лигария*, также некоторые речи из Саллюстия, Курция и

1. СК, вып. 3, ч. 1, с. 128 слл.

2. Подробнее см. СК, вып. 3., ч. 3, с. 304 слл. со ссылкой на: М. Грабарь-Пассек. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966, с. 229–240 (источники, в т. ч. античные).

3. Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. РАН, ИРЛИ, 1996, гл. 1: Литературная политика Петра I и переводная литература. Экскурс 1. Античность в кругу переводных памятников. Автор отмечает пренебрежение к поэтическим памятникам (с. 25).

4. О Харьковском коллегиуме см. мою статью *Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия* — Лицейское и гимназическое образование, 1998, № 6 (7), с. 19–24, 1999, № 1 (8), с. 17–27, с библиографией.

того же Цицерона *De officiis*. Латинский язык преподавался и для устного общения[1], но это был, конечно, весьма далекий от классической латыни вариант, не вполне соответствовавший даже грамматическим нормам Вульгаты[2]. Тем не менее, Харьковский коллегиум дал России Гнедича. Кроме школы, необходимо считаться с домашним воспитанием: такой блестящий знаток латинской литературы, как А. Д. Кантемир, именно так приобрел свою великолепную эрудицию. Впоследствии со своими гувернерами учат латынь князь И. М. Долгорукий, И. М. Муравьев-Апостол, только год проучившийся в пансионе Л. Эйлера на Васильевском острове и ставший замечательным знатоком античных древностей, знаменитый министр просвещения граф С. С. Уваров, многие славянофилы — Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков. Но в большинстве своем лучшие латинисты первой половины столетия выходят из стен духовных академий — прежде всего в Киеве, Петербурге и Москве. Для дворян при Анне Иоанновне (1731) создается Сухопутный Шляхетский корпус, где также можно приобщиться к истокам европейской культуры (что с успехом делают такие крупные писатели, как А. П. Сумароков и М. М. Херасков). Знакомство с латинской литературой, с одной стороны, становится общественной потребностью, а с другой, оказывается доступным и без знания языка. Переводческая деятельность в ту эпоху развивается все более бурно, и некоторые авторы (напр., Веллей Патеркул, Валерий Максим) долго еще — или никогда — не привлекают к себе внимания переводчиков. Входят в моду эпиграфы, девизы, экслибрисы, надписи, почерпнутые из латинских классиков (Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан) и приводимые в оригинале[3]. М. Н. Лонгинов в знаменитой работе *Новиков и московские мартинисты* характеризует эпоху следующим образом: «Греки и римляне, вечные учителя

1. Тем не менее, среди русского (прежде всего южнорусского) духовенства были и весьма начитанные в древних авторах люди. Архимандрит Платон (Любарский) в письме к Бантыш-Каменскому писал о недавно скончавшемся генерале А. И. Бибикове, цитируя применительно к нему суждение римлян об Августе в *Эпитоме о Цезарях* из корпуса Аврелия Виктора (*epit.* 1): «О Бибиков! или бы он вечно жил, или уж его никогда бы на свете не было!». Цит. по: Грот Я. Жизнь Державина. М., Алгоритм, 1997, с. 87.

2. Латинские упражнения Коллегиума середины XVIII в. — см. мою публикацию «Латинский язык в Харьковском коллегиуме (1722–1830)» в сб.: Древний мир и мы, вып. 3. СПб., 2003, с. 147–153.

3. См. Воробьев Ю. К., op. cit., с. 143 слл., 183 слл.

и образователи человечества, были лучше знакомы нашим дедам, чем нам. Они могли уже тогда читать в русских переводах Гомера, Гезиода, Анакреона, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Виргилия, Горация, Овидия, Цицерона, Тацита, Саллюстия и других древних авторов. Так как сочинения их раскупались, то нет сомнения, что пишущая братия того времени была просвещена и что не только она, но и вообще люди, имевшие наклонность к образованию, читали иногда древних. Итак, XVIII век имел в этом отношении немалое преимущество перед нынешним временем»[1]. Забегая вперед, отметим, что эта мысль применительно к середине XIX столетия — с большой горечью в силу невыгоды сравнения современности с прошлым — была высказана еще Шевыревым в статье *Взгляд на современное направление русской литературы:* «В прошлом веке каждый образованный русский мог, довольствуясь одним языком отечественным, прочесть на нем в формах Ломоносовской речи, все то, что входило в современное полное литературное образование сего столетия. В наше время русские читатели лишены такого преимущества... Мы не подумали даже достойно передать древних в формах этой новой русской речи»[2]; в рецензии на монографию П. А. Вяземского о Фонвизине еще определеннее[3]:

Что касается до переводов классических сочинений древности, об этом и говорить нечего! Пожелал бы кто прочесть Гомера в хорошей Русской прозе, Геродота, Фукидида, Плутарха, Ливия, Тацита, Саллюстия, Цицерона и других древних историков, ораторов, философов, переведенных хорошим Русским языком, достойным нашего современного литературного образования, — тот не имеет средства. Для

1. СПб., Санкт-Петербургский ун. МВД России, 2000, с. 34. Ср. *Взгляд на мою жизнь.* Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. Изд. М. А. Дмитриева. М., 1866, с. 45–46. Перечень переведенных произведений из древних и новейших литератур сопровождается словами: «все это переводимо и издаваемо было скромными любословами в пятидесятых и семидесятых годах, без малейшего шума, без ожидания перстней (намек на Гнедича? — А. Л.), без нынешних легких и прибыльных средств сбывать работу свою через подписки во всех губерниях; без покровительства, наконец, журналистов-приятелей». Эту же черту отмечает и Г. А. Гуковский в работе *Русская поэзия XVIII века* (см. Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001, с. 41–42).

2. МП, 1849, ч. I, № 1, с. VIII.

3. МП, 1849, ч. IV, № 7, с. 9–10 третьей пагинации.

прежних поколений [illegible] переводы, писанные слогом Ломоносовской школы. [illegible] Карамзина язык явился в других формах: должны [illegible] переводы, однако не возобновляются. Какая причина [illegible] Ежегодно из всех Университетов Русских выходят [illegible] хорошим знанием языков Латинского и Греческого, [illegible] только времени употребляют теперь Гимназии и Университеты. [illegible] было бы поприще для молодого филолога, по окончании университетского курса, совершить отличной перевод [illegible] писателя древности. Но ни у кого нет к тому охоты? Кто [illegible] кто наградит работавшего? Масса публики таких [illegible] Он бы разошелся в малом количестве экземпляров, для [illegible] любителей, но не окупился бы не только переводчику, [illegible] Сколько дела еще надобно делать в нашем отечестве, чтобы [illegible] образом, на прочных основаниях, насадить и утвердить наше образование и удалить его от всего поверхностного и легкомысленного, что всего более вредит настоящему успеху нашей Русской жизни.

А. П. Сумароков публикует в 1748 г. *Две епистолы*, из которых вторая — о стихотворстве, двойное подражание (Горацию и Буало), советует подражать античным поэтам:

> Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
> Ешилл, Анакреон, Софокл, и Еврипид,
> Менандр, Аристофан, и Пиндар восхищенный,
> Овидий сладостный, Виргилий несравненный,
> Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
> Лукреций, и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл[1]...

К посланию были приложены примечания об упомянутых авторах. В основном дело ограничивается биографическими и жанровыми справками; Вергилий для Сумарокова — «знатнейший Римский стихотворец», «все Виргилиевы сочинении преславны, а особливо Енеиды, которыя почитаются лучшим на свете стихотворством»; о галле сообщается следующее: «Был у Цесаря Августа в великой милости, и зделан от него Губернатором Египта; однако за строгость свою и протчия неприятныя народу поступки оттуда изгнан, и во отчаянии сам себя умерт-

1. ПС всех сочинений, в стихах и прозе, покойного Действительного Статского Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие Любителей Российской Учености Николаем Новиковым... М., 1787, ч. I, с. 337. Примечания — с. 349 слл.

вил, в 728 году города, на 43 века своего. Виргилий и Овидий ему друзья были»; сочинения Горация «содержатся в великом почтении»; то же самое говорится о «знатном римлянине и великом стихотворце» Овидии; Плавт «был человек разума острого» (впрочем, «лучший Римский комик» — Терентий); о Проперции читатель может узнать, что он «казнен по повелению Августа, отсечением головы, за то, что он прилепился к стороне Антониевой. Сочинении ево суть стихотворствы любовныя»; Тибулл «сочинял Елегии, которыя в почтении содержатся. Овидий смерть ево в прекрасной елегии оплакивает».

В середине столетия Г. Н. Теплов в *Рассуждении о качествах стихотворца*[1] актуализирует для молодой российской поэзии римский опыт:

В Российском народе между похвальными ко многим наукам склонностьми оказалася склонность к стихотворству; и многие имеющие природное дарование, с похвалою в том и предуспевают. Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, ведают, каковой важности оная есть наука. Другие напротив того написав несколько невежливых рифм или нескладных песен, мечтают, что вся оная не дале простирается, как их знание постигло. Таковое неправое мнение от единого самолюбия происходящее, подало случай предложить рассуждение о том, сколь трудна наука стихотворческая, и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, которой стихотворец быть хочет а при том дарование от бога особливое к изобретению новых мыслей и быстроту разума природную; то самое, что стихотворцы называют *огонь стихотворческий.*

Во времена Августовы первый был Гораций, который последуя Аристотелю правила лучшие написал Римлянам к стихотворству. Квинтилиан пишет, что тогда стихотворство так было в моде и употреблении, что и сам Август Цесарь писал стихи, и от того времени не токмо знатные у двора, но и Императоры Римские некоторого в том будто бы любочестия искали. „Богам де не довольно еще показалося, говорит он, (2) что Консула Германика зделали славнейшим своего времени стихотворцем, ежели не зделали еще его обладателем света". Виргилий (3) пишет, что Азиниус Поллио Консул преизрядные делал стихи. Юлий Цесарь сочинял трагедии. Лелий Сципи-

1. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Май, 1755 года. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, с. 374 слл. Статья опубликована анонимно; автор установлен по Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800, т. IV. М.: Книга, 1966, с. 131. Подстрочные примечания принадлежат автору.

2. Квинтилиан. кн. 10. гл. 1.

3. Виргилий. эклога 3.

он, Фурий, Сулпиций, будучи знатные в республике люди, с Терентием тайно трудились в сочинении комедий. Но сие еще не умножает чести стихотворству, если бы оно само по себе почтения было недостойно... Не довольно того, что стихотворец усладить желает, когда он ничего научить не может. Гораций говорит: ([1])

Пииты научить иль усладить желают,
Иль вместе все сие они соединяют:
Но обще будет всем сие в Пиите нравно,
Когда напишет он полезно и забавно.

Стихотворцы всегда за премудрых и ученых людей в Философии почитались, как в самой древности, так и в новых веках, по чему тот же Гораций исчисляя подробно, сколько стихотворец в Философии быть должен искусен, заключает ([2]).

Сия была тому причина несумненно,
Что имя зделалось Пиит у всех почтенно.

Следовательно, все науки, говорит Цицерон, ([3]) столь тесное имеют между собою взаимство и соединение, что по справедливости за одну и неразделимую фамилию их почитать надлежит. Примечание сего великого человека поверяется опытом очевидным...

Почнет тотчас в пыхах таскать из кармана бумашки. В одной кажет сатиру, в другой эпиграмму. Прочитавши любовную песню, ах! Сударыня, вздохнувши скажет, жаль, что вы Анакреонта в переводе не читали, вы бы увидели, сколь блиско я сему Греческому стихотворцу подражаю. Я читал при том и Геллерта и Готшейда на Немецком, великие то люди в Лейбцигском Немецком собрании! Безспорно, что Анакреонт из старых великий стихотворец, другие между учеными знатны. Но тебе можно ли быть такову, как они, когда одних ты читаешь в переводе и несовершенно разумеешь; других хотя и в оригинале, да не имеешь сам того источника, из которого они почерпают...

Ежели хочешь быть в публике автором, поступи дале во все словесные и во все свободные науки, которых может быть не только важность и польза к стихотворству, но и имена тебе неизвестны... Изучись отделять понятия и силлогистически представлять твои мысли. Положи основание по правилам Философии практической к благонравию. Пробеги все прочие науки, и не кажись в них пришельцем. Научись тем языкам, в которых библиотеку найдешь тебе учителей. Поступи во глубину чтения книг, найдешь науку баснословия, которая тебя вразумит к понятию старинных стихотворцов... В чем си-

1. ...de arte poet. v. 333, 343.
2. ...v. 400.
3. Цицер. за Архию стихотворца, в речи.

лен Демостен, в чем велик Цицерон, или слаб Квинтилиан, чем друг к другу как Ораторы ревнуют, было бы тебе известно. Чем чтит Гораций Виргилия, в чем Виргилий велик а Овидий нежен, почерпни то в самом языке Латинском.

...великие стихотворцы стихами своими никогда недовольны, и с сумнительством в народ их выпускают. Виргилий с великою робостию ночью был принужден к Цесаря Августа дому прибить стих свой похвальный:

Чрез целую ночь непогоду, а утром позорище видим:
Юпитер и Цесарь владеют светом совокупно.

Он всячески старался укрывать себя, хотя Император с крайнею ревностию желал автора сыскать столь чудному стиху. Но сие еще удивительнее, что при смерти очень просил, чтоб его Энеиды, над которыми он двенатцать лет трудился, были сожжены, ([1]) ежели бы Цесарь Август от того не удержал, и не отдал в сохранение и для чистой переписки двум славным стихотворцам Тукке и Вариусу, которым при том и повеление дал, чтоб они ни единого слова не отменили. От чего сие? От того что великие стихотворцы николи не имеют высокого о своих стихах мнения, и они крайнего всегда ищут совершенства в том, что издают в свет. Гораций во многих местах говорит про себя, что он на стихотворца не похож, и что будто духа стихотворческого он не имеет. Щастлив тот век, в которой Стихотворцы столь смиренномудрствовали. О! когда ты к нам возвратишься.

Худые поэты веку беспокойство! ([2])

Приведем поучительный пример попытки ознакомить русское общество с латинской литературой: раздел *Стихотворство Латинское* в анонимном очерке, посвященном всеобщей истории поэзии и опубликованном в московском университетском журнале «Полезное увеселение»[3]:

«Стихотворство, так как и прочие знатные художества, весьма поздно открыты были римлянам. Они упражняясь более пяти сот лет в воинских действиях и предприятиях, не имели вкуса к тому, что называлось *наукою*. Побежденная и покоренная Греция, покорила сама себе своих победителей новым родом победы, и имела над ними владычество, кое было тем славнее, что было непринужденно, и основано на превосходстве просвещения сего народа, которое возбудило

1. Патеркул, Светоний, Виргилий и проч:

2. ...Catull 14 23.

3. Полезное увеселение на Месяц Маий 1762 года, с. 210–215. Как видно из очерка, для тогдашнего русского читателя представляли интерес сведения — хотя бы и самые беглые — в том числе и о второстепенных фигурах латинской поэзии.

в римлянах к ним почтение, как скоро стало известно. Сей ученой и обходительной народ, будучи соединен безпрестанным сообщением с Римлянами, истребил из них помалу сии грубые и суровые поступки, которые у них остались от их древности, и вперил в них вкус к художествам способным исправить, укротить и просветить разум.

Сия щастливая перемена началась Стихотворством, которого главное свойство есть угождать, и которого прелести наполненные приятностью и увеселением, тем удобнее и скорее вселились; однако оно сперьва было грубо и неправильно. Сие Стихотворство начало свое восприяло на театре, и там на себя приняло вид гораздо приятнейшей и украшеннейшей. Оно, так сказать, испытало себя в Трагедии, Комедии и Сатире, которую нечувствительными приращениями привело до степени совершенства.

Римляне не имели у себя более четырех сот лет, никаких *Сценических игр*. Случай и роскошь произвели в одном их праздновании, стихи[1] *Фесценнические*[2], (Fescennins) которые им служили около 120 лет вместо драм. Они были грубы и без всякой меры, так как выдуманные невзначай, и сочиненные народом еще диким, неимеющим других учителей, как забавы и пиршества, преисполненные грубыми насмешками, и сопряженные с телодвижениями и плясанием.

Сим вольным и безпорядочным стихам наследовал другой род поэмы, благопристойнее первой, которая так же была изобильна веселыми насмешками. Сия поэма стала известна под именем *Сатиры*, (Satura) по причине своего различия; и сия Сатира имела правильную музыку и плясание: но безчестные телодвижения были из нея изгнаны. Сии Сатиры были честные шутки, где зрители и действующие лица были без различия пересмехаемы.

Ливий Андроник застал дела в сем состоянии, когда он вздумал первой сочинять *Трагедии и Комедии*, подражая Грекам. Он был невольник *Ливия Салинатора*, у коего обучал дочерей, и на последок от него был отпущен на волю. Он представил свою первую Трагедию в первой год по окончании первой Пунической войны, в 514 году от создания Рима, а около ста шестидесяти лет по смерти Софокла и Еврипида, пятьдесят лет после Менандра, и двести дватцать прежде кончины Виргилия.

Другие стихотворцы, почерпая из самого того источника, следовали его примеру: *Невий, Энний, Цецилий, Пакувий, Аттик или Акций, Плавт, Теренций и Сенека,* были славнейшие Латинские в драмах Стихотворцы. Первые семь жили почти все в одно время в продолжение

1. Здесь говорится о том, когда Стихотворства в Риме начало приходит в совершенство; по тому что оно еще было известно во времена Нумы Помпилия.

2. Сии стихи получили наименование свое от одного города в *Гетрурии*, называемого *Фесценния*, откуда они перешли в Рим.

шестидесяти лет, выключая *Теренция*, которой был всех их гораздо моложе и *Сенеки*, которой жил спустя два века после первых.

Луцилий, всадник Римской, почитается изобретателем Сатиры в разсуждении того, что он привел ея в порядок, каким после *Гораций*, *Персей* и *Ювенал* писали. В сем первой пример ему подал Энний.

Расстояние времени от Юлия Цесаря до половины владения Тивериева, заключающее в себе около ста лет, было наиблагополучнейшим временем для наук, а особливо в царствование *Августа*. Сей великий Государь находил от трудов воинских себе отдохновение в глубоком чтении. Он был для ученых больше друг, нежели покровитель. Владение его может называться для свободных наук, *златым веком*. Стихотворцы, Ораторы и Историки преизобиловали тогда в Риме, и вознесли славу оного до самой высочайшей степени. В его время науки достигли совершенства. Никогда они не были в такой славе и употреблении, как в то время. Знатнейшие Стихотворцы при нем были следующие.

Виргилий особливо прославился своей эпической поэмой называемой *Энеида*, по имени Энея Героя оной. Почтение, которое отдавал Август сему сочинителю, доказывает, сколь он был славен. Сей Государь будучи на войне против Кантабров, среди великих воинских трудов, принуждал его многими письмами, прислать часть *Энеиды*. Виргилий от того всегда отрицался, извиняясь слабостью своего сочинения. Он был пример смирения всем ученым; ибо сколь ни была прекрасна его *Энеида*, однако он почитал ея несовершенною, и хотел употребить три года на исправление оныя. Но смерть его застигла среди сего намерения. Он чувствуя ея приближение, просил, чтоб подали ему его письма, между коими находилась и *Энеида*, дабы их бросить в огонь. Но как отреклись зделать ему сие угождение: то он не позабыл приказать чрез свою духовную, сие исполнить.

Гораций, которого, хорошее воспитание вспомоществовало природной остроте был весьма любим *Меценатом и Августом*. Он препроводил пять лет в Афинах, где обучался Философии. Чрезмерно любил уединение, и не хотел на себя принять чин тайного секретаря, которым Август его жаловал. Писал *Оды, Сатиры, Епистолы* и *науку о Стихотворстве*.

Овидий, которому чрезвычайная вольность в Стихотворстве, или вероятнее сказать, любовь причинила ему изгнание, где он препроводя десять лет, умер. Имел великую способность к нежным стихам, написал *превращения*, несколько *Елегий*, Трагедию *Медею*, и прочие сим подобные сочинения.

Федр написал стихами пять книг, веселых, полезных и нравоучительных басен.

После Августа, прославились: *Сенека* Трагедиями, *Лукиан* сочинением поэмы, называемой *Фарсалия*, в которой он описывал войну Цесаря с Помпеем; *Персий, Ювенал, Петроний*, Сатирами; *Стаций* двумя

поэмами: *Тебаидой и Ахиллеидой, Марциал* эпиграммами. Из них некоторые жили при Клавдии, а прочие при Нероне. После их Латинское Стихотворство пришло в крайней упадок. *Клавдий* живший во времена *Аркадия* и *Онория*, которые ему поставили статую, достоин некоторого примечания. Он имел в себе многие свойства *Виргилия*: его ругательные сочинения против *Руфина* и *Евтропия*, были в великом почтении.

Авзоний жил при Императоре Грациане. Он будучи им возведен в Консулское достоинство, не перестал упражняться в Стихотворстве.

С. *Проспер, Аполлинарий, Боеций Консул, и Епископ Фортунат*, были последние славные Латинские Стихотворцы.

По раззорении сей великой империи от Варваров, все словесные науки на западе угасли. А Стихотворство тогда зделалось упражнением кукольных игроков, которые были объявлены безчестными от Карла великого и запрещены Соборами».

При Елизавете Петровне и Екатерине бурно развивается школьное дело. Создается Императорский Московский университет с двумя гимназиями (1755 — среди их выпускников Д. И. Фонвизин, А. Ф. Мерзляков и М. Н. Муравьев, один из замечательнейших поэтов XVIII столетия и прекрасный знаток античных древностей)[1] — и филиалом в Казани (1758), знаменитым благодаря Г. Р. Державину и — позднее — С. Т. Аксакову, — филиалом, позднее прекратившим свое существование «за недостатком средств», восстановленным при Павле I и уже при Александре I преобразованным в Казанский университет. Приглашенные профессора — знатоки античных древностей независимо от области преподавания; так, историк И. Г. Рейхель в своей речи *О том, как древние сообщали любовь к Отечеству*, ссылается наряду с греками и новейшими авторами на Горация, Лактанция, Валерия Максима, Вергилия, математик Рост — на Цицерона, Ювенала, Боэция, Горация, Петрония, Сенеку, Кв. Курция, Вегеция, Лукана, Тацита, Проперция[2]. Заводится образование для девушек (1764), преобразует-

1. Список переводимых им поэтов весьма велик. См. об этом: Алехина Л. А. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей. В кн.: РГБ. Записки Отдела рукописей, т. 49. М., 1990. Переводы стихотворных фрагментов из философских произведений Цицерона см. в статье: М. В. Ленчиненко, А. И. Любжин. Философские трактаты Цицерона в библиотеке М. Н. Муравьева. — ИЯКФ IX. 2005, с. 135—142.

2. *De veterum ratione amorem patriae commendandi.* In festo natali Augustissimae Monarchae Magnae Dominae CATHARINAE II totius Russiae Imperatricis et Autocratoris cet. cet. cet. ab Universitate Caesareo-Moscvensi die XXII Aprilis MDCCLXXV

ся кадетский корпус, в Москве М. М. Херасков учреждает при университете Благородный пансион (1778/1779), которому суждено будет стать колыбелью замечательных литературных талантов — Жуковского, Лермонтова, Шевырева. Создаются народные училища (восьмидесятые годы). Кроме журналов и отдельных переводов, источниками знакомства с античной литературой становятся некоторые распространенные учебные пособия — С. Пуфендорф в области права, Х. Баумейстер и И. Г. Винклер — в области философии. С ними знакомятся как в латинских оригиналах, так и в русских переводах; иногда читают и по-французски. В скобках отметим, что русские версии необходимо учитывать как материал при изучении истории перевода античных классиков.

Приведем в качестве примера этих учебников книгу Баумейстера. Вот как переводчик воспроизводит Горация: «Есть-либы живописец присовокупил к человеческой голове конскую шею, и на всеб тело навел красками разных птиц перья, собрав от всех животных члены так, чтоб прекрасная с верьху женская особа имела мерским видом черный рыбий хвост»[1]. Так выглядит Вергилий: «Необходимо надлежит тому, кто идучи, нечаянно наступил на змию, укрывшуюся в траве, и шипящую гневом и поднимающую на уязвление ехидную свою голову, бежать со всякою скоростию». Многочисленны ссылки на Цицерона; вот одна из них: «Цицерон разумно пишет: хотя бы, говорит он, честной человек и знал такое искусство, что, подписавшись под руку, мог бы свое имя на место другого в какой нибудь ложной духовной поставить; однако он такого

summa devotione celebrando breviter disserit Ioannes Gottfried Reichel, Professor Historiarum publicus ordinarius. Moscvae Typis Vniversitatis Caesareo-Moscvensis 1775, p. 6, 10, 11. *De perenni gloria imperantium quam ex felicitate populorum promota acquirunt.* Oratio solemnis qua Augustissimae, invictissimae, clementissimae Dominae CATHARINAE II omnium Russiarum Imperatrici et Autocratori Magnae, atque sapientissimae Patriae Matri etc. etc. etc. in publica Universitatis Caesareo-Moscvensis celebritate ad recolenda Imperii feliciter inchoati auspicia D. XXX. Iunii A. R. MDCCLXXVI. Ea qua decet maxima submissione gratulatur ad hunc actum constitutus Ioannes Ioachimus Iulius Rost Collegiorum Consiliaris et Profess. Math. Publ. Ordinar. Moscvae Typis Caesareo-Moscvensis Vniversitatis, passim.

1. Христиана Баумейстера Метафизика. Перевод с латинского. Вновь высмотрен и во многих местах исправлен Профессором Дмитрием Синьковским. Издание Второе. М.: в УТ у Н. Новикова, 1789, с. 23 — *ars* 1 слл.; *Aen.* 2, 379 — с. 49; *off.* 3, 19 — с. 20; пример о Плинии — с. 46–47. Подробнее см. мою статью «Об одном из способов знакомства русской публики с римской литературой в XVIII столетии (к постановке вопроса)». — ИЯКФ IX. 2005, с. 146–152.

искусства никогда в действо произвесть не захочет, хотя бы и подлинно знал, что его точно в том подозревать никто не будет». Не менее интересна и манера подвёрстывать примеры из античной истории для иллюстрации философских тезисов: «Плиний старший который о горе огнедышущей Везувии, подошед к ней весьма близко, подробнее знать хотел, пеплом и многими каменьями будучи осыпан, необходимо должен был, по причине густой пыли, задохнуться и живот окончить. Потому такая необходимость естественною называется». Многочисленны примеры из Цицерона, Теренция, Плиния Младшего, Ливия; есть Гораций, Сенека и другие. Общий объем цитат из античных авторов в вышеназванных пособиях чрезвычайно велик – наряду, конечно, с философскими авторитетами не столь отдаленного прошлого.

Для екатерининской эпохи характерно распространение просвещения вширь – оно, конечно, неизбежно теряет в глубине, но академические и университетские центры по мере сил борются и с этой опасностью[1]. В 1768 г. Императрица решает выделить пять тысяч рублей ежегодно для поощрения деятельности переводчиков; возникает «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на Российский язык»[2]. Руководство Обществом было поручено Г. В. Козицкому, который был знатоком древней литературы и сам переводил Овидия, Ливия, Лукиана, гр. В. Г. Орлову и гр. А. П. Шувалову. Кроме многочисленных переводов античных писателей (составлявших лишь одно из направлений деятельности общества, но весьма важное и приоритетное), была выпущена книжка «О полезном с юношеством чтении древних классических писателей» (1774 г.). С. Н. Глинка в своих *Записках* с высоты прожитых лет вспоминает об увлечении Римом, которое пережива-

1. «Слышим с удивлением на природном языке гремящих Демосфенов и Цыцеронов; имеем важных Гомеров и Виргилиев; услаждаемся приятностию Овидиев; читаем Ювеналов, с сожалением укоряющих людские пороки. И когда кто от природы одарен остротою, желает прославить себя науками на природном языке в славу отечества, себе в честь: непременно оному должен учиться по правилам Грамматическим» (из предисловия к Кратким правилам Российской Грамматики, собранным из разных Российских Грамматик в пользу Обучающегося Юношества в гимназиях Императорского Московского Университета. Издание осьмое. М.: в УТ у Ридигера и Клаудия, 1797, с. [5].

2. Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. СПб., 1913, с. 6.

ла дворянская молодежь в Кадетском корпусе: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян. Не ведал я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. Исполинский призрак Древнего Рима заслонял от нас родную страну — и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину»[1]. Для этого, конечно, не нужно непременно читать даже Тита Ливия и Тацита — Плутарха будет вполне довольно (хотя и Ливия, и Тацита[2] тоже читали). Однако античное наследие подчас находит себе самые причудливые пути к сердцам публики. Так, значительную серию афоризмов Публилия Сира мы обнаруживаем на страницах *Собрания сочинений, избранных из месяцословов*, среди таких заметок, как *Способ делать вино из крыжберсеня* и *Краткое и на опытах основанное описание действительнейших средств к возвращению утопшим жизни.* Публикатор предваряет перевод следующими словами: «Их нравоучительное и словомудренное содержание заслужило у ученых всеобщую похвалу, и вскоре по том различные в Европе повсюду явилися новые издания замысловатых речей сего остроумного сочинителя: да и в то же время были оне на многие переложены языки и напечатаны. И так для чего же нам оных и на Российском не издать языке? Чрез то услужим мы по крайней мере тем, которые их на Латинском подлиннике читать не могут»[3].

На рубеже столетий и в начале эпохи Александра I знание

1. Цит. по: Глинка С. Н. Записки. В кн.: Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М.: МГУ, 1996, с. 71. Воспитательное значение римской литературы актуально и для А. В. Суворова: «Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесаревы и Квинтус Курциус — Александрия». Письмо И. О. Курису от 26 сентября 1793 года. В кн.: А. С. Суворов. Письма. Изд. подготовил В. С. Лопатин. М.: Наука, 1986, с. 258.

2. Тацит — краткие фрагменты из *Агриколы* во французском переводе — фигурирует на замечательной «говорящей стене» графа Ф. Е. Ангальта в Кадетском корпусе, равным образом как — тоже по-французски — знаменитая сентенция из Цицерона о благах науки из *Arch.* и *victrix causa* Лукана (на сей раз обе без ссылки на источники или хотя бы авторов). См. Искусство учиться прогуливаясь, или Ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом, изданная С. Глинкою. М., 1829, с. 83, 59 и 32 соответственно.

3. Сс, избранных из месяцословов на разные годы. Часть VIII. СПб., 1792. Иждивением ИАН, с. 33. Сама публикация — с. 32–45, *Публия Сирянина мудрые и остроумные речи*, с прим.: Из Месяцослова с наставлениями на 1774 год.

древних языков представляет собой редкость среди дворян (за исключением тех, кто окончил курс Московского университета или какого-либо иного из лучших учебных заведений, а таких было немного). Но — несмотря на это — вот еще свидетельства, что латинское наследие в глазах образованных кругов сохраняло всю свою притягательность. Крупнейший историограф эпохи Карамзин был человеком, весьма начитанным в римских авторах. В предисловии к своему монументальному труду он пишет[1]: «Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний (epist. 5, 8, 4, 2 — *А. Л.*): тем более отечественная...

Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемый пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов». Его исторические познания проникают и в стихи: так, в пьесе *К Шекспирову подражателю* можно прочесть[2]:

> Великий Александр, земли завоеватель,
> Для современников был также образцом;
> Но в чем они ему искусно подражали?
> В геройстве ли души? в делах? ах, нет! не в том;
> Но шею к левому плечу, как он, склоняли[3].

Александр I намечает обширные реформы. Наряду с прочими создается (1802) Министерство народного просвещения, в течение нескольких ближайших лет Главные народные учи-

1. История государства Российского, т. 1. СПб.: в типографии Н. Греча, ²1818, с. XI и XV–XVI.

2. Соч. Карамзина. Том I. М.: в Типографии С. Селивановского, 1803, с. 230.

3. См. Кв. Курц. (*прим. автора*).

лища преобразуются в губернские гимназии (их четырехлетний курс переполнен реальными предметами, носит отчетливо энциклопедический характер, и присутствие в программе латыни, конечно, является чистой воды профанацией)[1], открывают свои двери публике университеты в Казани, Харькове, чуть позже в Петербурге. В 1811 году создают Царскосельский лицей с шестилетним энциклопедическим курсом, где номинально фигурирует латынь (Жозеф де Местр своим личным вмешательством спасает несчастных лицеистов от греческого, химии, зоологии, ботаники и психологии)[2]. Тратя громадные суммы на новые школы, совершенно не дорожат старыми, испытанными и зарекомендовавшими себя блестящими успехами: университетские гимназии Москвы не пережили пожар 1812 года[3]. Поверхностность и невежество, невольно поощряемые неразумной постановкой школьного дела, становятся всеобщим девизом — когда в 1809 году Император в отчаянии издал указ, согласно которому чин коллежского асессора давался только по экзамену, общественность была глубоко потрясена и возмущена: «Одни из дворян были не в состоянии отправлять детей в Москву; другие пугались премудрости и такому множеству наук, не почитая их для одной головы возможными; а большею частию и не хотели воспользоваться, утешаясь одним всеобщим ропотом на невозможность достичь ассесорства!.. Например, о латинском языке было такое понятие (впрочем, тоже и нынче в провинциях), что он нужен только для лекарей и семинаристов. Как все удивились, что по этому указу требуется для дворянских

1. Нет правила без исключения. Некоторые выпускники Московской губернской гимназии — напр., М. П. Погодин — владели латинским языком превосходно.

2. Интересна его аргументация против введения в курс греческого языка: «Поверьте, г. граф, трудолюбивым людям, которые занимались этим языком, столь красивым и столь трудным: нет в России ни одного юноши, рожденного в высших классах общества, кто не предпочел бы проделать три кампании и участвовать в шести регулярных баталиях, нежели затвердить назубок одни только греческие спряжения». Joseph de Maistre. Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie, à M. le comte Rasoumowsky, ministre de l'instruction publique. Première lettre. В кн.: Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Paris, ^{3}1853, p. 300.

3. Их выпускнику М. Н. Муравьеву — товарищу министра просвещения и попечителю Московского округа — удалось сохранить их в рамках общих преобразований как место подготовки ученых чиновников для Министерства просвещения.

детей знание языка латинского! Самое слово: студент, звучало чем-то не дворянским!..»[1].

В журнале Д. И. Хвостова «Друг просвещения» в анонимной заметке *О моде на языки* можно прочесть: «Латинской язык при Эннии был в младенчестве не очищен, не исправлен, и от того сделался стар; при Цицероне, Виргилии, и Горации пришел в совершенство. Наконец во времена Квинтилиана, и более при Сенеке и последователях его испортился, единственно от того что писатели, в прочем дарованием обилующие, ревнуя помрачить славу предшественников своих, употребили средство не достаточное, а для языка вредное. Первые искали красот в воображении пламенном и обильном, или в раздраженном и нежном чувстве; другие прибегнули к Витийству разума: они старались уловить внимание читателей, но не могли, удаляся от путей природы, одними блистательными дарованиями колебать души и удивлять мысли. — Согромаждение затейных слов, щеголеватых оборотов, замысловатых рассказов, мало по малу и в довольно короткое время язык Латинский, испортило и погрузило в забвение. Но лебедь Мантуанский над пучиною осьмнадцати столетий плавает во всей чистоте и величестве»[2].

Сторонником западного просвещения и классических авторов выступает В. Л. Пушкин. В послании К Д. В. Дашкову он пишет[3]:

Квириты храбрые полсветом обладали,
Но общежитию их Греки научали.
Науки перешли в Рим гордый из Афин,

1. Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. В кн.: Дмитриев М. А. Московские элегии. М.: МР, 1985. Ср. лаконичную эпитафию *Высокоученому*, принадлежащую перу сатирика А. Н. Нахимова: «Гниет здесь гордая латынь. Аминь» (Соч. Акима Нахимова в стихах и прозе, напечатанные по смерти его († 1815 — *А. Л.*). М., 1822, с. 109).

2. Ч. I, № 2, февраль 1805 г., с. 97. Автором — судя по характеру высказанных идей, совпадающих с оценками, приведенными ниже, в разделах об отдельных авторах — является сам Д. И. Хвостов.

3. Сочинения Пушкина (Василия Львовича). Изд. А. Смирдина. СПб., в типографии ИАН. 1855, с. 23–24. Ср. К В. А. Жуковскому: «Кто Русской грамате, как должно, не учился, / Напрасно тот писать трагедии пустился; Поэма громкая, в которой плана нет, / Не псенопение, но сущий только бред. / Вот мнение мое! Я в нем не ошибаюсь / И на Горация и Депрео ссылаюсь: Они против врагов мне твердый будут щит; / Рассудок следовать примерам их велит» (с. 8).

И славный Цицерон, оратор-гражданин,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Был велеречием обязан Демосфену.
Виргилия учил поэзии Гомер;
Грядущим временам век августов пример!..
Сен-Пьер, Делилль, Фонтан мне были там знакомы:
Они свидетели, что я в земле чужой
Гордился Русским быть, и Русский был прямой.
Не грубым Остяком, достойным сожаленья,
Предстал пред ними я любителем ученья;
Они то видели, что с юных дней моих
Познаний я искал не в именах одних;
Что с восхищением читал я Фукидида,
Тацита, Плиния — и, признаюсь, Кандида.

Гроза 1812 года также осмысляется в духе классических образцов: Н. Хмельницкий пишет стихотворное переложение *Скифы к Александру Великому* (вольный перевод из VII книги Квинта-Курция)[1]:

Великий Александр, победами надменной,
Сей Царь — гроза людей, сей бич и страх вселенной,
Включая гибель царств в число бессмертных дел,
Готовит в торжестве и Скифам сей удел.
Но жители сих стран, с геройскими сердцами,
Свободными родясь — гнушались быть рабами;
Равны — и не мечтав о суетных честях,
Вели счастливы дни в отеческих лесах.

Одновременно Общество любителей российской словесности предлагает публике вопросы о трагедии, один из которых звучит так: «Почему у Римлян не было знаменитых трагиков подобно Греческим?». Член Общества, великий актер, видный писатель П. А. Плавильщиков дает на него следующий ответ[2]:

Латинские писатели заимствовали все от Греков даже до лиц и содержания своих трагедий; и ежели являются какие либо красоты в их

1. Санктпетербургский вестник, Издаваемый Обществом любителей Словесности, Наук и Художеств, ч. 3. СПб.: в Морской типографии, 1812, сентябрь, № 9, с. 257–258.

2. Труды ОЛРС при МУ, М.: в УТ, 1812, ч. IV, с. 158, 160, 172–173.

действии, то сии красоты не подлинные, а заимствованные, подражательные. Хотя и упражнялись великие Римские мужи в сочинении трагедий, как-то: *Овидий* написал *Медею*, *Кесарь Эдипа*, *Акций* и *Пакувий* современники Сципионов были первыми Римскими трагиками, коих трагедии по приказанию Эдилей были представляемы на театре в Риме; но ни одна из них не сохранилась до наших времен, кроме некоторых несвязных отрывков. Одне только трагедии *Сенекины* дошли до нас; но и оне не что иное, как одно только подражание Греческим, в коих ничего нет Римского, кроме языка, который, может быть, по свойству своему не мог выразить так сильно ни свойств Греческих, ни оборотов их разговора. У Греков в трагедиях все свое; у Римлян все чужее. Знатоки однакож не отрицают красот трагических в некоторых местах у Сенеки... Для чего *Виргилий* в первых своих шести песнях стоит на ровне с Омиром? Кажется причину отгадать не трудно: Виргилий избрал для своей *поэмы* содержание совсем новое: его лица Эней, Дидона, Ярб не находятся в Греческих поемах, и следовательно Виргилий собственною своею дорогою прошел к бессмертию: и вот различие между своим и чужим!

Один из эстетически одаренных дворян В. С. Филимонов позднее в шуточной поэме *Дурацкий колпак* вспоминает о своем образовании (которое он получил на рубеже столетий)[1]:

Плутарх и Ливий был забыт,
Саллустий пламенный, разгневанный Тацит,
Без них век целый Фирс провел благополучно...
Меж римско-греческих теней
Не все ж сидеть мне с мертвецами;
И, я не потаю пред вами,
Мне посмотреть живых хотелося людей.

Однако — забегая вперед — это не единственный подход для молодежи, воспитанной на рубеже веков. Ал. И. Тургенев пишет из Рима 13 апреля 1833 г. П. А. Вяземскому: «Из Monte-Cassino и San-Germano возвратились мы на другой день в Капуу, и оттуда прежней дорогой в Рим; но в этот раз я видел прелестную Террачину в прекрасное утро и в сумерки вечера, когда в самом центре города стада укрывались в пещерах утеса,

1. Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...» Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. М.: МР, 1988, с. 28. Ср. 15-й афоризм М. Ю. Лермонтова: «De mortuis non nisi bene, золотое правило древних! Не оно ли причиною славы Горациев и Квинтилианов?» — *Мысли, выписки и замечания*, ПСс, М., 1953, т. 4. с. 380.

над коим возвышалась громада Теодорикова дворца, в развалинах. Город — в горах и утесах; море подмывало стены нашего трактира и разбивалось о груды камней, свалившихся с высот *Анксура* — древнее название Террачины в стихе Горация: Impositum saxis late candentibus *Anxur*. Из Террачины по пути *Апиянскому*, который древние называли Regina Viarum, может быть и потому, что Кесарь и Императоры, от Августа до Теодорика, пролагали его, поскакали мы к Mola di Gaetta, которой вид предпочитают некоторые Неапольским. На пути в Неаполь завтракал я здесь в вилле Цицероновой морскими раками; теперь читал в ней письма Цицерона и стихи Горация, коими запасся в Капуе. Эти места напоминают беспрестанно или смерть Цицерона, или путешествие Горация, или кормилицу Энея, Каэту:

> Tu quoque littoribus nostris, Aeneija nutrix,
> Aeternam moriens famam Cajeta dedisti, etc...

Как же не читать их здесь, хотя и в Неапольском охолощенном издании?»[1].

Расширяется и география классических интересов (этому немало способствуют только что основанные университеты со своими печатными изданиями). Меньше (если не рассматривать западные провинции) это проявляется в Казани; но издаваемый в Харькове *Украинский вестник* свидетельствует о наличии в центре Слободской Украины целого кружка ревнителей античных древностей; наиболее заметные фигуры в этом отношении — Разумник Гонорский и Ив. Вернет, символи-

1. АбТ, вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским, т. I: 1814—1833. Под ред. и с прим. Н. К. Кульмана. Изд. Отд. Русского языка и словесности Российской Академии Наук. Пг., 1921, с. 190—191. Ср. АбТ 2, Письма и Дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода. (1802—1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. С введением и примечаниями В. М. Истрина. Изд. ОРЯиС ИАН. СПб., 1911. Вергилия Ал. И. Тургенев цитирует для иллюстрации перемен по правительственной и судебной части.

С. 212: «После обеда был у Митшерлиха и записался к нему для Латинских уроков от 3 и до 4 после обеда, пять раз в неделю. Приятной сюрприз для Батюшки, когда я вдруг в глазах его переведу место из Цицерона. С чувством гордости и самодовольства скажу я тогда ему: „Это одно только, что я сделал без вашего позволения! И верно, вы не имеете причин пенять мне, а я — раскаиваться“».

зирующие союз немцев с семинаристами — главную движущую силу отечественного просвещения (их конкретные оценки и отзывы о древних будут приведены в соответствующих разделах). Однако они не остаются в одиночестве: напр., А. Левшин (*Греки и римляне на поприще наук и искусств*) дает краткий обзор-сравнение литературы греков и римлян по жанрам[1]:

Здесь (т. е. в лирической поэзии — А. Л.) Рим оспоривает славу Греции: он выставляет нам *Горация*. Но Гораций один, — и мы с досадою признаемся, что великий Стихотворец, соединивший достоинства философа с любезностию светского человека не мог греметь как Пиндар, вздыхать подобно Сафе и смеяться с Анакреоном. В своем роде он совершеннее их... но творения его однако не заменили Риму всех лирических произведений Греции.

Греческая Сатира на против того, ежли можно так назвать злые, непристойные ругательства Гиппонакса и Архилоха, очень далека от Римской; и Римляне в сем отношении ничего незаняли у Греков; Квинтилиан имел полное право сказать: *Satira tota nostra est.* (Сатира совершенно принадлежит нам). Я неупомяну о сатирических произведениях *Лициния*, ибо его сочинения не дошли до нас. Но искусный тонкий, нежный и всегда колкий *Гораций*, важный, угрюмый *Персий*, и строгий, едкий, насмешливый, пылкий, красноречивый *Ювенал*, усовершили сатирическую поэзию Римлян, более нежели сколько можно было ожидать. В этом роде Греки далеко отстали от Римлян.

Из *Баснописцев* Греция выставляет нам *Езопа*, Рим *Федра:* нравственные наставления и естественность первого сравнивают с краткостию, чистотою и красотою слога последнего: но сравнение сие совсем ложно. Езоп был творец басен, а Федр его переводчик. Довольно сего, чтобы определить, кому из них должно отдать преимущество.

Драмматическая поэзия имела подобную участь. В Греции она возвысилась столько, сколько могла; в Риме она исчезла при первом появлении своем. Что значат *Сенека, Плавт* и *Теренций* в сравнении с *Эсхилом, Софоклом, Еврипидом, Менандром, Аристофаном, Кратином*? Что значат шесть, довольно обработанных *комедий Теренция* и таковое же или еще меньшее число едва сносных произведений Плавта в сравнении со 100 *Трагедиями* Эсхила... Рим говоря в строгом смысле, не имел со всем театра. Название *полу-Менандра*, данное *Юлием* Цезарем Теренцию и слова Горация, который глупостию называет снисхождение, оказанное Плавту, служат явным тому доказательством. Я умолчу о поэзии *Эпической*, не скажу ничего о *Пастушеской*. Римляне старались в них подражать Грекам, но подражания не уступают подлинникам...

1. УВ на 1817-й год. Часть VII, кн. 8, август, с. 140–147.

Согласимся с тем же Квинтилианом, что Римский Оратор обязан величием своим ораторам Афинским: но в заключение скажем, что естьли он точно соединил в себе все их достоинства, то неоспоримо он каждого из них превзошел. Прибавим к тому замечанное Лагарпом преимущество Цицерона перед Демосфеном. *Первый*, пишет он, *имел ум и слог всех родов: у последнего сего недоставало.* И так не взирая на Фенелона решительно присвоившего первенство Демосфену, мы осмелимся приписать оное с Квинтилианом Цицерону...

Древние мудрецы, которых Греки нащитали семь, у Римлян не нашли себе осьмого...

Любовь Римлян к славе и великие дела возвысили *Историю* их до того совершенства, которого ни прежде ни после она недостигала нигде. Правда, Греки были учителями их; но подлинники остались несравненно ниже подражаний: Римские Историки превзошли Греческих. Квинтилиан хотя и сравнивает *Тита Ливия* с *Геродотом*, а *Саллюстия* с *Фукидидом*, но новейшие писатели очень основательно опровергают такое сравнение. Нежный, разборчивый вкус, приятный, плавный, красноречивый слог *Тита Ливия* приобрели ему гораздо большее уважение, нежели какое себе заслужил от потомства *Геродот*, рассказывающий басни противные здравому рассудку. Касательно *Фукидида* мы положимся на суд Квинтилиана... Пусть Саллюстий будет подобен ему; но с кем сравним несравненного *Тацита*? Греция не произвела соперника ему; Рим не имел равного с ним; вселенная еще невидала другого подобного ему Историка. Кто более его любил добродетель? Кто более гнушался пороков и преследовал их? Кто умел лучше Тацита возраждать в сердце любовь к первой и ненависть к последним? Кто лучше хвалил великих людей? и чья кисть разительнее изобразила гнусность тиранов? Должно согласиться с Лагарпом, что искуство Тацита есть тайна, которая едва ли будет когда нибудь открыта.

Р. Гонорский в статье *Образцы легкой поэзии* признается[1]: «Наряду с Гомером и Гезиодом идут Анакреон и Сапфо, наряду с Виргилием и Лукрецием Катулл и Гораций; Тибулл, Овидий и Проперций составляют еще и поныне самое лучшее удовольствие людей образованных». В статье *Об изящных художествах у греков и влиянии их на нравственность* В. Джунковский сопоставляет «неисчерпаемый гений» Гомера и «тонкого художника» Вергилия, пишет о превосходстве Горация над Пиндаром в ясности, Цицерона над Демосфеном в красноречии и ссылается на Витрувия, Петрония, Тацита и Плиния Старшего[2];

1. УВ на 1817-й год. Часть VIII, кн. 12, декабрь, с. 270.
2. УВ на 1819-й год, ч. XVI, кн. 10, октябрь. Харьков: в УТ, 1819, с. 13, 17 (с оцен-

Ф-ий (по-видимому, сам издатель?) печатает перевод четырех писем Плиния Младшего[1] с восхищенной репликой: «По сему начертанию может судить теперь всякий: находятся ли в наших письмах те совершенства, какие рассыпаны в сих Плиниевых?» (с. 84).

Прекрасно формулирует отношение к античным образцам своего поколения Н. Иванчин-Писарев: «Содержание древних Поэм, подвиги, жертвоприношения, пиршества Гомеровых героев, самые боги его, без предварительного уважения к древности и справедливого удивления неподражаемым красотам образов, показались-бы нам смешными. Сердца наши не полетят уже за Ахиллесом, влекущим врага своего около стен Троянских (место, приводившее в восторг древних Греков); но кто, чрез пространство двадцати столетий, не сольет слез своих со слезами Афинян над прощанием Гектора с Андромахою, или узрев Приама у ног Ахиллеса? Мы не уважим причин, побудивших Энея быть вероломным пред Дидоною, причин, некогда столь уваженных Римлянами; но восхищаемся героическою дружбой Низоса и Эвриала; и в сих чувствованиях ручаемся за позднейших потомков. Чувство переживает не только действия нашего воображения, но и самые умствования»[2].

А. Ф. Мерзляков считает русскую словесность и русское просвещение достаточно зрелыми для того, чтобы перестать подражать подражателям и обратиться к самому источнику: «В рассуждении образцов, должно признаться, что мы не там их ищем, где должно. — Французская Литература без сомнения возвышена до возможной степени совершенства: — но Французы сами подражали... — По чему нам, для сохранения собственного своего характера и своей чести, не почерпать сокровищ чистых, неизменных, из той же первой сокровищницы, из которой они почерпали? — по чему нам также беспосредственно не пользоваться наставлениями их учителей, Греков и Римлян?»[3]. В Петербурге близкую позицию занимает Дм. Вас. Даш-

кой аллитерации *Aen.* 8, 596 *HN* 34, 82); 38 (Serv. ad *Aen.* 6); ноябрь, с. 163 (Vitruv. 7, 5); 164 (*HN* 35, 1; Petr. *sat.* p. 324 (= 84?); Tac. *hist.* 1, 1, 5); 172 (*HN* 35, 5).

1. Ibid., 1818, июль, ч. XI, с. 73 слл.

2. *Мысли и замечания.* В кн.: Новейшие стихотворения Н. Иванчина-Писарева. Собранные после издания 1819 года, с прибавлением нескольких сочинений его в прозе. М.: в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической академии. 1828, с, 245–246.

3. Рассуждение о Российской Словесности в нынешнем ее состоянии, в кн.: Труды ОЛРС при МУ, М.: в УТ, ч. I, 1812, с. 105–106.

ков в статье *Нечто о журналах:* «Ныне слишком пренебрегают изучением древних языков, без которых однако же не может существовать истинная ученость. Новейшие языки весьма полезны для писателя; но древние для него необходимы... Множество прекраснейших книг на Греческом и Латинском языках образуют вкус читателя, подавая ему вместе и правила, и примеры. Ученые и художники найдут в них обильную пищу для рассудка и воображения, а искусный журналист пространное поле для сравнения новейшей словесности с древнею. Не должно думать, чтобы мы во всем превзошли Греков и Римлян: мы во многом еще остались позади их. Сколь бедно, на пример, красноречие наше в сравнении с бессмертными творениями Демосфена и Цицерона. Сколь сухи пред ним почти все наши напыщенные похвальные слова и речи, или рассуждения, неимеющие ни плана ни связи в мыслях!»[1]. В том же номере мы сталкиваемся с забавной сатирой *К Луказию* за подписью М. с эпиграфом из *serm.* 1, 4, 92–94[2], отзывающуюся чтением не только Горация, но и Ювенала с Цицероном и показывающую, что совет не остался без исполнения:

Луказий! решено: ты хочешь быть поэтом,
И требуешь, чтоб я снабдил тебя советом,
Как славы достигать и имени певца: –
Что легче как найти невежду и льстеца?..
Рубеллию тверди, что он рожден вельможей;
Жене его шепни, что всех она пригожей;
А Балдусу вралю, что первый он поэт,
И одами зови его высокий бред...
К Вралеву забеги с пренизким ты поклоном:
Ему не в первый раз вступаться Цицероном
За скаредных певцов, уродство их хвалить;
Дерзни его хоть раз с Горацием сравнить –
И он провозгласит тебя пред целым светом
И нашим Пиндаром и классиком-поэтом!

Герасим Сокольский в *Речи о пользе правил в Словесности* пишет: «Цицерон и Гораций бессмертным пером своим начертали те правила, которым доныне следуют ревностные их почитате-

1. Санктпетербургский вестник..., ч. 1, 1812, январь, № 1, с. 19–20.
2. Санктпетербургский вестник..., ч. 1, 1812, январь, № 1, с. 51 слл.

ли. И не одни питомцы Муз обязаны предаваться изучению правил: каждый любитель словесности должен руководствоваться ими при чтении и разборе изящных произведений... Не льзя читать Виргилия и Тасса с *совершенным* удовольствием, не зная начал Епопеи. Критика, просвещенная критика всегда обращает око свое на правила и поверяет на них, как на пробном камне, изящные произведения в Словесности... Отдавая справедливость назидательным правилам, впрочем должно признаться откровенно, что одне правила не производили и не произведут ничего превосходного. Оне только воспитывают и совершенствуют врожденные способности, но заменить их не могут. О сколь справедливо говорит Цицерон в сем случае: если бы искусство делало нас красноречивыми, — кто бы не был красноречивым (1)? Сколько было бы Платонов и Димосфенов, Пиндаров и Горациев, если бы правила раждали Ораторов и Стихотворцев!»[2]. О том, как в русских образованных кругах двадцатых годов относились к наследию латинской литературы, свидетельствует знаменитый *Словарь* Н. Ф. Остолопова. История римской сатиры, содержащаяся в нем, настолько любопытна, что мы приведем ее почти полностью[3]:

Начало Сатиры Латинской можно назначить с Ливия Андроника, родом Грека. Он своими правильными театральными представлениями послужил к перемене формы Сатиры, которая у него приняла вид несколько похожий на драматический, и показывалась прежде или после главного представления, иногда и между актами. В первом случае называли ее *jsode* (εἰσόδον), представление при входе, при начале; во втором *exode* (ἐξιόδον), представление при выходе, при окончании, а в третьем, то есть между актами, (ἐμβόλον).

Она возвратила прежнее свое свойство и прежнее имя при Энии и Пакувии, показавшихся через несколько времени после Андроника — по причине различных или смешанных видов, даваемых ей ими-

1. de Orat. II. 57 (прим. автора).

2. Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС при МУ, ч. III. М.: в УТ, 1825, с. 332—333.

3. Словарь древней и новой Поэзии, составленный Николаем Остоловым, Действительным и Почетным Членом разных Ученых Обществ, ч. 3. В СПб.: в Типографии Императорской Российской Академии, 1821, с. 68 слл. Данные позднее индивидуальные характеристики сатириков (а также содержащиеся в предыдущих частях эпиков и др.) будут даны в соответствующих разделах.

более Эннием, ибо он употреблял в ней без разбора и без всякого порядка разные роды стихов.

Теренций Варрон еще смелее был Энния в Сатире, названнойим *Менипея*, по сходству с Сатирою Менippa, Греческого Циника. Он смешивал стихи с прозою, и следовательно более других имел право назвать свои творения Сатирами, по данной им форме.

Наконец явился Луцилий; он установил вид Сатиры, какой находится у Горация, Персия и Ювенала, и даже у новейших народов. Тогда значение слова *Сатира* переменилось; его стали придавать смешению предметов, а не форм, ибо действительно в сих сочинениях находится *осмеяние* и самих людей, и различных странностей их и пороков. – Каий Луцилий... бывши поведения совершенно строгого, он объявил себя врагом пороков и прилепился к Сатире. Он написал более тридцати книг Сатир, из которых осталось только несколько отрывков; но сия потеря, по словам Горация, не заслуживает большого сожаления: слог его груб и стихи слабы.

Гораций... был счастливее своих предшественников, ибо родился в самое цветущее время Латинской словесности: он довел Сатиру до возможного совершенства – и употреблял в ней все строгости к порокам не более того, сколько нужно для соделания злых и глупцов людьми презрительными. В Сатирах его виден философ чувствительный, смотрящий с прискорбием на человеческие погрешности, и только изредка позволяющий себе над оными посмеяться. Он назвал свои Сатиры и Сатирические послания *Sermones* (речи, разговоры, рассуждения) – и сие одно достаточно объясняет их характер...

В Сатирах его (Персия – А. Л.) видны чувства возвышенные. Слог его силен, но темен от частых Аллегорий и Метафор. Хотя старался он подражать Горацию, но совершенно от него отличен: не имеет столько приятности, и вообще в Сатирах его видна какая-то злоба против тех, которых осмеивает.

Ювенал... получивши всеобщее одобрение за сочиненную им Сатиру на какого-то Париса... совершенно предался сему роду; но Сатирики и в старину любимы не были: его определили на военную службу, и под видом отличия или милости, послали в Египет. Там, снедаемый скукою, восстал он против несправедливости фортуны и против людей знатных, употреблявших во зло свое могущество. Слог Ювенала силен; Ипербола есть любимейшая его фигура. Юлий Скалигер называет его царем Сатирических поэтов, и говорит, что он *ardet, instat, jugulat*, воспламеняется, наступает, поражает.

Выход в свет *Истории государства Российского* наводит на мысль сравнить Карамзина с великими историками Рима. Ниже мы приведем несколько суждений на сей предмет; теперь же ограничимся развернутой репликой Н. Иванчина-Писарева (*Речь в память Историографу Российской Империи. Произнесена в Москве*

в Обществе Истории и древностей Российских 1827 года)[1]: «Говоря собственно о слоге, мы можем сравнивать: когда читаем описание кончины В. К. Василия Иоанновича, мы слышим Тита-Ливия; в повествовании от кончине Царя Иоанна мы слышим Тацита. Ксенофонт и Квинт-Курций не блистательнее в изображении ратных подвигов. Сравнивая прилежнее, мы нигде не находим подражания: везде свое, везде красоты самобытные. Заметим черту похвальную в Историке: не уступая Тациту в силе, когда бросает гром в тиранов, он превосходит его добротою сердца. ... У древних и новейших немного найдем подобных примеров слога. Так Флор возвестил о Сципионе-младенце...».

Атмосфера европейского просвещения делала свое дело. Фигуры, широко знакомые с латинской литературой по оригиналам, представляли собой редкость (кроме уже перечисленных, к той эпохе относятся П. А. Катенин и А. Ф. Бриген, первый из которых был близок к декабристам, а второй сам участвовал в бунте[2]). Но, сняв это требование, мы все же вынуждены будем согласиться, что знакомство с римскими авторами делает определенные успехи. Л. Н. Толстой сохраняет историческую достоверность, когда выводит одного из главных героев *Войны и мира* читающим *Записки* Цезаря. Люди поколения декабристов интересуются в основном историками. Последние — прежде всего Саллюстий, Цезарь, Тацит — находятся в библиотеках Н. М. Муравьева, А. Ф. Бригена[3]. А. А. Бестужев и Ф. Н. Глинка заглядывают даже в Квинта Курция. Саллюстий в оригинале и во французском переводе сопровождает М. И. Муравьева-Апостола в Форт-Славу. Здесь завязывается утомительная борьба над телом Патрокла[4]: над

1. Новейшие стихотворения И. Иванчина-Писарева. Собранные после издания 1819 года, с прибавлением нескольких сочинений его в прозе. М.: в Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1828, с. 201. Здесь же отметим цитату из Квинтилиана («Квинтилиан, упомянув о славном Юпитере Олимпийском, сказал, что сие дивное изваяние умножило набожность народов: скажем смело, что творение Карамзина способно, в сердцах благородных сограждан, умножить привязанность к Отечеству» (с. 203). Ср. *inst.* 12, 10, 9.

2. Он дал такие показания следственной комиссии: «Я наиболее старался усовершенствоваться в истории и языках новейших и латинском». Свое свободолюбие он приписывал чтению Тацита. См. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 189—190.

3. Волк С. С. Op. cit., с. 181 слл.

4. На самом деле даже раньше: благонамеренному Карамзину было запре-

античными штудиями все время висит подозрение в республиканстве и вольномыслии, их сторонникам приходится оправдываться (как Пушкину в его знаменитой записке *О народном воспитании*). Известный ревизор Казанского университета М. Л. Магницкий удовлетворенно отмечает результаты своих усилий на берегах Волги: «В житиях святых исчезла тень Брутов»[1]. Невыгодны для латыни и современные тенденции в науке и в общественном мнении Запада: так, Кс. А. Полевой в статье *«Полтава», поэма Александра Пушкина* пишет: «Не только современные славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобных им, но вековые славы разрушились в наше время. Не только слава частных лиц, но слава целых литератур пала, и слава других восстала в прочной, бессмертной силе. Давно ли латинскую литературу ставили рядом с греческою — и кто осмелится теперь сделать это? Давно ли французская литература первенствовала у всех народов — и кто теперь не отрицает ее первенства?.. И все это совершилось в девятнадцатый век! Где же причина сего непостижимого для многих явления? Что вдруг просветило благословенный XIX век?» — и отвечает на свой вопрос: «Критика утвердилась не на понятиях толпы, всегда прикованной к своему веку, но на истинных понятиях об изящном... Человека можно уподобить человечеству: что восхищает его в младенчестве, то смешит в лета ума»[2]. Но ассоциация Рима и смерти — хотя иногда окрашенная тоской и сожалением — удел не только тех, кто стремится к безграничному прогрессу, но и тех, кто станет в ближайшем будущем их самими стойкими оппонентами. Так, С. П. Шевырев пишет *Стансы Риму*[3]:

По лествице торжественных веков
Ты к славе шел, о древний град свободы!
Ты путь свершал при звоне тех оков,
Которыми опутывал народы.

щено опубликовать перевод из Демосфена, а, по мнению цензуры, «таких авторов переводить не должно», как и Саллюстия и Цицерона. — Волк С. С. Op. cit., с. 182.

1. Цит. по: Волк С. С. Op. cit., с. 176.

2. Московский телеграф, ч. XXVII, № 10, 1829, май, с. 222–223. Ср. К. Ф. Рылеев, *Несколько мыслей о поэзии*, РЭТ, т. 2, с. 587: «Мы часто ставим на одну доску поэта оригинального с подражателем: Гомера с Вергилием, Эсхила с Вольтером» (1825 г.).

3. Телескоп. 1831, январь, № 2, с. 179–180.

Все в след тебе, покорное, текло,
И тучами ты скрыл во мгле эфирной
Перунами сверкавшее чело,
Венчанное короною всемирной.

Но ринулись посланницы снегов,
Кипящие мятели поколений, —
И пал гигант по лествице ж веков,
Биясь об их отзывные ступени...

В том же журнале ему отвечает Трилунный[1] (*Рим. К Шевыреву*):

Ты просишь вздохов, жаждешь слез,
О Рим, но кто тебя оплачет?
Чей гений образ твой означит?
С тобой — великих мир исчез,
И сердцу грустно, сердцу больно!..
Сокройсяж, призрак гробовой!
Нет, слез вселенной не довольно —
Скропить бездушный пепел твой! —

...Ты слышишь гимн веков прощальной;
С тобой беседует Катон,
И при лампаде бледнолунной,
Звучит на лире сладкострунной
Торквато Тасс или Марон.

Отдельная страница в истории восприятия классических древностей — «Библиотека для чтения» О. Сенковского. Враг передового направления в русской литературе, ученейший профессор-востоковед создал журнал, рассчитанный на массового читателя, и писал языком, предназначенным отнюдь не для аристократии читательского сообщества. Специального интереса к античным древностям в «Библиотеке...» не чувствуется; тем интереснее те критические сюжеты, когда потребности полемики завлекают критика на это поприще. Вот его выпад против французских современников, Низара и Вильменя: «Г. Низару хотелось сказать, что эта Словесность обна-

1. Август, № 16, с. 444 слл.

руживает все признаки упадка, что Г. Виктор Гюго есть писатель времен упадка, — и вот он принялся за Латинскую литературу, к истории которой, как-бы нарочно для него, приплелось в одном месте слово „упадок", освященное старою привычкою профессоров. С какою радостью, с каким восторгом подхватил он это слово! С той минуты у него все упадает, и если что не хочет упасть само, так он закидает на него веревки, и тащит изо всей силы, чтобы непременно упало. Федр падает! Сенека падает! Лукан падает! Персий, Ювенал падают! Г. Низар — разоритель хуже Тамерлана. Да если бы Федр, Сенека, Лукан, Персий и Ювенал были из числа нынешних Французских писателей, так право никто в Европе, ни даже вы сами, великий пророк упадка, не сказали б, что ваша Словесность клонится к падению!.. Перестаньте же наконец основывать понятие упадка Словесности или вкуса на уклонении языка от форм данной эпохи! Языки изменяются беспрерывно вместе с нравами и понятиями народов: это их свойство, — но они никогда непортятся... и только тот писатель заслуживает имя безвкусного и манерного, который не говорит языком своего времени. Когда вы допускаете, что только язык известной эпохи, отличившейся твореними пяти или шести великих писателей, хорош, правилен и благозвучен, тогда одно средство спасти Словесность от упадка — истребить весь народ тотчас после смерти великих писателей...Как же назовете вы промежуток, разделяющий две блестящие, неотдаленные эпохи Английской Словесности, — одной из всех новейших, которая может быть поставлена на ряду с древнею Греческою?.. Упадком? Я не думаю, чтоб язык Попа был запечатлен этим позорным клеймом. Федр, Стаций, Ювенал и прочие были писатели такого же промежутка в Латинской Словесности, и называются поэтами времен упадка потому только, что эта Словесность, имев своих Шекспиров и Мильтонов, не дождалась своего Байрона...»[1].

Интересный образчик использования латинских эпиграфов этой эпохи — драматическая фантазия в четырех частях

1. Эпохи упадка словесностей. — Библиотека для чтения. Журнал Словесности, Наук, Художеств, Промышленности, Новостей и Мод, составленный из литературных и ученых трудов К. И Арсеньева, Е. А. Баратынского, Барона Брамбеуса..., т. V. СПб.: изд. книгопродавца Александра Смирдина. 1834, с. 71—73 второй пагинации. Интересно, что, в отличие от критических статей, эта подписана не псевдонимом. Отдельные характеристики — в разделах об авторах.

Джулио Мости (1834) Нестора Кукольника. Наряду с многочисленными цитатами из Шиллера и вполне понятными — из итальянцев, а также одиночными — из Санназара, Гете и Делавиня он прибегает и к римским писателям[1]: Марциал (1, 76, 3–4), Тацит (*ann.* 1, 7, 14–15: «если устранить награду за дела, погибнут и дела»), Гораций (*ars* 270–272), даже Валерий Флакк (4, 36–37), а также Вергилий (*ecl.* 3, 86). В пятиактной трагедии *Генерал-поручик Паткуль* он удачно обыгрывает претензии Карла XII, вкладывая ему в уста накануне похода из Саксонии в Россию[2].

> Август. Мой Лейпциг больше книжный магазин;
> Однако ж все найдете, что угодно.
> Карл. И кстати! Квинта Курция куплю.
> Как сапоги, мой Курций износился...

Маятник колеблется из стороны в сторону; плодотворнейшим периодом в истории русского просвещения становится министерство С. С. Уварова (1833–1849). Устав 1828 года — подлинный триумф здравых подходов к просвещению, и российская гимназия выходит, наконец, на правильную дорогу. Сами классические древности приобрели от этого меньше всего; зато стремительно ускоряется развитие естественных и гуманитарных наук. Наряду с екатерининской эпохой николаевская — кульминационный пункт русской образованности. Основные общественные течения эпохи — западники и славянофилы — представлены замечательными эрудитами, хорошо знакомыми с европейской культурой и античными древностями. Но для первых это во многом — пройденный этап, и в защиту классического образования поднимет свой голос только Т. Н. Грановский, а вторым, воскресившим дух борцов XVII века против западного засилья, в силу русского консерватизма не хватает вкуса к Риму[3]. Славянофилам так и не удается пре-

1. Сочинения Нестора Кукольника. Сочинения драматические, т. 1. СПб.: в типографии И. Фишона, 1851, с. 374, 392, 403, 409, 505.

2. Т. 3, 1852, с. 169.

3. Так, С. П. Шевырев в своем (опубликованном посмертно) лекционном курсе уделил латинской поэзии одно чтение — значительно меньше, чем одному Гомеру, совершенно скомкав римскую тему. См. История поэзии. Чтения адъюнкта МУ Степана Шевырева, т. 2. СПб., 1892. Много резких реплик в адрес Рима у А. С. Хомякова, напр., в *Семирамиде:* «Сухость мысли <у французов>, мертвая условность, поглотившая все лучшие стремления души, скудость

вратиться в мощное общественное движение, и в конечном итоге их идеология сближается с узким национализмом, а среди западников верх одерживают наиболее нетерпимые и невежественные, которых тяготят культурные реминисценции, свойственные первым — благороднейшим — представителям этого умонастроения.

Замечательный памятник образованности позднеалександровской и раннениколаевской эпохи — *Путешествие по Сицилии, в 1822-м году* А. Норова[1], впоследствии министра просвещения. Автор приводит громадное количество цитат, свидетельствующих о том, что все, написанное античными авторами о прекрасном острове, было им прочитано самым внимательным образом. Довольно часто даются переводы цитируемых стихов, иногда — прозаические, иногда — рифмованным силлабо-тоническим стихом. Обильнее всего (что неудивительно) цитируются Цицерон и Вергилий; но автор не упускает и Горация, и Сенеку Младшего, и Плиния Старшего, и Силия Италика, и Плавта, и Клавдиана, и Помпония Мелу, и даже Исидора. Приведем пример журнального обзора эпохи Николая I, свидетельствующего о том, что римская литература пока еще актуальна для образованного сословия, и определяющего изменившийся характер этой актуальности, — обзора, включенного одним из лучших филологов-классиков России того времени Д. Крюковым в статью о Таците[2]. Само по себе такое восприятие римской литературы — уже, конечно, зловещий симптом...

фантазии, бесчувственность к стройному и прекрасному ясно свидетельствует о влиянии древнего Рима, совершеннейшего представителя вещественной силы, холодного расчета и положительной выгоды». — Хомяков А. С. Соч. в 2-х тт., т. 1: Работы по историософии. М.: Медиум, 1994, с. 110.

1. В 1822-м году. Часть первая и вторая. СПб.: в Типографии Александра Смирдина, 1828. Приведем стихотворные переводы из античных поэтов, содержащиеся в данной книге (все они не отражены в указателе Свиясова), а также некоторые прозаические: Hor. *epod.* 2, 23–28 (1, с. 90); *carm.* 1, 5, 1–8 (2, с. 58); 2, 3, 13–16 (2, с. 59); Verg. *georg.* 1, 493–497 (1, с. 98); *ecl.* 10, 42–43 (1, с. 223); *Aen.* 1, 50–63 (прозой, 1, 236–237); 3, 410–413 (1, с. 241, прозой); 3, 639–640 (2, с. 121); 3, 568–582 (2, с. 139–140); Ov. *am.* 1, 3, 14 (2, с. 39); *met.* 5, 493–496 (2, с. 76); Aesch. *Prometh.* 351–372 (2, с. 194–195, стихотворный перевод латинского переложения); Mosch. *id.* 7 (ссылка автора; в изд. Bucoliques Grecs. II. Pseudo-Théocrite. Moschos. Bion. Divers. Texte établi et traduit par E. Legrand. Paris, 1953, Bion *frg.* 8 — 2, с. 47).

2. *О трагическом характере истории Тацита.* — В журн.: МП, ч. II, № 3, 1841, с. 123.

Чувство духа, отрешенного от действительности и принужденного искать убежища в себе самом, есть скорбное чувство, и вот откуда происходит эта глубокая скорбь Римского мира и этот унылый характер, который имеют многие произведения Римской словесности, принадлежащие к эпохе упадка. Историк Саллюстий, первый из Римлян, выражает эту возвышенную скорбь духа, и в двух великих исторических картинах показывает, каким образом державный народ со всем его величием и торжествами, есть жалкий, погибающий народ, не достойный наследия славы, завещанного предками. Гораций несет также на себе всю тяжесть этой патриотической скорби, и среди лирического восторга, его муза часто задумывается над бедственным положением Рима, над его будущею судьбою. Но настоящее порождение эпохи падения, есть Римская сатира, которая уже прямо высказывает противоречие нравственного духовного бытия народа с его развращением общественным. В сатире Римской, поэт, находящийся в раздоре с действительностью, с страстным негодованием обращается на эту действительность, столь резко противоречащую его отвлеченной идее добра и истины. Видя свое бессилие победить противоречие, он ищет утешение в том, что высказывает его, и, так сказать, слагает с себя перед судом человеческой нравственности ответственность в том, что непроизвольно участвует в скверне и разврате Римского мира. Римская сатира Персия и Ювенала – есть красноречивый протест общей человеческой нравственности против разврата Римского.

Описание борьбы правительства и правительственной интеллигенции с духом времени – как и подробное рассмотрение педагогических концепций и систем, непосредственно и тесно связанных с этой борьбой, – завело бы нас слишком далеко. «Пагубная роскошь полупознаний, коей начало есть порча нравов, а конец – погибель» – объявленная в Манифесте о наказании декабристов причина возмущения – отныне уже сделала навсегда невозможным благодушие прежней эпохи. Анекдот превращается в трагедию, чтение древних классиков – из частного дела, которым оно было раньше, в акт гражданского мужества либо расписку в собственной безнадежной ретроградности. Отчаянная борьба Уварова обречена на поражение европейской революцией: отныне в глазах правительства признаком благонадежности стали естественные науки. Начало пятидесятых годов знаменует разгром уваровской школы. Александр II последовательно Уставами 1864 и 1871 года (второй – при ненавидимом лютой ненавистью всеми сторонниками «прогресса» министре Д. А. Толстом) старается спасти

положение, преобразовав русскую гимназию на классических началах на манер прусской, но в глазах общества — особенно т. н. «передового» — древность со своим эстетизмом безнадежно скомпрометирована. Каролина Павлова с ностальгией пишет в предисловии к *Laterna magica:*

> Марая лист, об осужденьи колком
> Моих стихов порою мыслю я;
> Чернь светская, с своим холодным толком,
> Опасный нам и строгий судия.
> Как римлянин, нельзя петь встречи с волком
> Уж в наши дни, иль смерти воробья[1].

Реформы приводят к массовой демократизации жизни; привилегиям происхождения приходят на смену привилегии образовательного ценза (отнюдь не образованности!); полуграмотные разночинцы, с грехом пополам отбывавшие номер в одном из университетов Империи, где они вкушали плоды «пагубной роскоши», требуют и добиваются неслыханных льгот, — напр., по воинской повинности; но благодетельный Указ Императора Александра I на них уже не распространяется. Они отбирают у дворянства ведущие позиции в культуре; и прежде всего их захватывают выпускники духовных семинарий. В этой сфере — если верить знаменитым *Очеркам бурсы* Помяловского — много «человеческой, слишком человеческой» патологии; необходимо, конечно, учитывать эффект впечатления; но факт остается фактом: от гангрены и белой горячки гибнут с таким же удовольствием и в том же возрасте, что раньше на дуэлях и в многочисленных войнах. Именно в этот момент семинарии переживают критический период своей истории: новейшие нигилистические доктрины, помноженные на бедное и беспросветное существование, так же губят русские головы, как огненная вода — туземцев Аляски и Калифорнии. На смену широко, но поверхностно образованным аристократам, читавшим древних во французских и немецких переводах, могли бы прийти знатоки древних языков, преподавание которых в семинариях стояло на достаточно высоком уровне; и действительно, среди крупных ученых второй поло-

1. Полное собрание стихотворений, М.—Л: Советский писатель, 1964, с. 147 (сентябрь 1850 г.). Ср. Hor. *carm.* 1, 22, Catull. *carm.* 3.

вины века немало бывших семинаристов. Но напрасно один из образованнейших их представителей, либерально настроенный В. И. Модестов, будет обвинять современную ему литературу в неотесанности вкуса: «Не замечали ли вы, что у русских писателей, иногда даже у очень прославляемых, всегда есть нечто недоделанное, нечто недоконченное, нечто, если будет позволено так выразиться, топорное, грубое, немножко претящее вкусу, развитому на образцовых писателях? Я это замечал постоянно и потому, быть может, не принадлежу к большим любителям русской литературы последнего времени. Вот это грубое, недоконченное, недоделанное, не удовлетворяющее развитого вкуса, и свидетельствует о скудости литературного и художественного образования новейших русских писателей. Прежние писатели, например Пушкинского времени, стояли в этом отношении гораздо выше. Они искали нового образования у высших образцов, были знакомы с древними писателями; потому-то они писали так выработанно, так законченно, потому-то и сами сделались в своем роде классическими»[1]. Знатоков древности будут с готовностью выслушивать лишь тогда, когда они высказываются в пользу ее упразднения. Впрочем, в стане прогрессистов можно было услышать и более достойные речи: анонимный критик «Отечественных записок» в рецензии на книгу Н. Благовещенского *О литературных партиях в Риме в век Августа* (СПб., в тип. Эд. Веймара, 1855) пишет: «Что может быть старее толков о Горации, Виргилии, Цицероне, Меценате, Плавте, Теренции, которые надоедают всем еще в школе, и которых цитируют только английские ораторы в парламенте, да французские фёльетонисты в журналах, чтоб блеснуть будто-бы незабытой ученостью? А посмотрите, как все эти писатели делаются интересными, когда автор захочет узнать: волновали ли их те бедствия и те радости, которые достаются в удел новым писателям от борьбы литературных партий, их успеха или падения; были ли старинные писатели подвержены тому же разделению на литературные партии, какое замечаем у новейших народов... Принесли ли пользу эти литературные партии словесности?»[2]. При этом разложение античного компонента отечественной культуры

1. Модестов В. И. Классический мир с русской точки зрения (публичная лекция, сказанная в зале Городской думы 9 марта 1885 г.). Новь, 1885, № 11, с. 285.
2. 1855, ч. 6, июнь, с. 77 четвертой пагинации.

(парадокс или закономерность?) идет рука об руку с ростом качества научных исследований: картина конца XVIII—начала XIX века повторяется, с тем только отличием, что никто и ничто не мешает людям, знающим о Греции и Риме лишь понаслышке, быть уверенными в высоком качестве и ранге своей эрудиции[1]. Такой представитель элиты русской образованности, как Д. С. Мережковский, писал о своих гимназических годах[2]:

И жизнь пошла чредой однообразной;
Зазубрины и пятнышки чернил
Все те же на моей скамейке грязной,
Родной язык коверкая, долбил
Я тот же вздор латыни безобразной...

Другой его лирический герой, оказавшись в том же положении, что и автор *Онегина*, не может позволить себе роскошь безмятежного расцвета и выбора между Цицероном и Апулеем: настойчивый Д. А. Толстой прокрался в каждое жилище, угнездился под зеленым абажуром на письменном столе каждого школьника:

Домой он не на радость приходил:
И отдохнуть не смел ребенок бедный.
Над Цицероном выбившись из сил,
Еще князей удельных он зубрил
До полночи, измученный и бледный[3].

На рубеже столетий и чуть позднее ситуацию удается переломить. Широкое движение модернизма пробуждает в русском обществе дремлющие эстетические потребности; в революции 1905 года частично сгорает запас антикультурных аффектов, накопленных интеллигенцией, и в общей реабилитации

1. Об оценке преподавателей древних языков в русской литературе см. прекрасную статью М. Соболевой «Страх перед латинистом» (Лицейское и гимназическое образование, № 3 (4), 1998).

2. Старинные октавы, II, XLV. См. об этой теме: Дронова Т. И. «И сладок нам лишь узнаванья миг...». Античность в культурологической рефлексии Д. С. Мережковского. В сб.: Античный мир и мы. Выпуск 4. Материалы и тезисы конференции. Саратов, 21—22 марта 1997. Саратов, 1998.

3. *Вера.* Повесть в стихах, глава I, XXVIII.

частной жизни со всеми ее удовольствиями в ущерб диктату политики Эллада и Рим также привлекают к себе внимание. Наряду с Эсхилом и Вергилий находит читателей. Общая болезнь русского просвещения — концентрация его в узких кружках, в то время как полуобразованная масса предпочитает питаться суррогатами, — продолжает свирепствовать во всей силе[1], и с ростом влияния общественного мнения на внутреннюю политику классическая гимназия Д. А. Толстого постепенно разрушается. Тем не менее, можно было надеяться на то, что, когда пена схлынет, на смену придет более сильная в творческом отношении эпоха, которая могла бы продолжить все ценное в деятельности своих предшественников[2] (частично это и осуществилось в трудах акмеистов). Но испытания мировой войны оказались для страны непосильными, и в течение следующих десятилетий усилий цвета ее образованности едва-едва хватало на то, чтобы не дать традиции окончательно погибнуть.

1. Министр просвещения А. Н. Шварц 30 августа 1908 года пишет своему ученику, великому филологу-классику С. И. Соболевскому: «Упорядочить учебные заведения все равно мне не дадут: русские все готовы вынести, кроме ученья...» — ОПИ ГИМ, ф. 310, ед. хр. 9, л. 462.

2. Об античности в творчестве Б. Л. Пастернака см.: Скоропадская А. А. Пастернак и античность (к постановке вопроса). РГД, с. 171–184.

III[1]

Долитературные тексты привлекают внимание студента Петербургского университета Н. Г. Чернышевского, который 24 января 1847 г. пишет своему двоюродному брату А. Н. Пыпину: «Я теперь ничего не читаю, не пишу, не говорю, а только пою старинные, древние римские песни» и перелагает известный гимн арвальских братьев на классический латинский язык[2].

Архаическая поэзия. В. И. Модестов дает афористически емкую характеристику творчеству Ливия Андроника: «Это был Тредьяковский римской литературы, и его Одиссея, не смотря на ее существование в школах и привязанность к ней педантов-учителей, казалась в цветущий век римской литературы чем-то вроде *Телемахиды*, в роде чего-то допотопного». Он же характеризует Невия как «человека пылкого характера и весьма свободного образа мыслей», высоко оценивая его талант и чистоту языка[3]. Феофан Прокопович приводил знаменитый стих Энния *Ann.* 1, 104 в качестве примера неудачной аллитерации: «Как во всякой речи, так в особенности в стихе недостатком является резкое скопление подобных слогов или частое повторение одной и той же буквы»[4]. Цитата из Энния — (*trag.* 199 сл. J. = Gell. 19, 10, 12) о неумении пользоваться досугом встречается в одном из важнейших «внешних» документов московского масонства — приглашении на торжественное открытие

1. Ряд приведенных в этом разделе данных, относящихся к XVIII столетию, вошел в статью: Античная литература (в соавторстве с Н. Н. Казанским). Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах, т. 1, кн. 1, СПб., 2001, с. 67—74.

2. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского. В кн.: УЗ МОПИ, т. XXXIV, вып. 2. М., 1955, с. 160—161. См. также в том же выпуске Тахо-Годи А. А. Именной и предметный указатель высказываний Чернышевского из области античного мира. О знакомстве Чернышевского с латинским языком см. также: Филиппов Л. К., Филиппов С. Л. Иностранные языки в жизни Н. Г. Чернышевского. часть 1. Античный мир и мы, вып. 4. Материалы и тезисы конференции. Саратов, 21—22 марта 1997. Саратов, 1998.

3. Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах В. И. Модестовым. Полное издание. СПб., 1888, с. 75, 77 слл.

4. *De arte poetica* в кн.: Феофан Прокопович. Соч. Изд. АН СССР. М.—Л., 1961, с. 389, пер. Г. А. Стратановского.

Дружеского ученого общества 6 ноября 1782 г.[1] Ф. Козельский настолько скромен, что не ставит себя на одну доску с Эннием: «Виргилий славный Римский Стихотворец, когда у него некто с удивлением спрашивал, для чего он Энния не важного Стихотворца читает? Я, ответствовал, из навозу Энниева выбираю золото. Ибо сей Стихотворец хотя и весьма низкой имел штиль в своем сочинении; однако между неприятными его стихами не редко находились важные и разумные мнения. Я знаю, что в сем моем сочинении, благосклонный читатель, не сыщешь золота: однако уповаю, что и своего в нем не потеряешь»[2]. Модестов считает, что Энний «был проникнут скорее греческим, чем римским духом», и полагал, что «значение Энния в римской литературе удивительно сходно с значением в нашей литературе Ломоносова»[3]. М. В. Милонов сочинил *Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века* (*сатира шестая*), сатиру слишком, на наш взгляд, размытую и декламационную, чтобы можно было говорить о конкретном источнике[4]; некоторые пассажи напоминают ситуацию с Гракхами:

> Я зрел, при пышности вельможеских дворов, —
> Как в миг, их алчности в угодность, исчезало
> Терпение и труд чрез целый ряд годов,
> Как Истину и Честь изгнанье осрамляло!
> Я зрел... Отечество! красу твою и щит,
> Героев, средь смертей, себя на жертву несших,
> И, возвратясь к тебе, о срам, о вечный стыд!
> Позор и нищету и глад себе обретших!

Характеристика Д. И. Хвостова, данная в примечаниях к переводу Буало, по-видимому, несамостоятельна, однако же сви-

1. М. Н. Лонгинов, op. cit., с. 411 (прил. 2): «Дух праздного не знает, чего желает в праздности. То есть мы не занимаемся войной, да нет нас и в отечестве. Идем сюда, отсюда туда; но туда пришед, тянемся назад. Дух бродит в неизвестности, и мы живем и не живем». Был ли автором текста И. Г. Шварц?

2. Сочинения Федора Козельского. Второе изд., испр. и вновь приумноженное, ч. II. [СПб.] Печатано при Императорской АН, 1778, с. 6. Подробнее см.: Русские читатели Проперция: Ф. Я. Козельский. — Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. 19–21 июня 2006 г. СПб.: Наука, 2005, с. 177–179.

3. Op. cit., с. 89, 96.

4. Сатиры, Послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова. СПб., 1819, с. 195 слл. Может быть, эти строфы навеяны критическими пассажами Саллюстиева *Югурты*?

детельствует о попытке полностью охватить сатирический жанр: «Луцилий Каий, Римский Всадник, знаменитый предками и стихотворным даром... прославился сатирами, не смотря на то, что слог в них чорств и груб. Он почитается изобретателем сей поэмы в настоящем ее виде»[1]. Модестов характеризует Луцилия как писателя, «который имел особенное чутье подмечать все комическое в жизни и не щадил никого и ничего»[2]. Внимание же русской читающей публики ранняя римская литература стала привлекать довольно поздно. Заслуга привлечения к ней общественного внимания принадлежит В. И. Модестову; он же в своих «Лекциях...» дал первые образчики переводов.

Плавт, Цецилий, Теренций. Феофан Прокопович часто ссылается на Плавта в лекционном курсе *De arte poetica; Bacch.* 1087 слл. он приводит в качестве примера амплификации (с. 418), советуя в писании комедий подражать Плавту и Теренцию (с. 382). Попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев пишет будущему профессору, а тогда студенту Р. Ф. Тимковскому: «Внушите в слушателей ваших тоже страстное удивление к благородной простоте Корнелия (Непота? — *А. Л.*; впрочем, это не более вероятно, нежели Пьер Корнель) и Теренция, к величественному изобилию Цицерона и Тита Ливия, к щастливой дерзости Горация, к неподражаемой избранности Вергилия»[3]. Он же на собственном экземпляре риторики Бургия выписывает *Phorm.* 265 (в его версии ссылка выглядит так: Act. II. S. 1)[4]. Знаменитый М. М. Сперанский в своем юношеском учебнике дал Теренцию следующую характеристику: «Теренций, один из наилучших образцов в слове простом, — писатель, которому древние и новейшие единогласно отдают справедливость в изображениях естественных, который наилучше умел входить в характеры людей и рисовать нравы каждого тончайшими чертами...» (с разбором пролога

1. Полное собрание стихотворений Графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Печатано в Типографии Российской Императорской Академии. СПб, 1822, ч. IV, с. 131.

2. Op. cit., с. 158.

3. 1804 Генв. 5 дня. В кн.: Сборник ОЛРС на 1981 год. М., 1891, с. 85.

4. Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus... Editio nova, denuo recognita, et multis modis aucta. Wratislaviae, Apud Guilielm. Theophil. Korn. Экземпляр входит в состав библиотеки Муравьевых, хранящейся в НБ МУ; шифр — 9 Ix 39.

Heautontimorumenos)[1]. Д. И. Хвостов соглашался с версией, что пьесы Теренция писаны Сципионом Африканским (которую он приводит в примечании к нижепроцитированному месту), и ставил их ниже мольеровских[2]:

> Средь Рима древнего преславный победитель
> Менандру следуя, комедий сочинитель.
> Он слога чистоту и плавность наблюдал,
> Но сердце смертного один Мольер читал.

Н. Ф. Остолопов предпочитает Плавта: «Сочинение, основанное на нравах общих, должно нравиться повсюду и всегда. Плавтова Комедия *Скупец*, около двух тысяч лет уже написанная, по ныне нравится и будет приятна позднейшим потомкам. Комедии же, в которых описываются нравы частные, не могут доставлять такого продолжительного удовольствия: и сверх того оне имеют успех в одной своей родине. Мы читаем с большою приятностию *Андриенну* и другие комедии Теренция потому только, что оне хорошо написаны, и хорошо расположены; но оне не могут быть для нас занимательны, ибо мы видим в них единственно изображение тогдашних Римских нравов, совершенно отличных от нынешних»[3]. Д. — В. в статье *Философско-историческое рассуждение, о постепенном ходе вообще словесности и витийства, в собственном смысле взятого* дает такую характеристику римским комикам: «Плавт и Теренций... не изображали нравов Римских, но только переводили театр Греческий на язык природный; почему и служат единственно к познанию тогдашнего Римского вкуса. Первый все изображал смело, сильно, разительно; второй же с Аттической утонченностию, неподражаемою простотою и нежными оттенками. Плавт писал для Сената воинственного и общества поселян, живших во времена победителей при Заме; Теренций для века, в коем философия и нега побежденной Греции начали укрощать ее победителей-властелинов»; «Плавт и Теренций положили некоторые начала доброго вкуса и внесли

1. Правила высшего красноречия, postum, СПб., 1844, с. 121 слл. Плавта он считает автором «низкого», в противоположность «естественному» Теренция (с. 141).

2. ПС стихотворений, ч. II, СПб, 1821. В послании *К творцу комедии: Семья расстроенная Осторожкою, или подозрениями*, с. 45. Ср. также ч. IV, 1822, с. 160.

3. Словарь.., ч. 2, с. 49.

в Латинскую речь красоты, до того неизвестные»[1]. П. А. Катенин так оценивает обоих латинских комиков: «Их мудрено признать за сочинителей, они более похожи на переводчиков: все лица в их комедии греки, все чужое, все копия; что-нибудь свое сотворить им и в мысль не приходило. Теренция Юлий Кесарь называл в похвалу полу-Менандром: по-моему, это все-таки значит полу-человек. Знатоки хвалят его слог, а в Плавте видят более vis comica: может быть; но главнейшее их достоинство в том, что за утратою подлинников они сохранили нам новую греческую комедию»[2]. Н. А. Добролюбов, будучи студентом Главного Педагогического института, занимался переводом *Aulularia* и даже написал работу *О Плавте и его значении для изучения римской жизни;* по мнению студента, Плавт «много жил, много видел и неудивительно, что даже в переделках греческих пьес умел верно и живо рисовать нравы римского общества»[3]. Н. Г. Чернышевский считает, что «у Плавта из всех римских поэтов самый непринужденный язык», но преувеличивает подражательность римской комедии[4]. По мнению В. И. Модестова, «ни один из римских комиков так хорошо не понимал своего народа, как Плавт... Его изображения отличались не только остроумием, но и необыкновенною живостью». Другого великого комика он характеризует так: «У Цецилия есть много изучения, много заботы о тщательной отделке, нельзя не заметить также серьезности мысли... но должно быть талант его не поражал никакой особенной силой, должно быть в нем не было ни живости Плавта, ни едкости Мольера, ни силы Грибоедова, ни свежести юмора Гоголя»[5]. А. И. Герцен цитирует *Andr.* 194 в *Былом и думах*[6]. Знаменитый афоризм Теренция (*heaut.* 1, 77) цитирует М. А. Дмитриев, приписывая его, впрочем, Плавту[7]. Н. Я. Данилевский иронически обыгрыва-

1. Труды Высочайше утвержденного ОЛРС, ч. II. 1818, СПб.: в Типографии Карла Края, с. 29–30; 143. Эпиграф статьи – из Квинтилиана, *inst.* 3, 2, 1.

2. Катенин П. А. Размышления и разборы. Ст. V. О поэзии латинской. В кн.: П. А. Катенин. Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981, с. 71–72.

3. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Добролюбова. В кн.: УЗ МОПИ, т. LV, вып. 5. М., 1957, с. 184, 193 слл., особенно 197.

4. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 189.

5. Op. cit., с. 108–109, 115.

6. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена. В кн.: УЗ МОПИ, т. XXVI, вып. 1. М., 1953, с. 201. См. также Тахо-Годи А. А. Именной и предметный указатель высказываний Герцена из области античного мира. Ibid., т. XXXIV, вып. 2, М., 1955.

7. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литера-

ет его (*Europaeus sum et nihil europaei a me alienum esse puto*) в своем классическом труде[1], а славист В. В. Макушев — в совершенно противоположном духе, избрав своим девизом *Slavus sum et nihil slavici a me alienum esse puto*[2]. Плавт привлекает к себе внимание как автор для школьного театра: в гимназии К. И. Мая ставят в оригинале *Trinummus*[3].

Лукреций. М. М. Херасков пишет дидактический эпос *Плоды наук*, в некоторых пунктах (прежде всего религиозным пафосом) полемизирующий с *De rerum natura*, в некоторых вторящий последнему[4]:

> Из уст любезных Муз, Великий Князь! внемли,
> Колико выгодны науки на земли;
> Не светом их в стихах рассудки просвещаю,
> Но свет наук любя, о пользе их вещаю;
> Преобразилася искусством их земля,
> Златою жатвою оделися поля;
> Чрез некое сложась как будто чародейство,
> Употребляется металл и древо в действо;
> Влечется по полям волами тяжкий плуг,
> Серпы меж класами и косы блещут вкруг...

Увлечение великим эпиком чуть не стоило карьеры магистру Д. С. Аничкову, представившему на соискание звания ординарного профессора диссертацию из натурального Богословия *О начале и происшествии натурального богопочитания.* Но в засе-

турное обозрение, 1998, с. 490. Его же во введении к своим *Запискам человека* приводит А. Д. Галахов (М.: Новое литературное обозрение, 1999, с. 18: «И вот языческий поэт произнес уже великие слова... Это изречение должно служить твердым лозунгом живущего, похвальным надгробием умершего» — к сентенции восходит само заглавие). Кроме того, цитируют М. П. Погодин, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Добролюбов, И. А. Бунин, Ф. М. Достоевский (СЛКС, с. 326–327).

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991, с. 61.

2. Наша университетская наука. В кн.: Писарев Д. И. Соч. в 4 тт., т. 2, с. 169. Самая гордая версия — у Ю. Айхенвальда в очерке о Лермонтове: *Homo sum et nihil divini a me alienum esse puto* (Силуэты русских писателей, М.: Республика, 1994, с. 92).

3. Лихачев Д. С., Благово Н. В., Белодубровский Е. В. Школа на Васильевском. М., 1990, с. 39.

4. Начало 3 песни. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. III. М., 1797, с. 14. Ср. в особенности конец 5 книги *De rerum natura*, прежде всего 1453–1456.

дании конференции 24 августа 1769 года большинство профессоров резко выступили против мнений, изложенных в работе. «Профессор Рейхель, в особенной Латинской речи, укорял Аничкова в том, что он слишком увлекся Лукрецием, которого Рейхель называл между философами пролетарием, porcum ex grege Epicuri, заимствуя свое сравнение из Эрнести»[1] (источник — Hor., *epist.* 1, 4, 16). Московский архиепископ Амвросий доносил Синоду, что Аничков «опровергает Священное Писание, и в нем Богознамения и чудеса, тако же рай и ад и диаволов, соравняя их хитроковарным образом с натуральными или небывалыми вещьми, а Моисея, Сампсона и Давида с языческими богами; во утверждение того атеистического мнения приводит безбожного Епикурова последователя Лукреция, да всескверного Петрония»[2]. М. Н. Муравьев приводит Лукреция в качестве мастера высокого слога: «Иногда самая необъятность и неопределенность картины составляет ее величество. Лукреций говорит об Эпикуре:

> Далеко он помчался
> За пламенеющий вселенныя предел
> И неизмеримость душею прелетел»[3].

Ситуация меняется довольно скоро: в конце столетия будущий государственный секретарь, а пока скромный преподаватель риторики в Санкт-Петербургской Духовной академии М. М. Сперанский в учебнике «Правила высшего красноречия»[4] приводит 1, 64—75 в качестве образца высокого слога: «Что может быть великолепнее, как сие изображение суеверия в Лукреции?» П. А. Катенин пишет о Лукреции: «В лукрециевой поэме видно отличное дарование; но поэма „De Rerum Natura", по тому же естеству вещей, необходимо суха и скучна; из нее твердят два-три отрывка блестящих, остальное... ли-

1. С. П. Шевырев. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855, ²1998, с. 142. Ср. у современного исследователя: «Диссертация пестрит ссылками на эту поэму» (Гагарин А. П. Первая философская диссертация, защищавшаяся в МУ. (Д. С. Аничков, последователь Ломоносова). Вестник МГУ, № 7, 1952, с. 152).

2. Цит. по: Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: МГУ, 1955, с. 220.

3. Рассуждение о различии слогов. В кн.: Опыт трудов Вольного Российского собрания при МУ, ч. 6. М.: в УТ у Н. Новикова, 1783, с. 19.

4. Правила высшего красноречия, с. 194.

сты не разрезаны»[1]. Пушкин также не прошел мимо творчества поэта-философа[2]. Интересовался творчеством Лукреция А. И. Герцен (в статье 1843 года *Капризы и раздумья*), критикуя его утверждение, что нет наслаждения больше, нежели смотреть с берега на тонущий корабль[3]. Оценка в *Письмах об изучении природы* более теплая: «такого сочувствия с жизнью от Лукреция до Гете вы не встретите»[4]. В. И. Модестов оценивает *De rerum natura* так: «В этой поэме все необыкновенно и поразительно: и своеобразный талант автора, и самое содержание произведения, и высокая поэтическая форма, в которую так смело облечено философское сочинение, и возвышенный характер поэмы, и страстный проповеднический тон, и так мало свойственное римскому характеру увлечение»[5].

Катулл[6]. По-видимому, один из дистихов Катулла задал интонацию элегическому прощанию Стефана Яворского с библиотекой[7] (ср. *carm.* 68, 159–160):

Vos mihi dulcedo, vos mel, vos nectar eratis,
Vobiscum, libri, vivere dulce fuit.

Феофан Прокопович переделывает знаменитые стихи из 5-го стихотворения в сапфическую и алкееву строфу:

Occidunt seri redeuntque soles;
Cum semel nobis brevis occidit lux,
Una & aeterna trahimus rigentem
Nocte soporem.
Quod nunc Iberis fluctibus abdidit
Phoebus, serenum cras revehet jubar;

1. Размышления и разборы..., с. 80.

2. Мальчукова Т. Г. О традиции Лукреция в поэзии А. С. Пушкина. В сб.: От сюжета к мотиву. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1996.

3. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 141, 155 et alibi.

4. Сс., т. 3, М., 1954; Покровская З. А, op. cit., с. 93.

5. Op. cit., с. 317. Ср. с. 324: «По силе таланта Лукреций не имеет себе равного во всей римской литературе. Но нельзя того же сказать относительно литературной стороны его поэмы».

6. Кибальник С. А. Катулл в русской поэзии XVIII–первой половины XIX века. В кн.: Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983.

7. Текст: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914, с. VI–VII.

At nostra si lux in sepulchrum
Occidat, haud poterit redire[1].

Он же хвалит гекзаметрический стих 64, 15 (с. 398) и находит многочисленные недостатки в элегических дистихах веронца (с. 440). А. Д. Кантемир использует катулловский пример для того, чтобы продемонстрировать возможность фалекейского стиха на русском языке[2]: «Естьли кто склонен подражать Катулианским эндекасиллабам, должен 1) делить одиннадцатисложный стих на два полустишия, таким образом, чтобы в первом было шесть, во втором пять слогов; и 2) неотменно хранить в первом полустишии *четвертой* слог долгой, *пятой* и *шестой* короткие; а во втором *четвертой* долгой.

Кому дам новую книжку исправно
Многим очищену трудом недавно,
Книжку забавную тебе дам другу
Никито, ты мои стишки с досугу
Охотно преж сего чел, признавая
Что в штуках[3] кроется польза какая».

Для переводчика Овидия И. Е. Срезневского Катулл — «стихотворец нецеломудренный, родился в поле Веронском»[4]. Недоволен нравственным аспектом творчества поэта и М. Н. Муравьев: «Марини и Катулл под знаменами своими ведут только тех юношей, коим для исправления должно читать Ювена-

1. Соч., с. 356.

2. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских, с. 13. Прилож. к кн.: Квинта Горация Флакка десять писем первой книги переведены с Латинских стихов на Руские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении Руских стихов. Печатаны в Санктпетербурге при ИАН 1744 года.

3. Sic! возможно, следовало бы читать *шутках*.

4. Плач Публия Овидия Назона. Москва, в Типографии И. Зеленникова. 1795, с. 285. Интересно, что в примечаниях к Овидию (*Tristia*), из которых мы извлекли эту характеристику, очень мало примечаний-оценок: «Евбий, древний Латинской стихотворец, издатель похабной истории... со всем, кроме сего места, неизвестный» (с. 274); «Калв, малый стихотворец и оратор, друг Катуллов, дерзской критик» (с. 283); «Меммий, оратор и стихотворец колкой» (с. 293); «Сервий Сулпиций... Оратор и стихотворец любовный и страстолюбивый» (с. 310); все упоминаемые в *Тристиях* фигуры, чье наследие дошло до нас, довольствуются справками, без оценок.

ла»[1]. Влияние Катулла (*carm.* 5; 7; непосредственное или косвенное?) сказывается в стихотворении И. И. Дмитриева *Счет поцелуев*[2]:

Дай сто, дай тысячу, дай тьму, — все будет мало
Для сердца, что к тебе любовью воспылало!..
Но нет! смешаем все, и радости и муки;
Пади, любезная, пади в мои ты руки!
Позволь, чтоб я тебя без счета целовал
За столько, столько слез... которых не считал.

Сатирические мотивы Катулла также находят свой отклик: его (*carm.* 95, 8) и горацианский (*epist.* II, 1, 267 слл.) образ дурных стихов, идущих на обертки пищевых продуктов и иных товаров, мы обнаруживаем у И. И. Дмитриева[3] — в сатире *Чужой толк* —

И оду уж его тисненью предают
И в оде уж его нам ваксу продают! —

у Д. И. Хвостова[4]:

Когда мои стихи покажутся в Столицу,
Не первые пойдут обвертывать корицу,

и у Акима Нахимова[5]:

Что слышу? говорят, что разны сочиненья,
Как то: рецензию и длинны рассужденья
Готовят для тисненья!
Помилуйте! ужель печатных мало врак,
В которых продают на площади табак?

1. Мысли, замечания и отрывки (выбранные из записок автора). ПСс М. Н. Муравьева, ч. III. СПб.: в Типографии Российской Академии, 1820, с. 310.

2. Н. Карамзин. И. Дмитриев. Избранные стихотворения. Библиотека поэта. Л., 1953, с. 311—312. Ср. АР, с. 38.

3. Ibid., с. 280.

4. ИС графа Хвостова. <М.>: Совпадение, 1997, с. 73. Ср. у В. П. Петрова: «Купцы, что продают различной смертным злак, / Завертывают в них, хрен, перец, и табак». *К... из Лондона.* Соч., ч. III. СПб.: в Медицинской типографии, 1811, с. 108.

5. *Невероятный слух.* Сочинения, с. 118.

причем Дмитриев и Нахимов используют этот образ с катулловским ехидством, а Хвостов — с горацианской самоиронией. Этот топос встречается и в прозе: «Тогда бы перевод скорее достиг цели своей — забвения, и достиг бы тем удачнее, чем ближе был бы к подлиннику; и поэма рождения одного из сих великих мужей тихонько сошла бы в погреб какого-нибудь книгопродавца, где творения их имеют скромным уделом сохранение или сыра или вятчины»[1]. В. Л. Пушкин пишет стихотворение *К Лезбии. Подражание*, с реминисценциями из нашего поэта[2]:

«С тобой меня и Зевс не может разлучить!
Моя отрада в том, чтоб милого любить».
Притворные слова безумца обольщали;
Казалось, боги им внимали.
Прелестница, я был обворожен тобой!
Теперь исчезло все! Злосчастною судьбой
Я радостей лишен — твою неверность знаю,
И не любовь мою, но счастие теряю.

По-видимому, название карамзинского сборника *Мои безделки* (как и дмитриевского *И мои безделки*) восходит — скорее косвенно, нежели напрямую — к эстетической терминологии Катулла; нам представляется, что не останется безрезультатным исследование вопроса, как сам образ катулловского дружеского кружка, который складывается в книге веронского поэта, и его литературная полемика влияли на — позволим себе такое выражение, несмотря на всю его неуклюжесть — «организационные формы» литературной жизни поэтов-современников Карамзина и Дмитриева, а также младшего поколения — прежде всего «Арзамаса». П. А. Катенин оценивает веронца высоко: «Катулл, писавший ранее и менее других, едва ли не всех долее будет читаться: так чист его вкус и отделка»[3]. В лекционном курсе П. Е. Георгиевского, читанном в Царскосель-

1. АбТ. Выпуск 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. (III том.). Под ред. и с прим. проф. Е. И. Тарасова. Изд. ОРЯиС РАН. Пг., 1921, с. 18. Забавно, что на сей раз критике Тургенева подвергается Гомер в переводе Гнедича, коему известный специалист по финансам советует переложить гекзаметрами политэкономический трактат.

2. Сочинения..., с. 129.

3. Размышления и разборы..., с. 80.

ском лицее, дается такая оценка: «12 отрывков, писанных в превосходном вкусе, наполненных приятностию и естественным слогом, поместили Катулла в число любезнейших поэтов. Отрывки сии суть небольшие сочинения, в коих каждое слово драгоценно, но ни одного из них в настоящей силе нельзя ни изъяснить, ни перевесть; чем более чувствуем приятность, тем труднее определить ее. Тот, кто в состоянии будет изъяснить прелестный взор, милую улыбку, поступь любезной красавицы, тот только в состоянии изъяснить и прелесть стихов Катулла. Любители его стихов знают их наизусть, и Расин часто говаривал об них с удивлением. Эпизод Ариадны, оставленной на острове Наксе... есть из числа тех немногих отрывков, в коих древние с великим искусством заставляли говорить любовь... Книга его... не содержит в себе и 100 страниц, но Катулла соделала бессмертным. Можно ли обвинять его, что он не написал больше?»[1]. Р. Гонорский в своих *Опытах в прозе* посвящает Катуллу обширный очерк с пересказом содержания или прозаическими переводами большого числа самых известных его стихотворений, начиная с плача по воробью; приведем в качестве примера один из таких пассажей: «Сам Катулл в часы лени, неги и свободы — когда предавался совершенному упоению — походил на многих из наших современников. „Мальчик, налей мне старого Фалернского; но смотри, без воды: вода портит вино, пусть пьют ее те, кои не походят на меня!“ Катулл! наш Сулейкин повторяет тоже самое, но несравненно чаще нежели ты, и просит не Фалернского; о, нет! у него есть *вино* простее и может быть действительнее твоего Фалернского» (с. 10). А вот общая характеристика: «Вся жизнь такого человека есть приятная ткань сетования и радости. Он не заботится о многом; но ко всему что мило привязан душевно и делит с ним свое бытие: и потому все о чем он ни сожалеет, само собою по большой части маловажное, для него имеет существенное достоинство. С потерею каждого любимого предмета, каждой любимой безделки он теряет часть своих удовольствий — и следственно часть своего бытия. Но от чего такие мелочи, занимавшие людей совершенно отличных от нас, по бесчисленным отношениям, и ныне еще нам пра-

1. Георгиевский П. Е. Из лекционного курса поэтики, читанного в Императорском Царскосельском Лицее в 1816/1817 учебном году. По записи А. М. Горчакова. Красный архив, 1 (80). 1937, с. 158.

вятся? От чего сочинители так называемых мелких — но не мелочных стихотворений имеют больший круг читателей, нежели громкие Эпики? — От того что ближайшие связи общества не переменились и предметы, занимавшие любезных Пиитов древности, занимают и ныне всякого: разве кто бесчувствен, как скала; такого не смягчит уже и огромная Поэма. Маловажное приключение, описанное прелестными стихами и приводящее нам на память подобное с нами случившееся, производит полное действие над сердцем чувствительного. И кто из нас не имеет своих мелочей, напоминающих нам о *приятных минутах...*» (с. 19—20). В. С. Филимонов в стихотворении *К Алине* контаминирует сапфические мотивы веронца с знаменитой эпиграммой 85[1]:

Скажи, что чувствую, когда с тобой встречаюсь?
Почто в смятенье взор меня приводит твой?
Краснею, трепещу, робею, восхищаюсь,
Хотел бы говорить — язык немеет мой.
Не быть с тобой клянусь — и всякой час с тобою!
Зря прелести твои, весь пламенем горю...
С необъяснимою, ужасною тоскою
То ненавижу их, то их боготворю.

Читал и переводил Катулла А. С. Пушкин[2]. Дельвиг в стихот-

1. Филимонов В. С. Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы, с. 246.

2. Общие работы по античности в творчестве Пушкина: Черняев П. Н. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899; Любомудров С. Античные мотивы в поэзии Пушкина, изд. 2. СПб., 1901; Малеин А. И. Пушкин и античный мир в лицейский период. Гермес, 1912, т. XI, № 17—18; Саводник В. Ф. Античные образы в поэзии Пушкина. В кн.: Пушкин. Сб. 1. М., 1924; Покровский М. М. Пушкин и античность. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. М.—Л., 1929; Немировский М. Я. Пушкин и античная поэзия. Известия Сев.-Кавказского ПИ, т. XIII. Орджоникидзе, 1937; Дератани Н. Ф. Пушкин и античность. УЗ Московского городского ПИ, 1938, вып. IV; Толстой И. И. Пушкин и античность. УЗ Ленинградского ПИ им. Герцена, 1938, вып. XVI; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. В сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, № 6. М.—Л., 1941; Тимофеева Н. А. Пушкин и античность. УЗ МГПИ им. Ленина, 1954, т. 83; Радциг С. И. О некоторых античных мотивах в поэзии А. С. Пушкина. В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966; Тахо-Годи А. А. Эстетически-жизненный смысл античной символики Пушкина. В кн.: Писатель и жизнь, вып. V. М.: МГУ, 1968; Тахо-Годи А. А. Жанрово-стилевые типы пушкинской античности. Ibid., вып. VI, 1971; Суздальский Ю. П. Античный мир в изображении А. С. Пушкина. В кн.: Страницы русской литературы сере-

ворении *На смерть собачки Амики* подражает знаменитой оде на смерть воробья[1]. Замечательное подражание тому же стихотворению публикует В. Олин в своем «Журнале древней и новой словесности»[2], насыщенном переводами и цитатами из античных классиков:

Где ты радость-птичка, утешенье девы?
Рощи ли сокрыли?
Нет! любовь и дружба, ласки и напевы
Горсть одна лишь пыли.
Огласим, Эвтерпа! свежую могилу
Флейтою унылой:
Рок похитил гневный птичку легкокрылу,
Радость Вайны милой!..

Тургенев упоминает Катулла в романе *Дым*[3]. 68-ю элегию можно рассматривать как один из подтекстов романа *Накануне*[4].

дины XIX века. Сб. научных трудов. Л., 1974; Мальчукова Т. Г. О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг. В сб.: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск: изд. ПетрГУ, 1994; Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина, в 2-х чч. Петрозаводск, 1997–1998; особенно т. 2, гл. «Рецепция латинской поэзии»; Кочеткова А., Кочеткова О., Поддубный Д. Пушкин и античность. Лицейский период. В сб.: Античный мир и мы, вып 4: Материалы и тезисы конференции. Саратов, 21–22 марта 1997. Саратов, 1998; Кнабе Г. С. Пушкин и античность. В сб.: Тайны пушкинского слова. М., 1999. Справедливая критика: Мальчукова Т. Г. Северная тема в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2002, с. 83. В этой же работе – об Овидии, с. 14–17, о Горации и Лукреции – с. 115 слл. См. также: Дружинина Н. М. К вопросу о традициях античной драматургии в «Маленьких трагедиях» Пушкина. УЗ Ленингр. государственного ПИ им. Герцена. 1957, т. 150, вып. 2. *Пушкин и Катулл:* Файбисович В. М. К источнику перевода Пушкина «Из Катулла». Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980; Завьялова В. П. К переводу А. С. Пушкина из Катулла. В сб.: Пушкин и мир античности. Материалы чтений в «Доме Лосева» 25–26 мая 1999 г. М.: Диалог МГУ, 1999. Отметим здесь реминисценцию из Катулла, на которую, кажется, еще не обращали внимания, – в письме к В. Л. Пушкину от 28 (?) декабря 1816 года: «Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?» (ПСс, т. 8, М., 1954, с. 7; ср. *carm.* 49).

1. АРР, с. 18. Стихотворение было написано по просьбе С. Д. Пономаревой. Ср. *Памяти кота Мурра* В. Ф. Ходасевича (1934 г.): «Теперь он в тех садах, за огненной рекой, / Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин».

2. *Элегия на смерть птички.* Посвящена А. М. Б. СПб, 1818, кн. 3, с. 137–138.

3. М. фон Альбрехт. Античные реминисценции и проблема индивидуализации в творчестве И. С. Тургенева. Тбилиси: Логос, 1998, с. 10.

4. Ibid., с. 21.

Известный поэт и революционер М. И. Михайлов, наказанный за свои преступления каторжными работами, перевел Катулла почти целиком и собирался издавать[1]. А. А. Фет посвящает сборник переводов из Катулла В. С. Соловьеву такими стихами[2]:

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лице глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Его отношение к веронскому поэту таково: «Нам, как нарочно, пришлось иметь дело с римским Пушкиным. Лучше мы не можем очертить личного и художественного характера нашего поэта. Тот и другой — светские юноши, ищущие жизненных наслаждений и умеющие находить их во всех предметах. Чистые и честные натуры, они не опирались на какую либо сознательную этику, а руководствовались одним преемственным чувством. Оба, несмотря на небольшие наследственные имения, по врожденной беспечности, постоянно нуждались в деньгах... Не они искали поэзии, а она сама налетала на них, безразлично откуда, вырывая у них то сладостно-нежные и задумчивые, то игриво-забавные, то злонасмешливые стихи», завершая предисловие следующими словами: «смиренно признаемся, что сами многому научились у Катулла»[3] (возможно, филологическая критика еще сумеет конкретизировать эту реплику крупнейшего поэта). Для В. И. Модестова Катулл — «настоящий основатель римской лирики и истинный предтеча ее золотого века»; по его мнению, «произведения Катулла носят на себе печать самого сильного поэтического дарования, какое когда-либо являлось в римской литературе»; но, «вопреки своему таланту, способному к истинному и неподдельному поэтическому творчеству, Катулл увлекся новомодным направлением... истощая свои силы в шаловливых стихотворениях эпиграмматического характера»[4]. Высока оценка многознающего

1. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 163.
2. Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886, с. V.
3. Ibid. IX–X, XIV.
4. Op. cit., с. 311; 315.

Ф. Е. Корша: «Он рассказал эту вечную сказку так полно, так жизненно, так по-человечески, что и люди XIX в., следя за его радостями и печалями, невольно забывают разницу культуры и времени...»[2]. М. А. Волошин увлекается галлиамбами и читает А. А. Блоку первый стих *carm.* 63, произведшего на того неизгладимое впечатление; Блок собирался даже его переводить[3] и впоследствии использовал для статьи о Катилине.

Катон Старший. В. К. Тредьяковский читал *De agri cultura:* «Видим в Катоне образ молитвы, проливаемыя от поселян; в ней зрится драгоценный след древнего предания, что человеки приписывали все Богу, и призывали его во всех своих временных нуждах... „О Марс отец! прошу тебя и молю, буди к нам милостив и милосерд, ко мне, к дому моему, ко всем моим домашним в том, для чего делается настоящее хождение по моему полю, по моей земле и по моей пашне: отврати, удали, отжени от нас болезни ведомые и неведомые, опустошения, бури, бедствия, ненастия: произрасти, и в зрелость приведи злаки наши, хлеб наш, виноград, древеса: сохрани пастырей и стада: подай нам безвредную жизнь и здравие, мне, дому моему и всем моим домашним“»[4]. Д. — В. в *Философско-историческом рассуждении* характеризует сохранившееся произведение Катона так: «Оно весьма поучительно по изображению домашней многотрудной жизни завоевателей Карфагена и Македонии. Все отрывки тогдашних писателей, отзываются необразованным мужеством»[5]. А. И. Герцен перефразирует знаменитую реплику Катона: «Delenda est Austria, delenda est Prussia (sic! — *А. Л.*)»[6]. Франкофил и германофоб В. И. Модестов применяет характеристику галлов, данную этим автором, к современности: «Катон Старший подметил в галлах две типических черты, составляющих неотъемлемую собственность и теперешних французов, когда говорил о них „*Galli duas res*

2. Корш Ф. Е. Римская элегия и романтизм. М., Университетская типография, 1899, с. 37.

3. Блок А. А. Сс в 8 томах. М.—Л.: Гос. изд. художественной литературы, 1963, т. VII, с. 160, 338.

4. О беспорочности и приятности деревенской жизни. Соч., т. 1, 1849, с. 723—724.

5. Труды..., с. 31.

6. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 203. Кроме того, цитировали: И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Чернышевский, А. Ф. Кони, Д. Л. Мордовцев (СЛКС, с. 123, 168).

praecipue coluit: rem militarem et argute loqui"»[1]. Он же характеризует Катона в *Лекциях* как человека «далеко не дюжинного». «Это разнообразие талантов, эта стойкость в преследовании своих идей — сами по себе достаточно свидетельствуют о не совсем обыкновенной натуре, которою одарен был Катон» (с. 142).

Цезарь. Первый перевод появляется относительно рано — *Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливым о войне разговором* (М., 1711). По поручению Петра I Ф. Л. Анохин в 1724 г. готовит «Юлия Кесаря дел описание»; перевод не сохранился[2]. Н. М. Карамзин не без иронии пишет из Парижа: «Должен ли я начать, как говорили Древние, с яиц Леды... Перевести ли некоторыя места из записок Юлия Цесаря (первого из древних Авторов, упоминающих о Париже)?»[3]. И. М. Муравьев-Апостол характеризует Цезаря так: «Сей удивительный человек, который был бы величайшим оратором, если бы не предпочел, по несчастию, быть величайшим полководцем»[4]. Д. — В. пишет в *Философско-историческом рассуждении:* «Записки (комментарии) Кесаря примерны по величественной простоте исторического повествования. Поелику он описывает собственные свои деяния, то сочинения других должны служить критическим пояснением. В каждом слове, в каждом опущении приметно намерение: Кесарь с величайшим искусством объясняет одно, скрывая другое... в каждом эпитете, в каждом обороте является одаренный гением и с намерением пишущий Кесарь»[5]. А. Н. Муравьев в «Записках» признается: «читал с особенным увлечением комментарии Юлия Цесаря... и изучил почти все, что в то время (накануне войны 1812 года — А. Л.) по военному искусству известно было»[6]. Алекс. Б.<есту>ж.<е>въ сообщает следующий анекдот: «Всем бы хорош был Комментарий Цезаря,

1. ИР ЦНБ Украины, III, 68967. Автограф. Неточная цитата из *Origines, frg.* 34 PETER.

2. Николаев С. И. Op. cit., с. 31—32.

3. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984, с. 217.

4. Взгляд на заговор Катилины, в кн.: И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002, с. 167 (под впечатлением речи у Саллюстия).

5. Труды..., с. 33.

6. В кн.: А. Н. Муравьев. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1986, с. 79.

сказал один Руской дворянин, да непростительно педантство автора! Не грех ли такую полезную книгу написать на латинском языке?»[1]. Восторженным поклонником и переводчиком[2] Цезаря был участник декабрьского мятежа А. Ф. фон дер Бриген. Сохранилась его большая статья, которая должна была стать предисловием к переводу[3]. Приведем интересную характеристику стиля Цезаря в письме к Жуковскому: «Мой герой в иных местах до крайности многоречив и словоохотлив. Я могу это подтвердить доводами, указав на некоторые места, напр. *О войне в Галлии*, кн. II, отдел 1. — Кн. III, отд. 25-й, — Кн. VIII, отд. 30. — *О войне междоусобной*. Кн. II, отд. 16, а таких мест встречается множество»[4]. Кроме Бригена, читали Цезаря П. И. Пестель, Н. М. Муравьев и Ф. Н. Глинка, его *Записки* были в сибирской библиотеке Лунина; Муравьев даже «заставлял жену ежедневно читать ему два часа Цезаря»[5]. По слухам, *Записки* собирался переводить А. П. Ермолов[6]. Впрочем, *Записки* были для него, как представляется, не только литературным, но и жизненным уроком: «Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно»[7]. «Книги Цезаря — вместе с Цицероном — просит прислать в Вилюйск ссыльный Чернышевский[8].

1. ТВОЛРС, ч. XIV, 1821, с. 344.

2. По-видимому, рукописи переводов были уничтожены, поскольку автор не надеялся увидеть их опубликованными. См. Тальская О. С. К истории перевода А. Ф. Бригеном «Записок» Гая Юлия Цезаря. В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3.

3. Записки Кайя Юлия Кесаря. В кн.: А. Ф. Бриген. Письма. Исторические сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд., 1986, с. 410–448.

4. Курган, 14 сентября 1845 г., ibid., с. 204.

5. Волк С. С. Op. cit., с. 190.

6. По сообщению А. Ф. Бригена, «знаменитый Ермолов несколько раз принимался переводить Кесаря и, наконец, оставил» (Письма. Исторические сочинения, с. 223–224 — письмо к В. А. Жуковскому от 19 июня 1847 г.). О латинской библиотеке Ермолова см. мои статьи: Alexius Philtrius (qui et Liubzhin) Inguari f. De Alexii Jermolovii Petri f. bibliotheca latina. — ИЯКФ VII, 2003, с. 59–62; Латинская библиотека генерала А. П. Ермолова. В кн.: Альманах библиофила, вып. 29. М., 2005, с. 37–46.

7. Записки артиллерии полковника Ермолова, с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени. В кн.: Записки А. П. Ермолова. М.: Высшая школа, 1991, с. 86. Ср. *BG* 1, 25, 1.

8. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 216.

Саллюстий. И. И. Шувалова в демографическом трактате Мирабо привлекла приведенная без ссылки на источник фраза Югурты у Саллюстия о продажности Рима, который нашел бы своего хозяина, если б только сыскался покупатель (*Iug.* 35, 10, 3–4), которую он отчеркивает на полях красным карандашом[1]. Знаменитую реплику Мария из *Войны с Югуртой — fortissimum quemque generosissimum* (*Iug.* 85, 16) — цитирует без ссылки на источник бывший ректор гимназий при МУ профессор Иоганн Маттиас Шаден в своей речи *О воспитании благородного юношества*[2]. Надгробописец[3] В. Рубан предпосылает переводу В. Крамаренкова следующую эпиграмму[4]:

Саллустий похвалу у римлян заслужил,
Что Югуртинскую войну им сочинил;
Деяний истинна не ложная в ней зрится,
А слога чистоте его весь свет дивится:
В обеих знаниях сей Автор был велик,
Кой на Российский днесь переведен язык.
Достоин похвалы ты Крамаренков равной,
Я с подлинником зрел твой перевод исправной.

Н. М. Карамзин берет *Cat.* 2, 7, 1 эпиграфом для своего стихотворения *Освобождение Европы и слава Александра I*[5]. Естествен-

1. «*O Ville venale !* s'écrioit Jugurtha en sortant de Rome, *tu aurois bientôt un maître, si quelqu'un étoit assez riche pour t'acheter*». [Mirabeau, Victor Riqueti, marquis de]. L'ami des hommes, ou Traité de la POPULATION. Nouvelle édition corrigée. Seconde partie. A AVIGNON. M. DCC. LVIII. P. 78. Издание хранится в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ, в составе принадлежащего МГУ фрагмента его библиотеки. Шифр: Ш 334.

2. Schaden I. M. De Ingenuae iuuentutis educatione gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime. Oratio solemnis in solemnitate coronationis Augustissimae ac Potentissimae MONARCHAE AC AVTOCRATORIS CATHARINAE II. ROSSIAE TOTIVS IMPERATRICIS Magnae Patriae Matris, Piae, Felicis, Legislatricis sapientissimae, cum eandem VNIVERSITATIS CESAREO-MOSCVENSIS conventu publico Anno MDCCLXXXI die XIII Sept. festive votisque nuncupatis, pie recoleret, Dicta a Ioanne Matthia Schaden Moral. Iuris Natural. ac Gent. nec non Politices P. P. O. Moscuae In Typographeo Vniversitatis typis Nicolai a Nowikow, p. 30. Кроме того, он цитирует — уже с указанием имен — Горация, Овидия, к работе берет эпиграф из Ювенала (8, 1 слл.).

3. «Здесь Рубан погребен; он для писанья жил: / Надгробописец быв, надгробну заслужил». Аониды, т. 3. М.: в УТ у Ридигера и Клаудия, 1798–1799. Дм<итрий>. Хв<остов>. Надгробия. Василью Григорьевичу Рубану.

4. Каия Саллустия Криспа Война Катилины. СПб., 1769. [IX].

5. М.: в типографии С. Селивановского, 1814.

но, общий интерес революционеров — по крайней мере образованной их части — к этому автору не мог миновать и Россию. Автор *Философско-исторического рассуждения* пишет: «...сей почтение вселяющий образ жизни предков, придает сочинениям Саллустия ту разительную оригинальность, которая столь способна к повествованию бедствий и заблуждений рода человеческого. Царствующие пороки Рима обладали сочинителем; он дозволял себе противное толь красноречиво превозносимому им бескорыстию и самопожертвованию; но в сочинении историческом, касающемся до гражданского общества, ни один Римлянин не позволил бы себе даже легкой шутки»[1]. А. Ф. Бриген, завершив перевод *Катилины*, пишет В. А. Жуковскому: «Тут привелось мне ходить, как вы говорите, по канату, не только натянутому чужою рукою, но еще по канату негладкому, на коем едва ли не столько же узлов, сколько от времен Саллюстия до нас лет. Лаконизм и обороты его совершенно не свойственны нашему языку. Язык его не язык природы, но чисто искусственный, и, читая его, можно вполне убедиться, что Гете говорил правду, сказав, что писать и говорить — две разные вещи... Мыслящий читатель найдет в Саллюстии сокровища политической мудрости»[2]. Но Александру Бестужеву — стороннику Катилины — его римские клеветники не нравятся: «Саллюстий был всегда поклонником тех, кто давал ему средства грабить и наживаться»[3]. Н. М. Муравьев в своей работе цитирует вступление *Катилины* (а также вступление к истории Т. Ливия)[4]. *Речь Мария при отправлении на войну* (как и *Катилинарии* Цицерона) перевел на русский язык декабрист М. М. Спиридов[5]. С большой симпатией относится к Катилине и Н. А. Добролюбов[6]. М. Кузмин в эссе *Искусство и жизнь. Раздумья и недоумения Петра Отшельника* пишет: «Саллюстий меньше дает, чем Светоний в своей простоте и, может быть, неталантливости. У первого все подтасовано с ораторским пафосом. Это поэма, и конец отличен. Речь Цезаря в сенате уклончива и лицемерна»[7]. Пьер Ламор — авторский рупор в романе одно-

1. Труды..., с. 31.
2. Курган, 19-го июня 1847. А. Ф. Бриген. Op. cit., с. 224.
3. С. С. Волк. Op. cit., с. 180.
4. Декабристы-литераторы, I. ЛН. Изд. АН СССР. М., 1954, с. 585.
5. Ibid., с. 718.
6. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Добролюбова, с. 205.
7. Кузмин М. Эссеистика. Критика. М.: Аграф, 2000, с. 370.

го из наиболее многознающих русских писателей XX века, получивших образование в XIX, М. Алданова (подлинное имя — М. А. Ландау) — дает нашему историку не слишком лестную характеристику: «Отъявленный негодяй Саллюстий давал вам уроки римской морали»[1].

Корнелий Непот. Его *жизнеописание Аристида* использовалось — безусловно, в силу не своих дидактических либо литературных достоинств, а морального пафоса — как непременный элемент образовательного курса Академических гимназий при МУ. Преподаватель Царскосельского лицея Н. Ф. Кошанский подготовил для своих питомцев учебное издание Корнелия Непота, так охарактеризовав в предисловии педагогическую роль этого автора: «В сей книге содержатся прекрасные жизнеописания. Сколько героев, сколько великих мужей и славных дел! и все как чисто написано *по-Латински!* ибо сочинитель жил в Риме во времена Августа... Если кто из вас читал Аристида, Эпаминонда, Ганнибала и проч. будет примечать, как они думали и поступали, будет стараться сам также чувствовать и мыслить, будет искренно желать быть им подобным, тот в самом деле возвысится духом, приготовит для себя нравственный характер и, кто знает? может быть столько же, как они, будет полезен своему отечеству»[2]. В дружеском кругу кн. П. И. Шаликова один из знакомых получает прозвище *Корнелий Непот*[3]. Знавший латинский язык декабрист-католик М. С. Лунин ссылается на нашего писателя в своих *Исторических этюдах;* книга Непота есть в его сибирской библиотеке[4]. А. И. Герцен сравнивал Гарибальди с суровыми лицами из Корнелия Непота[5]. Этот историк столь прочно ассоциируется со школой, что в романе Н. Г. Чернышевского *Что делать?* упоминается в связи с занятиями Веры Павловны латинским языком[6].

Цицерон. К Цицерону неоднократно обращается Феофан Прокопович в *De arte poetica.* А. Д. Кантемир неоднократно

1. Алданов М. Девятое термидора. Чертов мост. М.: МР, 1989, с. 290.
2. Корнелий Непот о жизни славнейших полководцев. Издание учебное, очищенное, Н. Кошанского. СПб.: в Медицинской типографии, 1816, с. [5–6].
3. *К А. И. Полетике.* Сочинения Князя Шаликова. М.: в УТ, 1819, с. 89.
4. Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1987, с. 153, 158–159, 440.
5. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 200.
6. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 216.

опирается на него в *Письмах о природе и человеке*[1]. В. Н. Татищев в одном из своих трактатов ссылается на *leg.* 2, 8, 8: «Цицерон, преславный римский оратор и сенатор, яснее многих глаголет тако: сие убо усматриваю премудрейшаго определения, закон бо оный ниже человеческим умом изобретен, ниже наука народная, но некая предвечная премудрость устроиво, еже бы весь мир повелением и прещением управити»[2] и на упомянутого им Дикеарха, отрицавшего наличие души (*Lucull.* 124; *Tusc.* 1, 24; 51)[3]. В. К. Тредьяковский оценивает Цицерона так: «Читая сего Римского Оратора не токмо слова, которые нарочно красноречиво сочинены, но и все его философские, дидактические, и епистоларные книги, невозможно не иметь такова об его красноречии мнения, что бог нарочно восхотел и благоволил поставить в Цицероне меру человеческого красноречия, тоесть, что до сея токмо высоты, какова в Цицероне, угодно ему стало произвесть оное, так что, которое бы могло быть выше Цицеронова, тобы уже было выше человеческого», соглашаясь с квинтилиановской оценкой[4]; он цитирует речь *за Архия*[5]: «Пиит от самого естества силу себе получает, действием ума возбуждается, и как некоторым божественным одушевляется духом»; в другом месте — «Хотя бы, да будет мне позволено после Цицерона, оного Римския Элоквенции и отца, и по всему первого, егож самого как слова так и мнение сюда внести... Ибо прочие Науки ни по одному времени, ни по одному возрасту, и ни по одному месту полезны: сия единая юность питает, старость увеселяет, благополучие украшает, нещастию прибежище и утешение подает...»[6]. М. В. Ломоносов использует мотивы этой речи (на самом деле восходящие к Аристотелю) в своей знаменитой оде *На день восшествия на*

1. Соч., письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1868, т. 2, с. 27, 37, 41, 42, 51 и др.

2. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. В кн.: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979, с. 118.

3. Ibid., с. 53.

4. Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой. Соч., т. 3., СПб., 1849, с. 115.

5. Мнение о начале поэзии и стихов вообще. Соч., т. 1., СПб., 1849, с. 183–4.

6. Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве говорено почт. благород. ученней. профессорам в Императорской Академии Наук Санктпетербургской... 1745 Августа 12 дня. Соч., т. 3., СПб., 1849, с. 564. Есть ссылки на Цицерона и в сочинении *Об истинне сражения у Горациев с Куриациями*, т. 3., с. 605 слл., в *О беспорочности и приятности деревенской жизни*, т. 1., с. 722 слл., et alibi.

престол императрицы Елизаветы Петровны 1747 года[1]. Д. И. Фонвизин в *Чистосердечном признании* описывает круг чтения своего отца, который «был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением. По крайней мере читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения цицероновы[2] и прочие хорошие переводы нравоучительных книг»[3]. Экстраординарный профессор Бодуэн включил в свою парадную речь похвалу великому оратору с мыслями, которые по тому времени могли показаться дерзкими: «Le plus parfait Ecrivain de l'Antiquité, Orateur à la fois et Philosophe, et qui a vécu sous la forme de gouvernement la plus favorable au génie, nous a tracé les regles de son art, si souvent commentés après lui. Il lui fut réservé de donner à la fois l'exemple et le précepte. Que sa manière est noble! que sa touche est sublime! ô Ciceron! ô grand homme! si ta bouche fut le fléau du crime, si tu l'as peint avec des couleurs si noires, si les âmes perverses n'ont pu soutenir ta présence, si le vice attéré devant toi, fut couvert de honte et d'opprobre, si enfin tu en inspires l'horreur à ceux qui t'écoutent, quelles delices, quelles sensations tu causes, quand tu peins la vertu! oui sous (sans? — *А. Л.*) doute elle étoit dans ton cœur, puisque tu la rends si belle, si aimable, si pleine de charmes; que l'innocence touche et intéresse, quand sa défence émane de ta bouche!»[4]. Радищев под

1. АР, с. 15. См. также об этой теме Нахов И. М. Ломоносов и античность. ВКФ, 1, 1965, 3–41. Цитирование того же места ср. у Н. И. Тургенева (1807 г.): «Cicéron a dit avec raison en parlant des lettres: secundus res ornant, adversis solatium praebent, т. е. в щастии они нас украшают, в нещастии утешают. It is true. —». «Цицерон был прав, сказав о словесности... Это верно» (фр., англ). АбТ, вып. 1, Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года. (I т.). Под ред. и с прим. Е. И. Тарасова. СПб., 1911, с. 47.

2. Имеется в виду книга: Pensées de Cicéron traduites pour servir a l'éducation de la jeunesse par Mr. l'Abbé d'Olivet. Мнения Цицероновы из разных его сочинений собранные для наставления юношества Аббатом Оливетом. СПб., 1752 (только на русском языке), ²1767 (с параллельным французским текстом). Пер. И. В. Шишкина.

3. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. Соч., СПб.: изд. А. Ф. Маркса. 1893, с. 227.

4. «Совершеннейший из писателей Древности, одновременно Оратор и Философ, живший при наиболее благоприятном для Гения правлении, начертал для нас правила своего искусства, кои после него толико часто комментировали... Именно ему было дано создать сразу и наставление, и образец. Сколь возвышенна его манера! сколь благородна его кисть! О Цицерон! великий муж... если твоя речь была бичом преступления, если ты его описал таки-

влиянием Монтескье не слишком высоко ставит нравственные качества великого оратора[1]:

Цицерон муж качеств дивных,
Но вторым быть, а не первым
Был удобен; ум прекрасный,
Но душа нередко низка...
А муж слова сладка хощет
Рим спасти из чванства разве...

Трактат о дружбе упоминает Ф. Козельский в *Размышлении о дружбе*[2]:

Достойно ублажен друг, Туллий Марк, тобою,
С кем можно говорить как самому с собою.
Приятно, естьли есть кому всю мысль открыть,
И жалобу в своем нещастии пролить.

Вероятно, к цицероновским мыслям, изложенным в *Laelius de amicitia*, восходят следующие карамзинские строфы[3]:

Верна дружба! ты едина
Есть блаженство на земле;
Кто тобою усладился,
Тот недаром в мире жил.
Небеса благоволили
Смертным дружбу даровать,

ми черными красками, если развращенным душам несносно было твое присутствие, и порок, пресмыкающийся у ног твоих, ты покрывал позором и стыдом; если, наконец, ты внушаешь к оному ужас у слушателей, то какие утехи, какие чувствия производишь ты, когда описываешь добродетель! да, без сомнения, пребывала оная в твоем сердце, коль скоро представляешь ты ее толико прекрасной, толико любезной и полной очарований; коль трогает нас и влечет невинность, когда на защиту ее вооружается речь твоя!». — Le Triomphe de l'Eloquence dans la Faculté des Arts, Discours prononcé par Mr. Baudouin Licentié en Droit, Professeur Public Extraordinaire en l'Université Impériale de Moskou, À l'occasion de l'avenement au trône de Sa Majesté Impériale Catherine II. Impératrice de toutes les Russies. Imprimé à l'Université Impériale de Moscou, l'An 1779, p. 7–8.

1. Радищев А. Н. ИС. М.—Л.: Художественная литература, 1949, с. 376–377.
2. Сочинения..., I, с. 183 слл.
3. *Счастье истинно хранится...* В кн.: Н. Карамзин. И. Дмитриев, с. 57.

Чтоб утешить их в несчастьи,
Сердце бедных усладить,

а возможно, и мысли в *Строфах на дружбу* Ю. А. Нелединского-Мелецкого[1]:

О Дружба! жертвы ты приемлешь
От непорочных лишь сердец.
Единым их моленьям внемлешь,
Для них единых твой венец.
Когда свое богатство числит,
Друзей обресть напрасно мыслит
Надутый пышностью злодей,
Он горы злата истощает:
Но что же им приобретает? –
Сообщников, а не друзей.

Интересно, что имени Цицерона не называет И. А. Крылов в своем *Рассуждении о дружестве* (1792), хотя находит место процитировать Плиния и Сенеку. Может быть, на диалог *Laelius de amicitia* намекают эти слова: «Древние познали все благо любви, но они описания дружества сделали столь огромными, что заставили почитать оное за прекрасную выдумку, которой нет в природе. Кажется, они худо знали свойства человека, когда умышляли прельщать его и заставлять искать дружбы, столь богато раскрашенной ими: они как будто позабыли, что человек более склонен знатным примерам удивляться, нежели им последовать»[2]. Знакомство с писателем становится достоянием отдаленных городов Империи: в предуведомлении к *Краткой истории о городе Архангельском*[3] автор цитирует историческую программу *Оратора:* «Собственная сила сего закона в том состоит, что „каждый летописатель должен не помрачать свою повесть или отъятием истинны, или присовокуплением лжи, по причине или человекоугождения, или человеконенавидения“[4]. Того ради извинить меня должны те из моих сограждан,

1. Стихотворения Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876, с. 58.

2. Рассуждение о дружестве. Крылов И. А., Соч. в 2-х тт., М., Правда, 1956, с. 276–277.

3. Сочинена Архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. В Санктпетербурге, при ИАН 1792 года, с. VI–VII.

4. Cicero in Oratore, Libro II. *Прим. автора.*

которые в истории моей усмотрят имена своих ближних ознаменованные не причастными хвалы делами». В. Л. Пушкин берет *Lael.* 90, 1–3 эпиграфом для послания *К**** [1]. Цицерон (наряду с Горацием и Квинтилианом) положен в основу риторического курса М. М. Сперанского; о концовке речи *За Милона* будущий автор *Свода законов* отзывается так: «Еслибы не было никаких причин других делать заключение живое, разительное, дышущее, так сказать, огнем: одно сие место Цицеронова довлело бы к тому, чтоб поставить сие правило» [2]. Большим поклонником Цицерона был швейцарец Фредерик-Цезарь Лагарп, заслуживший расположение Екатерины II и ставший воспитателем ее внука Великого князя Александра Павловича. Лагарп много раз перечитывал со своим учеником *off.* (естественно, на французском языке); преимущества Цицерона он описывал такими словами: «Читайте и перечитывайте произведения Цицерона; они должны войти в состав вашей избранной библиотеки: гражданину, призванному к великой общественной деятельности, некогда тратить времени на чтение книг, в которых слабая доля истины затоплена целым морем многословия; но ему необходимо читать произведения, в которых ясно и верно изображаются его обязанности как человека и гражданина» [3]. Своеобразный сплав этого просвещения высокого полета с нравами гатчинской кордегардии оказал существенное влияние на Россию в первой четверти XIX столетия, и историку, возможно, будет небезынтересно выделить впоследствии исходные составные элементы. В рукописный альбом, составленный Н. М. Карамзиным для В. Кн. Екатерины Павловны, историк включает и «Мысли о Боге Цицероновы и Ж. Ж. Руссо» [4]. С. Бобров берет для своей поэмы *Древняя ночь Вселенной* эпиграфом реплику из *Гортензия* (*frg.* 112 Grilli) [5], а во второй части переводит этот эпиграф стихами:

1. Сочинения..., с. 26.

2. Правила высшего красноречия, с. 43.

3. Сухомлинов М. И. Ф.–Ц. Лагарп, воспитатель императора Александра I. В кн. М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889, т. II, с. 77.

4. Альбом Н. М. Карамзина. С предисловием Н. П. Лыжина. В кн.: Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859, с. 161,172–173 второй пагинации.

5. Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение Сем. Боброва, ч. I. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1807; ч. II. СПб.: в типографии Губернского правления, 1809.

Почто родится человек!
На слезы, казни и мученья; —
Увы! — конечно в прежний век
Он сделал неки преступленья.

Д. И. Хвостов относится к числу поклонников оратора[1]:

Внемли во древности защитника закона,
Врага мятежников; витию Цицерона.
Актера Росция он другом называл,
Достойным быть его честей всех почитал.
Не блеском ослепясь мгновенной в мире славы,
Он беспорочные превозносил в нем нравы:
Едины доблести высоким здесь дарам
Удобны путь открыть бессмертия во храм.

Автор, спрятавшийся под псевдонимом А. Ж., публикует в 1812 году прекрасную реферативную статью[2] с такой оценкой трактата: «Но если в *Ораторе* нет разнообразия; за то уже можно найти в нем самые новые, истинно образцовые мысли, которые Цицерон заимствовал от Платона»[3]. Ив. Вернет пишет: «Какая мне польза в подвигах славного Цицерона в уголке Киликии, где победил он непобедимых Парфов; или в повести о его Квесторстве в Сицилии, где обнаружил он зверство и грабеж Верреса? Но душа восхищается трудами Мудреца сего в Тускулуме, ее воспламеняют... слова его...»[4]. В *Философско-историческом рассуждении* мы сталкиваемся с такой характеристикой Цицерона и Варрона: «Ни один Римлянин не превзошел его в красноречии; в сочинениях его прельщает господствующая

1. Полное собрание стихотворений, ч. II. 1821. К Ивану Афанасьевичу Дмитревскому. 1795, с. 59. В *Послании о пользе словесности* (ч. II, 1821, с. 30): Дарами, доблестьми бессмертный, Цицерон, / Речь зрелого ума в его устах закон. Ср. также пишет басню *Эмпедокл и туфли* (2, 6), не без иронии упоминая имя Цицерона: Ну коротко сказать, и глупой и лукавой / И все прельщаются среди пиров, утех / Невидимой забавой. / Мила для всех / Лавровая корона, / Не исключая Цицерона. Ч. III. 1822, с. 84. В примечаниях к этому месту автор цитирует Цицерона: «Слава есть последняя страсть мудрого» (с. V). Мы не смогли найти источник этой цитаты.

2. О Цицероновом сочинении, называемом *Оратор*. ВЕ, ч. LXIV, № 15, 1812, с. 196–212.

3. С. 197.

4. УВ на 1818-й год..., ч. IX, март, с. 283 (в статье *Исторические отрывки, или замечания на слова Горация: nil admirari, нечему удивляться*).

любовь к добру и наукам; он прекрасно изображает сокровенные причины государственных переворотов того времени; научает нас смотреть равнодушно на перемену правления, которое прощало Верреса, почитало Клавдия (Клодия? — *А. Л.*) и служило слепым орудием немногим честолюбцам. Из философских сочинений его видно, что люди, перед самым основанием Христианской веры, многого уже достигли в суждениях своих о главнейших предметах ума человеческого. Цицерон повествует о нравах и законах предшествовавшего времени, без чего невозможно было бы достаточно ценить любопытнейшее столетие величайшей республики. К тому же служат оставшиеся сочинения друга его Варрона о земледелии и языке. Здесь видна жизнь справедливых мужей, бывших в то время общественного разврата; здесь любитель древностей найдет сокровище познаний»[1]. Многочисленны ссылки на Цицерона в эстетических трактатах и критических статьях первой трети XIX в.: Т. О. Рогов цитирует *nat. deor.* 2, 67, 7 в сочинении *О чудесном*[2]; П. Е. Георгиевский во *Введении в эстетику* — *Phil.* 10, 8[3], И. П. Войцехович в *Опыте начертания общей теории изящных искусств* ссылается на *off.* 1[4], И. Я. Кронеберг в *Материалах для истории эстетики* — на *inv.* 2, 1 и *orat.* 2, 3[5]. В. М. Перевощиков в работе *Опыт о средствах пленять воображение* спорит с оратором: «Цицерон в книге „Вития" говорит: „Художник, изобразивший Юпитера и Минерву, не имел перед глазами никакого образца, он находился токмо в его воображении. И так и для искусств и для красноречия есть в уме нашем образцы совершенства; с ними сравниваем мы произведения витий и художников". В сем совершенно мы согласны с Цицероном, но он, следуя Платону, полагает сии образцы в уме нашем от вечности находящимися, а мы, просвещенные открытиями новейшей философии, совершенно уверены, что сии образцы составляются в уме нашем от наблюдений, чтения писателей, сравнения оных и размышления»[6]. Директор Царскосельско-

1. Труды..., с. 31—33.
2. РЭТ, т. 1, с. 343.
3. Ibid., с. 238: «Какое печальное позорище! Спаситель отечества принужден из него удалиться, а изменники живут в нем спокойно!» — как пример высокой мысли, возникающей, «когда великое становится малым и, наоборот, малое великим».
4. Ibid., с. 291.
5. Ibid., т. 2, с. 312.
6. Ibid., с. 276.

го лицея Е. А. Энгельгардт берет для своих *Отрывков из тетради старого практического воспитателя* в качестве эпиграфа знаменитую реплику из *div.* 2, 4[1]; то же самое делает С. С. Уваров в работе *О преподавании истории относительно к народному воспитанию*[2]. И. И. Давыдов пишет в предисловии к неполному переводу *О старости:* «Заглавие не слишком привлекательное; но Цицерон чего не украсит? Мысли его в этом произведении приятны для старцев и полезны для юношей... Обилие мыслей, прекрасные картины жизни, разительные примеры великих мужей — вот особливое достоинство сего произведения Оратора-Философа»[3]. Позднее он даёт и более общую оценку: «Цицерон, напитанный духом Философии Греческой, первый заставил Римлян полюбить ее, передав соотечественникам ее учение; он желал также и усовершенствовать ее, как Римляне совершенствовали все, что заимствовали от Греков. При Цицероне воссиял в Риме свет Философии, смею сказать, с большим блеском красноречия, нежели некогда в Афинах. Уже по его стопам следовали Сципион и Лелий (?! — А. Л.), и по истинне всеми превосходными произведениями счастливого века Августова одолжены Римляне Цицерону»[4]. Для своего главного труда *Чтения о словесности*[5] он берет эпиграфом *De Or.* 2, 232, 7–11.

Профессор Демидовского лицея Г. Покровский выставляет Цицерона как *exemplum* в области образования: «Цицерон достигши зрелых лет мужа, исполненного совета, вооруженный

1. Русский Архив, 1872, № № 7–8, стлб. 1595.

2. СПб., в типографии Ф. Дрехслера, 1813. Перевод на титульном листе таков: «Какая дань, приносимая Отечеству, приятнее или полезнее воспитания юношества?». Неудивительно, что в § 1 он ссылается на знаменитые слова того же автора: «История, говорит Цицерон, есть свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, глагол древности» (с. 1; *De or.* 2, 36).

3. Труды ОЛРС при ИМУ, М., в УТ, ч. X, 1818, с. 85–86.

4. О духе Философии греческой и Римской. Речь в торжественном собрании ИМУ, произнесенная Иваном Давыдовым... Июля 6-го дня 1820 года. С Латинского переводил Кандидат Виктор Чюриков. М.: в УТ, с. 18. Далее Давыдов — что вообще редко для эпохи — отдает пальму первенства римлянам; он достаточно подробно излагает стоические доктрины и дает высокую оценку Сенеке («Здесь увидим сими правилами одушевленного Сенеку, вещающего о Провидении, удивляющегося величию и красоте природы и высокости бессмертной души; Тацита, благородством духа своего разящего тиранов; Марка Аврелия, отраду и друга народа своего, лучший образец счастливой жизни. Таков дух *Философии Римской*» — с. 29).

5. Курс первый. М.: в УТ, 1837.

силою разума против впечатлений порока, путешествовал по Греции не для того, чтоб обогатиться ученостию сей страны, в которой тогда науки и искусства процветали во всем совершенстве, но чтоб только образовать снисканные уже им познания. Странствуя по Греции, он сравнивал отечественные законы с законами чужеземными, и все, что ни находил полезного, по возвращении в Рим обращал к собственной своей славе, или к славе отечества. — Во время путешествия в каких местах он ни был, всегда избирал жилищем домы мужей великих и знаменитых не породою и не богатством, но добродетелию и глубокими сведениями; он имел спутниками себе не остроумных шутов, подобных нынешним Французам, но славных патриотов, Ораторов и Философов того времени, с тем намерением, чтоб даже в пути не лишиться случая пользоваться их советами и опытностию; и, Цицерон зная, в полной мере, как должно путешествовать по чужим землям, возвратился в Рим со всеми высокими качествами, совершенствующими и украшающими человека благомыслящего»[1]. Он же цитирует *Pro Marcello*, 5, проецируя похвалы в адрес Цезаря на путешествие только что скончавшегося мецената П. Г. Демидова: «Римский Оратор говорит о Цезаре, что никакой путник не может пройти столь отдаленных стран, сколько его Герой протек, ознаменовав оные не стопами, но победами. Я скажу о своем Герое, что ни один ученый путешествователь не возвращался в свое отечество со столь богатою и с столь обильною жатвою, какую чрез одиннадцать лет наш Демидов собрал на чуждых полях, у чуждых народов»[2]. Внимательным читателем и переводчи-

1. Рассуждение о связи учения божественного с человеческим, о необходимости учения вообще, о его методе, — и о частной и общественной пользе, от него происходящей, на случай торжественного собрания в Благородном пансионе, учрежденном при Ярославском Демидовском Вышних наук училище, 22го Декабря 1820 года, сочиненное Профессором Естественного и Народного прав, казенных Студентов и оного пансиона Инспектором, Надворным Советником и Кавалером Герасимом Покровским, произнесенное Пансионером Студентом Николаем Языковым. М.: в УТ, 1821, с. 23–24.

2. Слово в память Его Превосходительства, Действительного статского советника и Ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира первой степени кавалера, Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославского Демидовского Вышних наук училища, скончавшегося Июля 1го дня 1821 года; произнесенное... Герасимом Покровским... В кн.: Речи и стихи, говоренные во время публичного Собрания, бывшего при Ярославском Демидовском... училище 1821 года Ноября дня, по случаю торжественного поминовения... Павла Григорьевича Демидова... М.: в УТ, с. 23–24.

ком Цицерона был преподаватель Харьковского коллегиума, впоследствии петербургский профессор Я. Толмачев, цитировавший его в публичных чтениях, которые печатал «Журнал древней и новой словесности»[1]. Среди декабристов поклонником Цицерона был М. С. Лунин, в чьей сибирской библиотеке было полное собрание сочинений оратора[2]. Напротив, язвителен слог Кюхельбекера: «Мимоходом замечу, что фризер при тулонском театре — тезка великому и тщеславному консулу, оратору и философу, отцу отечества и ласкателю Цесаря — Цицерону»[3]. Юридическая профессура от Цицерона была не в восторге. М. А. Дмитриев вспоминает такой эпизод: «Один из них (студентов — *А. Л.*) читал в классе какое-то рассуждение и часто повторял имя Цицерона. Сандунов слушал с большим вниманием и вдруг закричал: „Что ты, батинька, все по глазам нам своим Цицероном? Да знаешь ли ты, что был Цицерон? Такой же взятошник, как и мы, грешные! Ведь он защищал-то своих приятелей за деньги!“»[4]. Другой профессор МУ того же периода, филолог Р. Ф. Тимковский, советует одному из своих студентов: «Читайте Цицероновы беседы Тускуланские, они много принесли мне пользы и утешения в скорбях моих»[5]. К числу самых популярных, естественно, относится афоризм *O tempora, o mores!* (*Cat.* 1, 1) — А. П. Сумароков влагает эти слова — «О нравы грубые! о дни! о времена!» в уста главной героини *Хорева*[6], И. И. Дмитриев делает «О времена, о нравы!» рефреном своего стихотворения 1796 года *Обманывать и льстить*[7], и ту же реплику берет эпиграфом к элегии *Проданный дом*, посвященной памяти Московского Благородного пансиона, его племянник, завершая ее такими стихами[8]:

1. Из переводов: см., напр., *Речь, говоренную Цицероном в защищение Марцелла*, 1819, январь, № 1; из цитат — см., напр., de or. 3, 186, 3–5 в статье *Музыкальный язык поэзии. Отделение оной от прозы. Разделение оной на роды. Разделение, последовавшее между поэзиею и музыкою*, в мартовском № 5 того же года.

2. Письма из Сибири, с. 440.

3. *Путешествие.* — В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979, с. 54–55.

4. Главы..., с. 118.

5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года. М., 1855, т. 2, с. 491.

6. ПС всех сочинений..., ч. III. М.: в УТ у Н. Новикова, ^{2}1787, с. 26.

7. Н. Карамзин. И. Дмитриев. Избранные стихотворения..., с. 282.

8. Дмитриев М. А. Московские элегии, с. 57–59. Кроме того, эту реплику

Теперь... но что мы помним вечно?
О век! о нравы! о народ!

Другую реплику из начала той же речи — *quousque tandem* — берет эпиграфом к стихотворению *Праздник Рима* Каролина Павлова[1]. Мало пиетета по отношению к оратору выказывает анонимный критик «Библиотеки для чтения» (О. Сенковский?): «Великий Катон, стоик Брут, Цицерон „отец отечества", все трое были безбожные взяточники»; «Филиппики... суть истинное выражение чувств Цицерона; оне всегда казались нам чисто отделанной бранью оратора, который ясно видит, что дело его отчаянно и безнадежно. Ни в одной из этих речей не видно того смелого чувства превосходства, тех могучих громов, той уверенности в успехе и в силе, какими одушевлены речи его против Катилины и другие... „Как благородные гладиаторы, говорит он, которые стараются живописно упасть на землю, будучи поражены смертельным ударом, так сделаемте и мы, владыки мира и всех народов: лучше нам пасть с достоинством, нежели покориться со срамом"»[2]. Сравнительно часто (больше, чем всех других античных авторов, вместе взятых) цитирует Цицерона П. Я. Чаадаев. В основном его внимание привлекает трактат *De legibus*[3]. Тютчев в стихотворении *Цицерон* цитирует *Brut.* 330[4]. На Цицерона ссылался также Тургенев[5]. А. И. Герцен весьма часто иронически сравнивает с Цицероном самых разных людей — от поэта Ламартина до министра П. А. Валуева[6]. Он оценивает римского оратора та-

используют М. Н. Погодин, В. Г. Белинский, Н. И. Пирогов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, А. П. Чехов и др. (СЛКС, с. 563–565).

1. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. М.–Л., 1964, с. 171.

2. Помпей, Цезарь, Цицерон и их современники. — Т. XXI, 1837. Разд. «Науки и художества», с. 32, 39–40. Статья посвящена «Истории Рима во время перехода его от республиканской к монархической форме правления» Друманна.

3. Чаадаев П. Я. Соч. М.: Правда, 1989, с. 21 (*or.* 120); с. 78 (*leg.* 1, 9, 26–27); с. 125 (*leg.* 1, 19); с. 194 (*leg.* 2, 8); с. 412 (*Tusc.* 2, 3).

4. Фрейберг А. Л. Тютчев и античность. В кн.: Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М.: Наука, 1972. См. также: Кнабе Г. С. Римская тема в русской культуре и в творчестве Ф. И. Тютчева. В сб.: Античное наследие в культуре России. М., 1995.

5. Егунов А. Н. «Вешние воды». Латинские ссылки в повести Тургенева. В кн.: Тургеневский сборник, вып. 4. Л., 1968. Альбрехт М. фон. Античные реминисценции..., с. 14–15.

6. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 197 слл.

кими словами: «Цицерон, этот совестливый и учтивый убийца, со своим vixerunt, был счастливее своего подражателя Каверьяка»[1]. Н. А. Добролюбов, поклонник политических талантов Катилины, не жалеет для оратора самых энергичных слов: «Сколько ничтожества, самохвальства, самых легких страстишек скрывается под приглаженными и округленными фразами знаменитого оратора», который для него — «гениальный софист и краснобай без всякого убеждения в душе»[2]. Профессор Фрейтаг, которому Н. Г. Чернышевский подает четыре страницы из *De natura deorum*, заменив Афины и Рим на Новгород и Киев, придирается к тексту, находит ряд плохих оборотов и пишет «не более как порядочно», в то время как собственные сочинения Чернышевского он оценивает высоко[3]. Блок в эссе, посвященному Катилине, называет философию Цицерона «мертвой водой» и сожалеет, что над его сочинениями теряли время школьники всех стран, в том числе и русские[4]. По мнению В. И. Модестова, «это... не был человек, который бы стал выше своего времени и проложил новые пути в области литературы, искусства и науки; зато это был человек, который воплотил в себе с изумительной полнотой всю образованность, до какой дошел Рим в республиканский период»[5]. На рубеже XIX–XX столетий Цицероном серьезно занимается знаменитый филолог Ф. Ф. Зелинский, который в статье, посвященной этому автору в энциклопедии Брокгауза и Ефрона[6], находит причины, в силу которых заглохший интерес к Цицерону должен возродиться: коррекцию естественной переоценки греческих источников в ущерб римским, рост интереса к психологии и этике, индивидуалистическое течение, противостоящее культу силы и национализму, и стремление к цельности в противовес чрезмерной специализации. Оценка М. Кузмина отличается практически беспрецедентной резкостью: «Цицерон, конечно, старый колпак и бездарный интриган. Противная, очень современная личность, немного французского академика»[7].

1. Ibid., с. 102. См. также с. 100–101.
2. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Добролюбова, с. 207.
3. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Чернышевского, с. 160.
4. Сс в 8 тт., т. 6, с. 78.
5. Op. cit., с. 207.
6. Т. XXXVIII, СПб., 1903, с. 273–274.
7. Кузмин М. Op. cit., с. 370.

Вергилий[1]. В «Скифской истории» мы сталкиваемся с переводом фрагмента *Энеиды* (1, 490 слл.) силлабическими виршами: «О них же <Амазонках — А. Л.> Омир во Илиадах, и Виргилий во Энеидах своих, сицевыми словесы поминают:

Ведет Амазонка полки неизочтенны,
Месячными же щиты цветно облеченны:
Смела Пентесилиа, ставя от охоты,
Против мужей дерзновенно девичьи роты»[2].

Феофан Прокопович в своем курсе поэтики приводит бесчисленные примеры из Вергилия, советует подражать ему в сочинении героического эпоса[3] и цитирует его в речах (напр., с. 27). А. Д. Кантемир цитирует Вергилия в *Сатире* 2, 157 сл.[4]:

Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды...

В *Письмах о природе и человеке* он ссылается на *Георгики:* «Сия философия хотя и ложна, но разумна, которую Виргилий изъясняет в стихах своих о пчелах, говоря, что вся хитрость их заставила многих признавать, что они вразумлены божественным разумом»[5]. Пчелиная метафора Вергилия — сравнение с государством — находит отклик также у Ломоносова (*Ода на день восшествия на престол Императрицы Елисаветы Петровны*, 1748 г.):

1. О переводах *Энеиды* см. Петровский Ф. А. Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода. В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., Наука, 1966. Дерюгин А. А. «Энеида» Вергилия в русских переводах конца XVIII — начала XIX веков. В кн.: Материалы X конференции литературоведов Поволжья. Ульяновск, 1969; его же, «Энеида» Вергилия в России. В кн.: IV Всесоюзная конференция по классической филологии. Тезисы докладов. Тбилиси, 1969.

2. Скифская история. Из разных иностранных историков, паче же из Российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692, а ныне во свет издана Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при МУ, ч. I. М., в типографии компании Типографической, [2]1787, с. 13.

3. Соч., с. 382.

4. Соч., письма... Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1. СПб., 1867, с. 40, 57 (прим. Кантемира со ссылкой на *Aen.* 1, 33).

5. Ibid., т. II, с. 50.

В луга усыпанны цветами
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел;
Стекается оставив розы
И сотом напоенны лозы
Со тщанием отвсюду рой,
Свою царицу окружает,
И тесно вслед ее летает
Усердием вперенный строй.

и у И. Ф. Богдановича в *Душеньке* (кн. 2):

Читатель так видал сметливость в пчельном рое,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смиряяся, летит на новый свой удел.

М. В. Ломоносов, признавшийся в начале *Петра Великого* — «...вослед иду Вергилию, Гомеру»[1], в композиции эпоса следовал вергилиевской схеме: в первой песни буря заставляет Царя укрыться в Соловецком монастыре, где он рассказывает настоятелю о своей юности и стрелецких бунтах; во второй описывается штурм Ореховца (Шлиссельбурга). Впрочем, начало *Генриады*, где Генрих Наваррский в первой песни начинает осаду Парижа и отправляется в Англию, по пути пережив бурю, а во второй рассказывает королеве Елизавете о Варфоломеевской ночи, тоже безраздельно зависит от Вергилия, и потому связь Ломоносова с римским поэтом может быть и косвенной, через Вольтера. А. П. Сумароков в *Епистоле о Стихотворстве* цитирует Вергилия как образец эпического творчества[2]:

1. Возможно, стих 1-й песни — «В сердцах великий страх сугубят скрыпом снасти» — является соревнованием аллитераций со знаменитым *Insequitur clamorque virum stridorque rudentum* (*Aen.* 1, 87); завершение рассказа Петра о стрелецком мятеже в конце той же песни созвучно началу 2-й книги *Энеиды:* «И ныне вспомянув я духом возмутился»; безусловно, тщательное исследование текста выявит и другие реминисценции. Здесь и далее цит. по: Соч. М. В. Ломоносова в стихах. Под ред. Арс. И. Введенского. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1893 (с. 277, 281, 290).

2. ПС всех сочинений..., ч. I, с. 340. Ср. АР, с. 8. Заключать же из этого, «что

Еней перенесен на Африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением; но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Ел в угодность ей Средьземный понт терзал,
И грозныя валы до неба воздымал.
Он мстил парисов суд за выигрыш Венеры,
И ветрам разтворил глубокия пещеры.

М. М. Херасков в предисловии к *Россиаде* также, как и Сумароков в *Епистоле*, называет *Энеиду* несравненной и активно использует в своем эпосе[1]; в позднейшей ироикомической *Бахариане*, ориентированной на Ариосто, герой Хераскова

Энею вздумал подражать,
Второй Дидоны убежать[2].

Императрица Екатерина II в 1770 году побуждает В. П. Петрова предпринять перевод *Энеиды* и участвует в работе (законченной и полностью напечатанной только к 1786 г.)[3]. Известный эпиграмматист В. М. Майков откликнулся на это событие таким дистихом:

Сколь сила велика Российского языка!
Петров лишь захотел, — Виргилий стал заика!

Ф. Козельский, описывая подземный мир в поэме *Незлобивая жизнь*[4], цитирует Энеиду (6, 617):

Вергилия Сумароков ставит выше Гомера, так как Вергилий рационалистичнее, „правильнее" Гомера», на наш взгляд, слишком поспешно.

1. См. об этом — как и о влиянии на *Россиаду* Овидия и Лукана — мою статью «„Россиада" М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия». Греко-латинский кабинет, № 3. 2000 г., а также статью «Техника эпического каталога в „Россиаде" Хераскова». — Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002, с. 512–518. Ср. также *Сельскую музу*: «Того не повторю, что сладкий пел Марон: / Открыл сокровища всея природы он; / Любимца своего Природа просветила, / И в таинственный храм как друга допустила», Творения, ч. VII, б. м. и г., с. 399.

2. Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из Русских сказок. М.: в типографии Платона Бекетова, 1803, с. 123.

3. Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. ФЗ, вып. 1–2, 1905, с. 156–157.

4. Сочинения..., II, с. 200.

Прикованный к горе, где раскаленна медь,
Седит Тезей смущен, и будет век сидеть.

М. Н. Муравьев пишет в своем дневнике: «Нынешнего года [1779?] прочел я „Энеиду", хотя с небрежением, в продолжение десяти дней от 28 мая до 6 июня. Или ничего не останется в голове моей от сего божественного творения? Какая свежесть смешения красок! Какие подобия, разверзающие сердце, из сельской жизни столь изобильно заимствованные! Столь нежно дышит любовь в четвертой: столь священно преподаются таинства закона в шестой! столько корыствуемся любовию отечества и Трои во второй, кипящей с краю до другого ужасами ночи и сражений! Но волнение последних книг не имеет ли своего превосходства? Хладно ли прейдут то в Вергилии, чему удивляются в Гомере? <...> Читать Вергилия мимоходом есть оскорбление стихотворства и чувствительности. <...> Творцы „Илиады", „Энеиды", „Фарсалы", „Иерусалима", „Потерянного рая", „Мессиады", „Генриады", „Россиады" суть умы другого чина, нежели Марциал, Катулл, Шолье, Проперций, Уц и сам Гораций, если бы он не был первый из лириков»[1]. Он подражает в *Эклоге к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву* буколическому сборнику нашего поэта и переводит отрывки из него[2]. Часто цитирует Вергилия его двоюродный брат И. М. Муравьев-Апостол. П. В. Завадовский сравнивает в письме к графу С. Р. Воронцову переменившееся отношение к нему Екатерины II словами Вергилия: «Когда Еней в Елисейских полях увидел Дидону, Виргилий на тот случай изображает его чувства: „Heu, quantum mutata est illa!"»[3]. Тонко чувствует драматическое мастерство эпика М. М. Сперанский: «Эней сходит в жилище мертвых. Там предстает пред него Дидона. Он старается пред нею оправдаться. Что должна отвечать на сие Дидона? Умы холодные, нечувствовавшие никогда сего бешенства, сего мщения, какое в гордую женщину может вдох-

1. М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770—начала 1780-х годов. Вступительная статья, публикация и примечания И. Ю. Фоменко. В кн.: Рукописи. редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки МУ. М., 1997, с. 124. См. также очерк *О Вергилии*, ПСс, ч. 3, СПб.: в типографии Российской Академии, 1820, с. 145—156, et alibi.

2. Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., Советский писатель, 1967, с. 85 слл., 253 слл.

3. Цит. по: Листовский И. Граф Петр Васильевич Завадовский. Русский Архив, № 3, 1883, с. 112. Ср. ibid., с. 118.

нуть пре́зренная любовь, здесь вывели бы ее осыпающую Энея упреками; они составили бы прекрасную речь из ее жалоб... Виргилий лучше их знал страсть; и чтож у него Дидона отвечает? Она молчит, и с презрением убегает. Вот истинный язык страсти; но кто научит ему, ежели не научит сердце?»[1]. Для поэзии буколического жанра XVIII века — и русской, и латиноязычной — характерно сильнейшее влияние мантуанца; это также одна из тем, настоятельно ждущих своего исследователя[2]. Н. М. Карамзин в стихотворении *Поэзия* дает такую характеристику Вергилию[3]:

Как Сириус блестит светлее прочих звезд,
Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский
Сиял в тебе, о Рим! среди твоих певцов.
Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира;
Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит
Еще не умирал или воскрес в сем барде.

В *Письмах русского путешественника* он описывает посещение Академии Скульптуры в Мангейме и группу Лаокоона: «Утверждают, что она подала Виргилию мысль к описанию не-

1. Правила высшего красноречия, с. 23–24. Ср. его оценку: «Одну и ту же вещь Теренций изображает просто и во всей ее, так сказать, естественной наготе; Овидий дает ее видеть в тысяче других; Виргилий представляет ее благородно и возвышенно; а Ломоносов проливает на нее свой жар» (с. 102). Разбор эпизода из *Георгик* (Орфей и Евридика) — с. 115 слл. Власть Эола над ветрами — с. 186 сл.

2. Так, напр., начинается идиллия *Phoebus* Михаила Гумилевского: M<eliboeus>: Ite meae saltantes hic per prata iuvencae. / Cor<idon>. Ite meae tenerae quoque per virgulta capellae. / M. Nos patulae, Coridon, fagi recumbemus in umbra... Eminentissimo Domino Platoni Sacrosanctae Synodi Russicae Membro Dignissimo, Dioeceos Mosquensis et Kalugensis Archiepiscopo, eidemque Lavrae SS. Trinitatis Sanctique Sergii Hiero-Archimandritae; Academiae Mosquensis Directori Protectorique optimo, Patroni sui S. Platonis diem feliciter reversum devotissimo animo gratulatur Academia Mosquensis Anno 1777 die 18. Novembris. Typis Vniversitatis Caesareae Moscvensis, p. 3. Эпиграфом ей предпосланы стихи из Hor. *carm.* 4, 7. Вероятно и влияние Кальпурния: ср. кроме общих идей — близкую реминисценцию *ecl.* 4, 37 *recubamus in umbra*. Подробнее об этом см. А. Е. Беликов. О Михаиле Гумилевском и его подражании Вергилию. В кн.: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: УРСС, 2004 (вышел в 2005 г.), № 13, с. 343–353.

3. Н. Карамзин, И. Дмитриев..., с. 62. Карамзин сделал следующее примечание к стихотворению: «Сочинитель говорит только о тех поэтах, которые наиболее трогали и занимали его душу в то время, как сия пьеса была сочиняема».

щастного Лаокоонова конца. Смотря на нее, прочитал я несколько раз сие место в бессмертной Энеиде, которая была у меня в руках...»[1]. Цитатой из Вергилия (*Aen.* II, 436) А. П. Ермолов завершает свой рассказ об Аустерлицком сражении[2], а *Aen.* 5, 709 венчает период, непосредственно предшествующий войне 1812 года, и служит переходом к повествованию об этой славной эпохе[3]. П. А. Вяземский включает Вергилия в свою избранную *Библиотеку*[4]:

> Виргилий, друг полей и благодетель их,
> Любить их, украшать и петь твой учит стих.

Ив. Вернет в статье *Нечто о красноречии и похвалах* пишет[5]: «Виргилий неподражаемою гармониею своего стихотворения облагородил Энея, который слишком далек от того века — в коем я живу; и по сему мало меня занимает; а Генрих IV, в коем я приемлю гораздо более участия, придает неизъяснимую прелесть поэме Вольтера». А. Ф. Мерзляков пишет в предисловии к переводу *Буколик:* «В самом деле ни один из Писателей Латинских не отличается такою простотою, нежностию и сладостию стихов своих. — Он рожден был украсить Эклогу всеми прелестями природы. — Читатель сожалеет только о том, что Виргилий невсегда ставил себя на место пастухов, но их заставлял играть свою роль. — Повсюду мы видим в нем любимца Августова, Вариева и Поллионова, которым приносит он жертвы благодарного своего сердца. — Эклоги его почти все Аллегорические; сколько ни прелестен покров их, но он прозрачен, и сельские цветы теряют свою живость от дыхания лести. — Под тению мирных дубов раздаются стенания народных бедствий и рабства: очарование спокойствия, свободы, невинности исчезает; и читатель против воли видит себя на стогнах пышного Рима»[6]. В другом месте: «Из золотого века Римской

1. Письма русского путешественника, с. 92. В одном из ранних вариантов несколько иная характеристика: «Виргилиево описание конечно хорошо; но оно есть самая сухая история против Фидиасовой поэмы...» (с. 424).

2. Записки артиллерии полковника Ермолова..., с. 61.

3. Записки артиллерии генерал-майора Ермолова. От окончания войны в Пруссии до кампании 1812 года. Ibid., с. 119.

4. Соч., т. 1: Стихотворения. М.: Художественная литература. 1982, с. 162.

5. УВ на 1818-й год, ч. XII, кн. 10, октябрь, с. 32.

6. Эклоги П. Виргилия Марона, переведенные А. Мерзляковым, профессором МУ. М., 1807, с. XIX. Ср. оценку в Пятом чтении в Беседе любителей

Поэзии, *Виргилий* есть единственный стихотворец, который обработал сей род с блистательным успехом. Еклоги его суть подражания Феокритовым; но они имеют более вкуса, более украшений, соответственно его времени и утонченным чувствованиям народа образованного»; «Между Римскими героическими певцами, *Виргилий* занимает первое место. Энеида его хотя есть беспрерывное подражание Илияды, но подражание, совершенное духом высоким, творческим, и притом приноровленное ко вкусу и образованности своего времени. Величественную Гомерову простоту заменило здесь блистательное искусство плана, важной тон изложения и вкус во всей изящной своей утонченности»[1]. Приведем и оценку П. Е. Георгиевского: «Вергилий естественно выражает сошествие в ад Энея; читая стихи его, идешь за Энеем и, кажется, видишь ту мрачную рощу, в которую он вступает, ужасаешься повсеместной пустоты и повсюду царствующего глубокого молчания, видишь, с какою отважностью спускается в подземную пропасть, и слышишь, как он разговаривает с Кумскою сивиллою и пр. Все сии изображения у стихотворца живы, разительны, прекрасны; читая Вергилия, чувствуешь удовольствие и прекрасные восторги тайного ужаса»[2]. Н. Остолопов в своем *Словаре* дает об эпике такие сведения: «многими уважается не менее Гомера, хотя и подражал сему последнему во многих местах»[3]. Проникновенные строки посвящает мантуанскому поэту П. А. Катенин: «О Дидоне молчат, не имея чем похулить; и точно нелегко отказать в похвале столь изящному творению, какова четвертая песнь „Энеиды“; отдельно от прочих, сама собою, она полная и удивления достойная поэма, какой ни один из ныне хвалимых гениев произвести не сможет. Нужно приба-

русской словесности: «В часы отдохновения, в шуму городском, в заботах беспрерывных, попались вам в руки Эклоги Виргилиевы. — Оне восхищают вас картинами прелестной жизни, беззаботливости, простоты и свободы, которых вы не имеете, и которые вам столь драгоценны» (Амфион, 1815, июль, с. 76). Двойственна и оценка *Георгик:* восхищаясь описанием бури в I, 328 слл., Мерзляков прибавляет: «Все подробности высоки в сем описании, но кажется, что *проливной дождь* несоответствует уже величию главного предмета» (ВЕ, ч. LXVI, № 21—22, 1812, с. 75—76).

1. Краткое начертание теории изящной словесности. В двух частях. Издано профессором А. Мерзляковым. М.: в УТ, 1822, с. 128; 217. Приведем еще одну оценку: «Я люблю Овидия и Вергилия, но последнему всегда отдам преимущество» (*О вернейшем способе...*, РЭТ, т. 1, с. 184).

2. Введение в эстетику. Цит. по: РЭТ, т. 1, с. 222.

3. Ч. 1, с. 519.

вить, что и кроме нее в „Энеиде" много частей превосходных: ночное взятие Трои, пещера Сивиллы, бой Геркулеса с разбойником Каком, Энеев щит — суть картины, и объемом и кистью далеко превышающие все, чем ныне в моду вошло восхищаться; мягким же и нежным красотам, гению Вергилия особенно сродным, нет числа, и совершенство стихов несказанное. Надо надеяться, что непристойное пренебрежение к сему великому стихотворцу пройдет, как прошли нелепые толки минувшего столетия о Гомере»[1]. Интересно, что, по словам Ф. Ф. Вигеля, этот же поэт в молодости придерживался диаметрально противоположных позиций: «Ни одному из них (писателей — *А. Л.*) не было от него пощады, ни русским, ни иностранным, ни древним, ни новым, и Вергилий всегда бывал первою его жертвой»[2]. Н. И. Гнедич не слишком ценит вергилиевы эклоги; в предисловии к переводу *Сиракузянок* Феокрита он пишет: «Несмотря на прелесть стихов, он остался позади Феокрита; пастухи его большею частью ораторы. Калпурний и другие из римлян подражали Вергилию, — не природе»[3]. В письмах он часто цитирует Вергилия — в особенности *Георгики*[4]. Ал. Дуров пишет стихотворение *К лавру над могилою Виргилия*[5]:

Цвети над урной роковой,
Где прах великого под хладною доской.
Могила все взяла; но дух его творений —
Бессмертного бессмертный гений
В потомстве не умрет:
Он с каждым веком оживет!

В скобках отметим, что восприятие значимости события для путешественника тоже изменится с течением времени: в очерке А. Зилова *Неаполь* (из записок русского путешественника) 1837 года содержится такое описание могилы Вергилия[6]:

1. Размышления и разборы, с. 78—79. К *Буколикам* и *Георгикам* отношение более сдержанное.

2. Записки (фрагменты). В кн.: Русские мемуары. Избранные страницы. 1800—1825 гг. М.: Правда, 1989, с. 480.

3. Полное собрание поэтических сочинений и переводов Н. И. Гнедича, т. 1. СПб., изд. Н. Ф. Мертца. 1905, с. 164.

4. Сообщил Н. Н. Казанский.

5. Труды Высочайше утвержденного Вольного ОЛРС. 1820 г., ч. XI. СПб.: в Медицинской типографии, с. 89.

6. В журн.: МП, ч. II, № 3, 1841, с. 81.

Коляска остановилась. Где ж могила Вергилия? „Надобно взбираться на крутизну пешком, отвечал извощик; туда в большой коляске не въезжают". Досадно! Я чувствовал себя нездоровым, но, делать нечего, пошли угловатыми всходами; силы мне изменяли, однако ж любопытство превозмогло, и я достиг с товарищами до высоты. Калитка перед нами отворилась; нас впустили в какой-то сад или просто огород, усаженный деревьями между гряд. Где ж могила Вергилия? Женщина, отворившая нам калитку, отвечала: „Надобно спускаться вниз". Пошли. Тропинка вертелась, попадались лесенки, потом опять спуски, мы находились в расселине утеса; вдруг предстал взору нашему шалаш не шалаш, избушка не избушка, что-то каменное со сводом и отверстиями, поросшее травой и кустами. „Вот могила Вергилия!" — Только-то! воскликнули мои товарищи.

К чему великолепный камень
Над прахом славного певца?
Его стихов священный пламень,
Бессмертней камня и резца!

Позднее М. П. Погодин испытает от этого места совсем иные впечатления[1]:

Впродолжении этих двух дней мы сходили еще посмотреть *гробницу Виргилия*, с лавровым деревом *Петрарки*. Какие звучные слова! с нетерпением спешили мы на возвышение над гротом *Павсилиппо*, который играет такую блистательную роль на картинках. Идем, идем, — дорога круче и круче. Мостовая пребеспокойная. Повороты на всяких десяти шагах. Солнце печет. Ну что-то будет? Наконец калитка в огород, пред коей стояли очень долго, дожидаясь ключей. Огородишка преплохой. Мы поколесили еще несколько минут, и очутились в каком-то полуоткрыом погребе... вошли и вся история. Лавра нигде и следов нет. Разорван давно по кусочкам, как иное сочинение доброжелательною критикой.

Воображение могло-б доставить приятную минуту, — но ему помешало ожидание увидеть чудо. Кажется самое место неизвестно в точности — проводник болтал всякой вздор, и я не хотел уж разспрашивать его более. Нет, на картинках гробница Вергилия лучше; в молодости, одна особенно меня услаждала — это фронтиспис на Раичевом переводе Георгик: nunc tenet Parthenope.

Но лучшим, достойнейшим вергилиева надгробия венком навсегда останутся чудесные стихи Е. А. Баратынского, увидев-

1. МП, ч. IV, № 7, 1842, с. 10. На следующей странице уединенное озеро Аньяно напоминает Погодину сцену из *Метаморфоз* — жилище Морфея.

шего в окрестностях Неаполя и описавшего в поздней поэме *Дядьке-итальянцу*

И Цицеронов дом, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суеверу,
Где спит великий прах властителя стихов,
Того, кто в сей земле волканов и цветов,
И ужасов, и нег взлелеял Эпопею,
Где в мраке Тенара открыл он путь Энею,
Явил его очам чудесный сад утех,
Обитель сладкую теней блаженных тех,
Что, крепки в опытах земного треволненья,
Сподобились вкусить эфирных струй забвенья.

Особенно популярная среди вергилиевских цитат — знаменитое *quos ego!* (*Aen.* 1, 135). К ней прибегает Радищев, чтобы описать в *Путешествии* «его превосходительство», «нового Полкана»: «На, да скорее, а то я тебя.... говорил он, подняв плеть над головой дрожащего старосты. Недокончанная сия речь столь же была выразительна, как у Виргилия в Энеиде речь Эола к ветрам: я вас.... и укрощенный видом плети гренадера староста столь же живо ощутил мощь грозящего воина десницы, как бунтующие ветры ощущали над собой власть сильной Эоловой отроги»[1]. В. Л. Пушкин даже получил в «Арзамасе» прозвище *Вот я вас!* Дважды это место обыгрывает Батюшков в переписке[2]. Эта же цитата потом также дважды будет использована Тургеневым: в романе *Новь*, где Сипягин успокаивает своих бурных гостей, и в одном из писем[3]. *Энеиду* можно рассматривать как подтекст *Вешних вод*[4]. М. А. Дмитриев с

1. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983, с. 303. По-видимому, к этому же месту *Энеиды* восходят стихи Д. И. Хвостова: «В цепях содержит тучи чорны, / В пещерах скрывшися, Борей; / Эола чада непокорны / Не смеют колебать морей». Стихотворение *Мир*, ПС стихотворений, ч. I, с. 125.

2. Пильщиков И. А. Литературные цитаты и аллюзии в письмах Батюшкова: (Комментарий к академическому комментарию). Philologica, 1—2, М.—Лондон, 1994, с. 208—209. Эта же статья рассматривает и другие античные аллюзии в переписке поэта.

3. М. фон Альбрехт. Античные реминисценции..., с. 13. Кроме того, цитируют: Д. В. Веневитинов, П. Д. Боборыкин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Ф. Кони и др. (СКЛС, с. 674—675), а также К. П. Победоносцев в ст. *Характеры* (Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993, с. 162).

4. Ibid., с. 16.

иронией говорит о своем дяде, что «ему жить бы только в Елисейских полях, описанных Вергилием, где люди не жнут и не пашут, а только прогуливаются в лавровых рощах и питаются воздухом, да разговаривают величественно с древним генералитетом и большим светом...»[1]. В 1830 г., когда Император прибыл в Москву, генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын устраивает в его честь «живые картины», в том числе и на сюжеты *Энеиды;* будущая жена А. С. Пушкина играет роль Анны[2]. Отношение А. С. Пушкина к Вергилию двойственно: признавая его величие, поэт называет предшественника «чахоточным отцом немного тощей Энеиды». А. А. Тахо-Годи полагает, что эта двойственность сказалась на отношении Белинского к нашему поэту[3]. В обществе и даже в научных кругах кредит Вергилия падал все ниже. С. П. Шевырев в своей университетской лекции дает *Энеиде* такую оценку[4]: «Я думаю, что влиянию Трагедии обязана Энеида гораздо бóльшим единством действия и героя, нежели какое замечаем мы в Илиаде и Одиссее... Конец же Энеиды есть конец совершенно драматический. Греческий эпик изобразил бы еще погребение Турна Рутулами и брак Энея с Лавинией... Следует сказать, что если в Поэзии когда-либо отсутствие истины создания могло быть терпимо, могло быть совершенно приведено в забвение изяществом поэтического слова; — то яркий и блистательный этому пример видим мы в Энеиде. — Если Поэзия Римская чем-либо возьмет пальму над истиною и красотою Поэзии Греческой, то конечно выражением, и особенно выражением Виргилия, которое есть цвет поэтического слова Латинской Музы. Но что хвалить безусловно выражение Виргилия? — Читайте его, изучайте — и что всего важнее, старайтесь усвоить всю силу, всю красоту, все живописное богатство, все благородство, всю оконченность этого выражения языку отечественному. Перевести достойным образом хотя несколько стихов Энеиды по Русски — может служить верным залогом переводчику в том, что он овладел уже силою отечественного слова. Сначала, когда пытаемся перелагать Виргилия, язык как будто нем, слова Русские тесны — и ни одно не выражает подлинника... Я пригла-

1. Главы..., с. 314.
2. Вересаев В. Пушкин в жизни. Сс в 4 тт., М.: Правда, 1990, т. 2, с. 449–450.
3. Тахо-Годи А. А. Жанрово-стилевые типы..., с. 188–189.
4. Об *Энеиде* в отношении историческом и эстетическом. УЗ МУ, 1835, № 5, ноябрь, с. 292–293; 298–299.

шаю вас на такое единоборство с Виргилием, как на верное средство образовать сильное слово для каждой пластической мысли». В. Г. Белинский не скупится на резкие характеристики и проявляет особое желание принести Вергилия в жертву на алтаре Гомера: по его мнению, *Энеида* «во время упадка римской доблести, во время разврата, вздумала прикинуться простодушным эпосом пасторально-героических времен и объявить незаконные притязания на родство с божественной Илиадой», «сладенькое произведение придворного поэта», снисходительно признавая «великие частные красоты». Приведем еще несколько отрывков: «Член народа, почти совершившего полный цикл своей жизни, клонившегося к падению, сын цивилизации состарившейся, одряхлевшей, утратившей все верования, наружно чтившей богов, но под рукой смеявшейся над ними, как мог Вергилий, не будучи лицемером и ханжою, быть благочестивым (pius) и, не смеясь, говорить с благоговением и поэтическим жаром о том, что не возбуждало в нем задушевного участия, не потрясало всех струн его сердца, не было религиозным верованием?» «Одно уже то, что его *Энеида* была не оригинальным произведением, а рабским подражанием великому образцу, — служит ей лучшей критикой и окончательным приговором»[1]. В. С. Печерин, сравнивая себя

1. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Белинского. В кн.: УЗ МОПИ, т. XXXVII, в. 3. М., 1956, с. 174—177. См. также в следующем выпуске (№ 4, т. XLV, 1956) ее же Именной и предметный указатель высказываний Белинского из области античного мира. Имеет смысл не упускать из виду то обстоятельство, что Белинский чрезвычайно беден на самостоятельные мысли, особенно по античности, с которой у него не было времени познакомиться в текучке журналистской работы; его мысли и высказывания, таким образом, следует оценивать как *симптомы* отношения к различным предметам сторонников его партии. Относительно его знакомства с латинским языком и литературой см. статью М. Полякова *Студенческие годы Белинского* в кн.: ЛН, т. 56. М., изд. АН СССР, 1950, с. 330: «Лекции Кубарева (Алексей Михайлович, фанатичный любитель римской литературы и, по-видимому, один из лучших латинистов Москвы в XIX в. — *А. Л.*) по латинскому языку немного могли прибавить к знаниям Белинского; латынью он усердно занимался еще в гимназии... В „ведомости" Кубарева отмечено, что Белинский пропустил 13 занятий. Говоря иначе, Белинский находился в числе тех студентов, которые... „мало участвовали в преподавании" и занимались „чем-нибудь посторонним". Это не означает, однако, что Белинский пренебрегал изучением латинского языка. В его библиотеке сохранилось довольно много учебных и других книг по латыни, приобретенных в большинстве своем, несомненно, в студенческие годы. Среди этих книг мы находим Саллюстия, Теренция (оба издания с параллельными латинским и русским текстами), Цицерона и др. Особенно интересно сохранившееся в библиотеке

с Энеем, для одной из глав своих *Замогильных записок (Apologia pro vita mea)* берет искаженную цитату из начала *Энеиды: terra marique profugus*[1]. *Aen.* 1, 143 украшает триумфальную арку в Або, которую финны строят в 1856 году для молодого Императора Александра II[2]. Н. А. Добролюбов, написавший в студенческие годы работу об одном из переводов Вергилия, ставит его ниже Гомера и считает *Энеиду* «превосходным произведением великого таланта», но не «выражением народного эпоса». «Вергилий то же для римлян, что Гомер для человечества»[3]. Еще строже Н. Г. Чернышевский, оценивавший *Энеиду* как произведение «мелкое» и «пустое», у Вергилия, как и у Горация, «почти нигде нет даже искренности и увлечения»[4]. Даже такой крупный филолог, как Н. С. Тихонравов, в молодости позволял себе писать, не рассчитывая встретить должного отпора: «Что представляет нам Энеида, этот — бесспорно — блистательнейший эпос римский? План и основа его взяты из эпоса Гомера; сама она представляет крайне неудачную попытку подделаться под Илиаду и Одиссею; это просто сколок Гомеровой эпопеи. Нельзя не заметить, что скудость поэтического дарования была *сильною* (но не главною) причиною подражания: иначе зачем же бы Вергилий стал подражать во всех мелких подробностях Гомеру?»[5]. Ф. И. Тютчев использует вергилиевский образ в стихотворении *За нашим веком мы идем*. В. И. Модестов ставит *Эклоги* гораздо ниже произведений Феокрита,

парижское издание сочинений Горация 1828 г., испещренное многочисленными пометками Белинского. Последние отражают процесс вдумчивого чтения и определенного отбора стихотворений из книги од Горация. На ряде страниц имеются переводы латинских слов и выражений, а также схемы стихотворных размеров». Трудно сказать, что дает основание для столь далеко идущих выводов из этих вполне ученических записей...

1. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: МГУ, 1989, с. 187. Впрочем, в другом месте Печерин кокетничает, говоря: «Еще хуже Онегина, я из *Энеиды* удержал только один стих» (цитируя 6, 95, ibid., с. 231).

2. Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование, кн. I. М.: Чарли, 1996, с. 233.

3. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Добролюбова, с. 200.

4. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 172, 175.

5. Тихонравов Н. С. Обзор переводов Гомера на русский язык. Соч., III, 2, М., 1858 (260–289), с. 262–263. Ср. реплику Ф. Ф. Зелинского, который говорил об «ограниченных порицателях» Вергилия, «которых наш век, к сожалению, наплодил множество» — Отзыв о сочинении В. И. Модестова «Лекции по римской литературе». СПб., 1889, с. 17.

сравнивая их новаторское значение со значением стихов Жуковского, подчеркивает самостоятельность поэта в *Георгиках* и защищает его *Энеиду* от сопоставления с Гомером, показывая нерациональность такого рода операций; все же его оценка сдержанна: «что всегда будет для него предметом укора, это — изображение характеров, бледность, неопределенность и негероичность которых составляют самую слабую сторону его произведения»[1]. В. С. Соловьев вместе с Фетом трудится над *Энеидой* и переводит сыгравшую столь большую роль в христианизации Вергилия 4-ю *эклогу*. В 1887 году он пишет Н. Н. Страхову: «Я считаю „отца Энея" вместе с „отцом верующих" Авраамом настоящими родоначальниками Христианства, которое (исторически говоря) явилось лишь синтезом этих двух parentali'й»[2]. Профессор-юрист А. Э. Вормс вспоминает о своей беседе с Л. Н. Толстым о *Георгиках:* «Находясь под влиянием историка Рима Моммзена и немецких филологов, я разделял их взгляд на Вергилия как на поэта мало оригинального, находившегося под сильнейшим влиянием: в „Буколиках" — Феокрита, а в „Энеиде" — Гомера.

Несколько заостряя свои замечания под создавшимся у меня впечатлением (б<ыть> м<ожет> ошибочным), что Л. Н. очень неохотно соглашается со своими собеседниками, я возразил, что Вергилия вдохновляла не столько, б<ыть> м<ожет>, непосредственная близость к сельскому быту, сколько господствовавшие литературные течения. Вергилий сравнительно рано был оторван от жизни в деревне: он лишился своего хутора близ Мантуи, отобранного у него при наделении землей ветеранов из армий триумвиров, когда ему было всего около двадцати пяти лет; после этого он вошел в городскую, отчасти даже в придворную среду; „Георгики" написаны им, по-видимому, по заказу Мецената, одного из близких сотрудников Августа. На „сельских поэмах" Вергилия сказались книжные влияния, в особенности буколический жанр эпохи эллинизма. Эти поэмы коренятся в романтической фикции деревенской идиллии; они отражают настроение горожанина, бегущего на лоно природы в тоске по опрощению, в поисках отдыха от напря-

1. Op. cit., с. 377; 384; 400—401; 404.

2. Цит. по: Межуев Б. В. Античная тема в русской философской мысли второй половины XIX века. В сб.: Античное наследие в культуре России. М., 1995, с. 193. Автор усматривает в подходе Соловьева к Вергилию влияние Гастона Буассье (с. 194).

жения и суеты культурных центров. Пастухи Вергилия — непосредственный прообраз „милого пастушка" XVIII столетия, сначала игривого, а потом сантиментального.

Л. Н. был явно не согласен с моими замечаниями. Его как бы пронизывающий собеседника взгляд, памятный всем, лично знавшим Л. Н., казался почти суровым, когда он мне сказал: „Вы не правы. Отношение Вергилия к сельскому быту было серьезное; его сельские поэмы глубоко художественные и, как таковые (или: а потому), — самостоятельные произведения"»[1].

П. Н. Милюков вспоминает о своих гимназических годах, что он в то время «бредил Вергилием» и прочел целиком всю *Энеиду*[2]. Пристрастие к нашему поэту разделяет и его современник — гимназист В. В. Смидович, в будущем В. Вересаев, переводчик Гомера и Гесиода. Он пишет даже стихотворение в гекзаметрах с эпиграфом *georg.* 3, 284 о невозвратном времени[3]. Весьма экстравагантный перевод крупнейшего римского эпоса принадлежит В. Я. Брюсову, который впоследствии признавался М. А. Волошину: «Век Августа — это архаические времена. Латинский язык тогда еще не был разработан. Это был наш державинский торжественный язык. Вергилий, которого я когда-то так любил, это Державин. Овидий и Гораций — поэты допушкинского периода римской литературы» (продолжение реплики см. в разделе о поздних поэтах)[4]. А. А. Блок пишет в дневнике (набросок статьи о русской поэзии, декабрь 1901 — январь 1902 года): «Как это ни странно „публике" — декадентство в самом неподдельном виде встречается и — horribile

1. Документ находится в личном архиве наследников А. Э. Вормса. За предоставление этих сведений мы сердечно признательны Н. И. Шленской.

2. Милюков П. Н. Воспоминания. М., Политиздат, 1991, с. 49.

3. В. Вересаев. Воспоминания. Юные годы. Сс в 5 тт., т. 5. М., 1961, с. 178. Позднее он разочаровался в Вергилии: «Когда я читаю „Энеиду" Вергилия, чувствую перед собою с огромным мастерством рассказанную сказочку о приключениях выдуманных героев, о действиях богов, в которых ни сам Вергилий не верит, ни мы с вами... Даже смешно и как-то неловко в душе: на что тратят люди время, — на сказочки!» (противопоставляя Гомеру); Записи для себя, ibid., с. 477.

4. Волошин М. А. Лики творчества, кн. 4. Современники. Валерий Брюсов. «Пути и перепутья». В кн.: Лики творчества. Л.: Наука, 1988, с. 415. См. также: Гаспаров М. Л. Брюсов и античность. В кн.: Брюсов В. Я. Сс в 7 тт. М.: Художественная литература, 1975, т. 5; его же, Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре. Брюсовские чтения 1971. Ереван: Айастан, 1973.

dictu! — у Вергилия — см. „Bucolica"»[1]. В поэтическом птичнике В. И. Иванова Вергилию уготована роль жаворонка — наряду с альбатросом Бодлером и соловьем Верленом (сонет *Переводчику*). М. Кузмин продолжает старинную игру — гадает по произведениям нашего поэта[2]. А. А. Ахматова не принимает оправданий Энея и 2 августа 1962 года пишет от имени Дидоны стихотворение *Не пугайся, я еще похожей...* с двумя эпиграфами — *Aen.* 6, 460 — «Против воли я твой, царица, берег покинул» — и собственным: «Ромео не было, Эней, конечно, был».

Гораций[3]. Несомненно, этот поэт — один из тех, кто оказал наибольшее влияние на русскую литературу. В указателе Е. В. Свиясова его переводы занимают сс. 275–303 из 356 страниц указателя (889 номеров из 9979), значительно больше, чем любой другой из античных поэтов[4]. Феофан Прокопович в своем курсе поэтики советует при писании лирических стихов подражать одному только Горацию[5], приводит из него в курсе поэтики большое количество примеров и использует в речах скрытые реминисценции из римского поэта. Так, по-видимому, характеризуя Карла XII следующими словами — «Супостат воистину таковый, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава»[6], он опирается на *carm.* 4, 4, 51–52. Еще в

1. Сс в 8 томах, т. VII, с. 30. См. Анпеткова-Шарова Г. Г. Студенческие работы Блока по античной поэзии. Русская литература, № 3, 1980.

2. Кузмин М. Дневник 1905–1907. СПб.: изд. Ивана Лимбаха, 2000, с. 438.

3. Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. В кн.: Известия АН СССР, Отд. общественных наук, 1935. № 10. О влиянии Горация на новолатинскую поэзию России см. Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М.: РГГУ, 2000 (отмечается весьма часто; см. Указатель имен s. v. Гораций). Более поздняя проблематика: Э. М. Жилякова. Тургенев и Гораций. В сб.: Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии. Томск, 1997, с. 153–167. Т. А. Пахарева. Об акмеистическом варианте горацианской темы памятника. В кн.: Мова і культура. Київ, 1997, т. 3, с. 135–136.

4. Мальчукова Т. Г., Кислова М. М. Гораций в избранных текстах и переводах. Материалы и исследования по истории поэтического перевода. Петрозаводск, 1995. Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1935, № 10. О XVIII в.: Тетени М. Роль античной поэзии в русском литературном развитии XVIII века. (К вопросу о восприятии поэзии Горация.) В: Hungaro-Slavica, 1978, № 23.

5. Соч., с. 382.

6. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю Царю и Великому князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной. Соч., с. 24.

1700 г. была подготовлена книга «Горацый Флякус о добродетели, стихами поетыцкими, русский» И. Копиевского, но она так и не увидела света, и сам перевод не сохранился[1]. Большим ценителем его творчества и одним из первых переводчиков был великий поэт XVIII столетия Антиох Кантемир[2], так оценивавший своего кумира: «Между всеми латинскими стихотворцами я чаю Гораций одержит первейшее место. Удачлив в составе речений, искусен в выборе прилагательных, смел в вымыслах, изображает оные с силою и сладостию. В сочинениях его делу слог соответствует, забавен и прост в сатирах и письмах своих, высок и приятен в своих песнях; всегда сочен и так наставлениями, как примерами, к исправлению жизни полезен»[3]. Безусловно, тут имеют место и русификация, и сознательная попытка использовать перевод для обогащения недостаточно еще гибкого родного языка. Не ограничиваясь переводом, Кантемир в своих оригинальных сатирах часто обращается к римскому образцу: так, в третьей сатире он пишет портрет скупого Хрисиппа[4] (ср. *serm.* 1, 1, 51 слл):

И прячет он и копит денежные тучи,
Думая, что из большой приятно брать кучи.
Но если из малой я своей получаю
Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
Предпочитает?.. Тому подобен, мне мнится,
Хрисипп, кто за чашею одною тащится
Воды на пространную реку, хотя может
В ручейке чисту достать...

Тредьяковский также закладывал горацианское наследие в основу своей теории стихотворства: он предлагает для русской поэзии две разновидности лирических строф – сафическую (что соответствует современной классификации) и гора-

1. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 99.

2. Веселовский А. Д. Кантемир – переводчик Горация. (Классический мир в представлении русского писателя первой половины XVIII века). В сб.: Известия Отделения русского языка и словесности ИАН, т. XIX. Пг., 1915, кн. 1. Общая оценка: «„Galant" Дасье обратился у Кантемира в учителя-моралиста» (с. 249).

3. Соч., письма... Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1, с. 385.

4. Ibid., с. 65.

циянскую (т. е. алкееву), демонстрируя их на примере двух вариаций на темы од Горация (3, 3, 1–4 и 2, 9, 1–8)[1]:

Совесть кто в себе непорочну весть,
Нравов чистота завсегда в ком есть,
Не боится тот охужден пропасти,
Бодр и в напасти.
Кедры не всегда вихрем ломаются,
Листа не весь год рощи лишаются,
И ведро после туч бывает,
В весну и дерево процветает.

Князь Шуйский в *Димитрии Самозванце* Сумарокова[2] цитирует 3, 2, 13:

За общество умреть, и хвально и приятно.

Горацианские реминисценции можно найти и у Хераскова:

Разливаяся волнами
Море не всегда кипит,
Не всегда из туч над нами
Преужасный гром гремит[3].

Во второй половине XVIII века Гораций – один из самых читаемых авторов[4]. Многообразно и значительно его влияние

1. Способ к сложению Российских стихов против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный. В кн.: Соч., т. 1. СПб, 1849, с. 161–162.

2. Действие III, явление 2. – ПС всех сочинений, в стихах и прозе... М.: в УТ у Н. Новикова, ^{2}1787, с. 95.

3. Ср. *carm.* 2, 8, 1 слл. Цитата из *Оды к господину В.* (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, СПб., июль, 1755, с. 163).

4. Приведем интересную и выдающую знакомство с поэтологическими мотивами римлянина характеристику автора, скрывшегося за инициалами M. I.: Quam poscis, audax Musa, licentiam? / Vis ire longe per liquidum aera? / Pendere pennis ut favoni, / Pindarus aliger ut volavit, / Aut alter olim praepes Horatius / Temnens olorino infima carmine? – Ode illustrissimo Platoni Archiepiscopo Twerensi et Kaschinensi, Sacrosanctae Trinitatis Sanctique Sergii Laurae Archimandritae, Sanctissimae Synodi membro, Augustorumque Ducum Theologiae Doctori, nuper Dei Sospitatoris gratia Petropoli Tweriam reduci, ac festum Paschatis prospere celebranti, a seminario Troicensi oblata anno 1774, mensis Aprilis 20 die. Typis Vniversitatis Caesareae Moscvensis, anno 1774.

на Г. Р. Державина[1] (который, впрочем, мог знакомиться с ним только в переводах, поскольку не знал никакого иностранного языка, кроме немецкого)[2]. В. П. Петров пишет послание *К Великой Государыне Екатерине Второй...*, где *colores Horatiani* видны невооруженным глазом, хотя цель послания иная, чем у римского поэта[3]:

> Я Ангела пишу: пусть в виде он арапа,
> Для сходства, вместо ног, медвежья пойдет лапа;
> Лишь был бы статен в нем и соразмерен рост,
> Прибавлю в торопях ему я сзади хвост;
> В прикрасу, мохнами одену чорной шерсти;
> И стал он как Адам из свежей создан персти.
> Теперь придать криле; так всех и обману,
> Кто смеет Ангела принять за Сатану?

Интересна реминисценция *Памятника* в прозе: «Haec dies... constituitque monumenta, quot rerum praeclare ab illa gestarum exstant specimina, temporis edacitate nunquam consumenda»[4]. М. Н. Муравьев в стихотворении *Муза* пре-

1. Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. УЗ Томского государственного ун. «Вопросы литературоведения», 1955, т. 24, с. 72. АР, с. 18 слл. Паит М. Я. Горацианские образы в ранней лирике Г. Р. Державина. ИЯКФ, VII, 2003, с. 85–88; ее же. Ода Горация II, 9 (*Non semper imbres...*) в зарубежных комментариях XX века и в поэзии Г. Р. Державина (заметки к теме). В кн.: ВКФ. Выпуск XIII. Argumenta classica. Труды молодых ученых, 2003, с. 166–172. См. также: Левицкий А. Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия»). В кн.: XVIII век. Сборник 21. СПб.: Наука, 1999; Николайчук А. С. Отражение горацианско-эпикурейских принципов в лирике Г. Р. Державина. РГД, с. 83–99.

2. Такова наиболее распространенная точка зрения. Пока не опубликованная диссертация М. Я. Паит (Проблемы рецепции од и эподов Горация в России XVIII–нач. XIX вв. (на примере творчества Г. Р. Державина). МГУ, 2004) заставит нас, по-видимому, ее пересмотреть.

3. Соч., ч. III, с. 132. Современные автору нравы отражаются в продолжении: «С хвостом он для того, что крыльями снабден: / А птиц бесхвостых род тобою не найден». Петров заимствует для этого послания знаменитый стих (Коль мышь родит гора тебе же будет стыдно, с. 126), но и, не довольствуясь этим, пишет на эту тему стихотворение *На гору в родах*.

4. Торжество Нижегородской семинарии о вступлении на Всероссийский престол Ея Императорского Величества... Екатерины Алексеевны... по двадесятипятилетнем царствовании Ея Величества произходившее в оной Семинарии июня 30 дня, 1787 года. М., 1787, с. 8. Перевод (с. 9): «День сей... столькож Ея Величества воздвигнул и утвердил вечных трофеев, сколько есть дел Ея громких, прочностию превышающих всякую времени едкость». Из более

вращает в вопрос знаменитый отрывок из *Памятника:* «И в песнях не прейду к другому поколенью, / Или я весь умру?». Как пишет А. А. Веселовский, «конец XVIII-го века и начало XIX-го усмотрело в нем „веселого любомудра", оценило его житейские назидания. „Письма Горациевы заключают в себе превосходные уроки гражданского общежительства"»[1]. *Сафические строфы* А. Н. Радищева представляют собой вариацию на тему 15-го эпода[2]. Обильную дань отдал римскому поэту и В. Капнист, не знавший латинского языка и пользовавшийся в своих переводах подстрочниками[3]. Анонимный переводчик Горация в статье *О лирическом стихотворстве* демонстрирует незаурядную проницательность: «Анакреон, Гораций, Тибул, Катул, охотно соединяли образ смерти с образом утех.

поздней эпохи приведем цитату из статьи Шевырева, который использует Горация для того, чтобы создать памятник Ломоносову и его стихам о бездне звездного неба: «Эти стихи останутся прекрасны и современны, пока будет существовать на земле язык Русской, и они вечны своею поэтическою мыслию, принадлежат всем векам и народам» (МП, ч. III. 1843, № 5, с. 245).

1. Кантемир..., с. 242, со ссылкой: Чтение для вкуса, разума и чувствований, ч. I, Москва, 1791: О лирическом стихотворстве.

2. Впервые на это обратил внимание Ю. М. Лотман в статье: А. Ф. Мерзляков как поэт. В кн.: А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., 1958, с. 43. См. его же: Радищев — поэт-переводчик. В кн.: Русская литература и культура Просвещения. Сс., т. 1. М.: О. Г. И., 2000. Здесь Лотман утверждает, что «наибольший отклик в русской поэзии XVIII—начала XIX в. получила знаменитая „похвала сельской жизни"», т. е. *epod.* 2 (с. 137), приводя в пример стих М. В. Милонова «И в отческих полях работает один» (этому одиночеству, что отмечает и Лотман, параллелей у Горация нет). Для того, чтобы эпод мог оказывать подобное влияние, необходимо, чтобы его постоянно не дочитывали до конца; у топоса самого по себе могло быть множество других источников (вовсе не обязательно римских). А. Н. Радищев в письме гр. А. Р. Воронцову признавался, что он «знает только начало этой прекрасной оды» (ibid.); таким образом в данном случае условие было соблюдено. Или же в этой реплике заключен ироничный ответ на иронию Горация, который не увидел Лотман? Хорошее знакомство Радищева с латинской литературой (вообще не слишком типичное для XVIII столетия в России) делает это предположение более чем вероятным.

3. Веселовский А. А. Капнист и Гораций. В кн.: Известия Отделения русского языка и словесности ИАН, 1910, т. XV, вып. 1. Его оценка такова: «Опущение местного оригиналу колорита, выражающееся в утрате имен и вообще стремлении к обобщению, создавало безместность, бесколоритность... Но несмотря на эти отрицательные стороны переложений, положительные их искупали. Среди утомительного бряцания напыщенных „всерадостных" од, среди звуков свирели нездешних пастушков... прозвучал новый, бодрящий, порой задумчивый (не чувствительный) мотив великого лирика...» (с. 231—232).

Они призывали ее к своим пирам, сажали за стол как гостя, которой не только их не опечаливал, но напоминал им, чтоб пользовались утехами. Особливо Гораций в дватцати местах своих Од находит удовольствие вспоминать неизбежность смерти, и сии порывистые места, останавливающие на одну минуту воображение при идеях сумрачных, израженных поразительными фигурами, и точными и щастливыми метафорами, производят в душе тихое впечатление смущающее без ужаса, распространяют в ней на одно мгновение скорбь задумчивую, которую правда трудно было бы соединить с шумным и волнующимся веселием, но которая весьма хорошо соглашается с тихим спокойствием довольной души и с самыми изъявлениями щастливой любви. <...> Гораций, кажется, соединяет в себе Пиндара и Анакреона; но он к обоим еще прибавляет: он имеет энтузиазм и высокость Пиндарову; не меньше сего богат фигурами и картинами; но его удаления не столь круты, ход не столь неровен, слог имеет больше оттенков и нежности. Пиндар воспевает непрестанно одни предметы и одним тоном; Гораций всякими; все кажется ему сродны, и все у него совершенны. Пусть только возьмет он лиру; пусть восхищен будучи стихотворным духом, пренесется в сонм Богов, или на развалины Трои, на вершину Олимпийских гор, или на одр Гликерии; голос его настроивается всегда сообразно материи его одушевляющей; он величествен на Олимпе, и пленителен возле своей любовницы. Ему не более стоит изразить высокими чертами душу Катонову или Регулову, как и начертать обворожающими красками, или ласки Лицимниины, или кокетства Пиррины. Будучи столь же откровенно роскошен, как Анакреон, столь же верной певец утех, он имеет прелести сего Греческого Лирика, но при том больше остроумия и философии; имеет также воображение Пиндарово, но при том гораздо больше нравственности и мыслей. Естьли обратить внимание на мудрость его идей, на точность его слога, на гармонию его стихов, на многоразличность его предетов; естьли вспомнить, что сей самой человек сочинил сатиры полные тонкости и ума, письма включающие в себя превосходнейшие уроки гражданского общежительства, такими стихами, которые сами собою глубоко начертаваются в памяти, что он написал книгу о стихотворном искусстве, которая есть бессмертное законоположение изящного вкуса: то должно согласиться, что Гораций есть один из лучших умов, какие токмо природа

произвела к отменному своему удовольствию»[1]. И. В. Лопухин в своих *Записках* цитирует *carm.* 4, 7, 17–18 и делает примечание: «Не знаю доживу ли до завтра. Перевод короткий и верный»[2]. А. Ф. Мерзляков, переводчик *Послания к Пизонам*, любит его цитировать — и в своем переводе, и в оригинале — в критических и литературно-теоретических работах; для него Гораций — «истинный законодатель вкуса»[3]; он берет горацианский эпиграф (*carm.* 4, 5, 1–4) для своего стихотворения *Глас народа. Отсутствующему Отцу Отечества* и насыщает это обращение к Александру I реминисценциями[4]:

Где взор твой благостью блеснет одушевленный,
Там день стократ для нас светлей;
Там солнце светит веселей!

Отчетливые горацианские мотивы звучат в *Эпистоле I* П. И. Голенищева-Кутузова *К моей горнице:*

В тебе нет злата и сребра,
Не видно дорогих уборов;
Ни бронзов ярких, ни фарфоров...
Богатстволь, пышность ли надменна
Составят щастье дней моих?
Вельможу вижу я смущенна
В чертогах славных, золотых...[5]

1. Чтение для вкуса, разума и чувствований, ч I. М.: в УТ у В. Окорокова, 1791 года, с. 307–308, 311–313.

2. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина. Лондон: Trübner & Co., Paternoster Row. Репринт М., 1990, с. 208.

3. О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные по их существенным достоинствам. В кн.: Сочинения в прозе и стихах. Труды ОЛРС при ИМУ, М.: в УТ, 1822, ч. II, с. 35.

4. Стихотворения А. Ф. Мерзлякова. Издание ОЛРС при МУ, ч. 1, М., 1867, с. 141. В чтении *О прекрасном* Мерзляков цитирует оду к Барине (2, 8): «Гораций видел красоту сию неизмененною, даже возрастающею в самой жестокости их, в самой ветренности, и даже в самых изменах; — и мы не смеем не верить Горацию, хотя и боимся того». ВЕ, ч. LXVI, № 23–24, с. 223.

5. Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова, Тайного Советника, Императорской Российской Академии и Вольного Экономического общества члена, ч. I. М.: в УТ у Любия, Гария и Попова, 1803, с. 136–137; ср. *carm.* 2, 18. Ср. также *Оду Александру I во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета* (3.04.1801), с. 89: Цари земные и владыки / Не столько были бы велики, /Когда б не пели Музы Их; Петры, Екатерины, Титы, / Без них оста-

И. М. Муравьев-Апостол пишет в *Кратком рассуждении о Горации:* «В нем природа кажется хотела, как будто любуясь творением своим, показать явление самое редкое: совокупление изящности даров между собой противоположнейших — воображения и рассудка»[1]. Г. Городчанинов для стихотворения *На случай молебствия по прочтении Высочайшего Манифеста Ноября 16 дня о войне против Французов* берет эпиграф из *carm.* 1, 1, 5–6 (*Grave ne rediret / saeculum Pyrrae*)[2]. М. В. Милонов (также один из многочисленных переводчиков нашего поэта) в стихотворении *К другу. О наслаждении в жизни* обыгрывает конец первой сатиры[3]:

Кто мог спокойно Парку встретить,
Приход ее не заприметить,
Конца болезненна не ждать;
Но, гостю уподобясь сытну,
Восстать от пиру преизбытну —
И долг хозяину отдать[4].

Товарищ его по Благородному пансиону А. Н. Нахимов завершает длинное стихотворение *К самому себе* горацевой строфой[5]:

лись бы сокрыты / При всех деяниях своих; ср. *carm.* 4, 9, 25 слл. Безусловно, это топос; но его горацианское происхождение более вероятно, чем, напр., феогнидовское.

1. Чтение в Беседе любителей русского слова, книжка II. СПб.: в Медицинской типографии, 1811, с. 17.

2. ВЕ 1807, ч. XXXI, № 4, с. 260–261, о Наполеоне: «Новый Аттила... Пиррин к нам хощет злой век возвратить». В примечании есть ссылка и на описание потопа в *Метаморфозах.*

3. Сатиры..., с. 17.

4. Этот топос особенно труден для анализа. В античной поэзии источником его является Лукреций (3, 960), а не Гораций. В данном случае обращение к Лукрецию можно практически исключить как из общих, так и из текстуальных соображений. Но аналогичное место у Батюшкова (хорошо знавшего Горация) — *Как гость, весельем пресыщенный, / Роскошный оставляет пир...* — как он сам сообщает в записной книжке, восходит к Лантье (Сс, т. 2, с. 11).

5. Соч. Акима Нахимова..., с. 26. Ср. *carm.* 3, 3, 5–8. М. М. Сперанский в своем учебнике «Правила высшего красноречия» пишет о начале этой оды: «Сие место есть одно из драгоценнейших остатков, какие древность нам сохранила. Трудно найти в самых лучших ее произведениях изображение столь смелое, столь высокое; но приметьте, одна черта: nec fulminantis magna manus Iovis, бесконечно его возвышает, и три слова ставят его на самый верх высокого и превосходного» (с. 192). А. Ф. Мерзляков в чтении «О гении» (ВЕ, ч. LXVI,

Хотя бы землю с твердью всею
Грозила бездна поглотить,
Но мужа правого душею
Ни что, ни что не устрашит.

К. Н. Батюшков детально знаком с творчеством нашего поэта; И. А. Пильщиков считает, что неявные реминисценции в переписке заслуживают отдельного исследования[1]. Жуковский в своей статье *О сатире и сатирах Кантемира* дает поэту такую характеристику: «Горациевы сатиры можно назвать сокровищем опытной нравственности, полезной для всякого, во всякое время, во всех обстоятельствах жизни. Характер сего поэта — веселость, чувствительность, приятная и остроумная шутливость. Он живет в свете и смотрит на него глазами философа, знающего истинную цену жизни, привязанного к удовольствиям непорочным и свободе, имеющего проницательный ум, характер откровенный и, наконец, способность *видеть* недостатки людей, не оскорбляться ими, и только находить их забавными»[2]. Он же в письме к А. И. Тургеневу от 7.11.1810 цитирует *epist.* 1, 2, 34–37 с такими словами: «Вот мысль Горация, которая привела меня в восхищение, ибо теперь с отменною живостию чувствую истину, в ней заключенную»[3]. Р. Гонорский пишет небольшую книжку *Дух Горация и Тибулла*[4], где в главе о Горации (*Теория наслаждения по правилам Горация*) есть следующие разделы: *Ускорение наслаждения*, *Горациева любовь*, *Горациева дружба*, а в конце помещает стихотворение *Поэт в окрест-*

№ 21–22, 1812, с. 55) приводит его как пример возвышенного. А. П. Ермолов прилагает в *Записках* (с. 144) к генералу графу П. П. Палену: «Отдаляющаяся армия, вверив ему свое спокойствие, не могла оградить его силами, неприятелю соразмерными, но поколебать мужества его ничто не в состоянии! Я скажу с Горацием: „Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенным“».

1. Литературные цитаты..., с. 211. Длинный отрывок о Горации см. Сс, т. 2, с. 26–27. Ср. с. 41: «Наморщить лоб и взять Ювеналову дубину не так-то трудно. Но шутить с жизнию, как Гораций, — вот истинный камень философии». О влиянии Горация на русскую поэзию конца XVIII–начала XIX вв. см. также С. А. Кибальник. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука, 1990, с. 26 сл.

2. ПСс в 12 тт. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1902. т. 9, с. 103.

3. Ibid., т. 12, с. 94.

4. Харьков: в УТ, 1814, с эпиграфом на титульном листе: «Горациевой рукою водили Грации, моею водит искренность; кто любит Горация, кому нравится Тибулл, тот верно полюбит и меня».

ностях Тиволи (Праху Горация)[1]; главу о Горации включает он и в *Опыты в прозе.* Отрывок *Поэтического искусства* использует в своем стихотворении *О красоте российского языка* (1803 г.) Д. И. Хвостов, излюбленная жертва нападок пишущей молодежи первой четверти XIX столетия[2]:

Гораций — славный Муз любимец и любитель,
Совместник Пиндара, Поэтов просветитель,
Давно прекрасными стихами возвестил,
Что рок здесь всем вещам пределы положил;
Что горы рушатся и понты иссыхают,
Подобно так слова конец себе сретают.
Употребленье, Царь всевластный языков,
Приемлет новые на место старых слов.
И ты, певец, не чти в числе красот великих
Невнятный никому набор речений диких;
Согласно с временем, речь плавну избери,
Как нежны Грации, стихами говори.

1. С. 33 слл.

2. ИС, с. 26. Сам автор дает в примечаниях ссылку на *ars* 60, слл. (с. 81). Возможно, небольшая книжка, на которую мы ссылаемся, является вестником реабилитации поэта, которому дорого обошлась (трудно пока сказать, насколько обоснованная) вражда поэтов пушкинского круга, которую почли своим долгом унаследовать позднейшие поколения. Во всяком случае, этот отрывок не заслуживает дурной славы для своего автора. Кроме того, Д. И. Хвостов пишет стихотворение *Гораций* (Собрание стихотворений, ч. 1, СПб., 1821, с. 216 слл.). В примечании к стихотворению автор называет «известным почитателем Горация» гр. П. В. Завадовского, первого министра просвещения Российской Империи (с. XXXII). (Последний цитирует Горация в одном из своих писем: «Пусть падет хотя бы и небо, оно задавит меня, однакож бесстрашно» — Листовский И., op. cit., с. 84; ср. *carm.* 3, 3, 5–8). Дальнейшие горацианскае реминисценции у Д. И. Хвостова, — напр., в *Стихотворении:* Герои миру драгоценны / Не пойдут в веки отдаленны, / Без громкого вещанья Муз. (ч. I, 1821, с. 98; ср. *carm.* 4, 9, 25 сл.). Ссылки на «Флакка» в литературно-теоретических посланиях многочисленны и здесь сколько-нибудь полно представлены быть не могут. В одном месте у Хвостова слегка звучат критические ноты, которые через полвека станут столь популярны: Но Флакк, учитель сей, поднесь гремящий в мире, / О щастьи часто пел, умеренность хвалил; / Зеленые венцы его сплетаю лире / И сомневаюся, щастлив ли в жизни был: / Сын ложной мудрости, друг неги и разврата / Искал блаженства где? в чертогах Мецената; / Мучителя римлян за кротость прославлял. / А Мевия в сердцах и дерево ругал; / Забыв священного смирения уставы, / Гласил, что памятник себе воздвигнул славы. (*Уединенному певцу,* ч. II, с. 218).

В стихотворении *К моему портрету* Хвостов обыгрывает *Памятник* в державинском переложении[1]:

Семидесяти лет, старик простосердечный,
Я памятник, друзья! воздвигнул прочный, вечный;
Мой памятник, друзья, мой памятник, альбом.

Н. Остолопов так оценивает Горация-сатирика: «Квинтилиан хвалит Горация наиболее за совершенное познание человеческих нравов. И действительно, никто не осмеивает пороков с большею остротою, никто не выхваляет добродетелей с большею тонкостию, как Гораций. В его нравоучении нет ничего принужденного, ничего строгого. Гораций не проповедует истины, но заставляет оную чувствовать; не принуждает наблюдать правила мудрости, но уговаривает любить ее. Не можно обвинять его и в суровости, ибо описывая ошибки, начинает признаваться в своих собственных, и с великою приятностию извиняется в оных; он отвращает скуку, необходимую почти в нравоучительных наставлениях, неистощимым разнообразием оборотов, вводными повествованиями разного рода, разговорами, вымыслами, баснями, изображениями нравов и самым искусным употреблением рода *Драматического.* Сверх сего все почти имена в Сатирах его вымышлены, а ежели и встречаются истинные, то все уже совершенно обесславленные. Словом, Гораций не был ни зол, ни мизантроп: он почитал людей более достойными сожаления или насмешки, нежели ненависти»[2]. В. С. Филимонов, переводивший нашего поэта, так отзывается о своих впечатлениях от его творчества в поэме *Дурацкий колпак* (1828)[3]:

Француз-римлянин, нравом гибкой,
С философической улыбкой,
Хорош для юношей седых.

1. Ibid., с. 12.

2. Словарь.., ч. 3, с. 129–130.

3. Поэмы. Стихотворения..., с. 31, 59. Ср. с. 113–114: «Гораций умный человек: / Он отдал мне свой нрав в наследство». Отметим также перевод, не вошедший в индекс Свиясова: Совет друзьям. Кн. II, Ода X. Горация, переведенная с Латинского Студентом Пансионером Яковом Шимановским. В кн.: Рассуждение... на случай торжественного собрания в Благородном пансионе, учрежденном при Ярославском Демидовском Вышних наук училище, 22-го Декабря 1820 года... М.: в УТ, 1821, с. 41–42.

Я полюбил его ученье,
Как скрылось жизни сновиденье...

а в другом месте —

Мой беззаботный, беспечальный,
Вольтеров друг, *антибайрон*,
О врач уныния, Гораций!

В XIII главе поэмы он уделяет много места легкой горацианской философии; эти же мотивы пронизывают и его лирику. Тонкая оценка Горация принадлежит перу П. А. Вяземского: «Большая часть философических од Горация также на один напев; его философия заключается в одной господствующей мысли, в одном господствующем чувстве, но переливы их разнообразны, разноцветны, и они-то услаждают читателей многих столетий»[1]. В стихотворении *Библиотека* он же пишет[2]:

Гораций, всех веков по духу современник,
Поэт всех возрастов, всех наций соплеменник,
Которому всегда довольны, в смех и грусть
И учатся еще, читая наизусть.
И жизнь исправил ты, и встретил смерть с улыбкой;
Мудрец незыблемый и царедворец гибкий,
Ты льстил не приторно, учил не свысока,
И время на тебе не тронуло венка.

П. Е. Георгиевский дал в вышеупомянутом лекционном курсе такую характеристику поэту: «Гораций хотя и подражал Алцею, но с подражанием умел соединять высочайшее римское образование. Его поэзии многие более удивляются, нежели достойно ценят. Гораций неоспоримо имеет более рассудка, нежели воображения; он жил в такое время, когда высшее лирическое одушевление почти изумерло. И если он что-либо имеет от сей божественной искры, то все сообщено греческими поэтами. Гораций не ограничился ни одним чувством философским, ни одним нравственным, ниже духовным. Но

1. Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен. В кн.: Вяземский П. А. Соч. в 2 тт. М.: Художественная литература, 1982, т. 2, с. 100.

2. Соч. Т. 1, с. 162. Ср. *Д. В. Давыдову*, ibid., с. 78: «соблазнительный мудрец — наставник счастия Гораций».

все сие неприметно у него сливается подобно как у искусного живописца тень со светом. Гораций имел более вкуса, нежели творческой силы, или гения, но его ум столько соединял разнообразных талантов, что заставляет ревновать самих гениев»[1]. П. А. Катенин, соглашаясь с общепринято высокой оценкой, как архаист не может разделить ее вполне: «Я вижу в нем какое-то светское педантство, самодовольное пренебрежение к *грубой* старине и поверхностное понятие о многом, даже о всем известном отце стихов, Гомере»[2]. По свидетельству М. А. Дмитриева[3], Василий Львович Пушкин, дядя великого поэта, «знал и читал наизусть» оды Горация и целые места из Данте. Для племянника его, по мнению А. А. Тахо-Годи, Гораций был одним из самых близких поэтов[4]. О распространенности зна-

1. Георгиевский П. Е. Из лекционного курса поэтики, читанного в Императорском Царскосельском Лицее в 1816/1817 учебном году. По записи А. М. Горчакова. Красный архив, 1 (80). 1937, с. 154.

2. Размышления и разборы..., с. 80.

3. Главы..., с. 131.

4. Жанрово-стилевые типы..., с. 189—190. Там же см. перечень цитат из Горация в пушкинских текстах. О влиянии Горация на творчество Пушкина см.: Покровский М. М. Пушкин и Гораций. Докл. АН СССР, 1930; Якубович Д. П. «Памятник» Пушкина. Литературный Ленинград, 11 ноября 1936; Grégoire H. Horace et Puchkine. В кн.: Les études classiques. Namur, 1937; Суздальский Ю. П. Пушкин и Гораций. Іноземна філологія, Львів, 1966, вып. 9; Алексеев М. И. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы изучения. Л.: Наука, 1967; Смирин В. М. К пушкинскому наброску перевода оды Горация к Меценату (Carm. I, 1). Вестник древней истории. 1969, № 4; Степанов Л. А. Пушкин, Гораций, Ювенал. В кн.: Пушкин: исследования и материалы, т. XIII. Л., 1978; Кибальник С. А. О стихотворении «Из Пиндемонти» (Пушкин и Гораций). Альбрехт М. Г. К стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...». Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982; Albrecht M. von. Horazens Pompeius-Ode (II, 7) und Puškin. В сб.: Res publica litterarum: Studies in the classical tradition. Univ. of Kansas, 1983, V. 6; Albrecht M. von. Antike Elemente in Puškins Sprache und Stil. В кн.: Albrecht M. von. Rom: Spiegel Europas. Heidelberg, 1988; Аринштейн Л. М. Незавершенные стихотворения Пушкина (Текстологические проблемы), 6. Стихотворение «Царей потомок Меценат». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. XIII. Л.: Наука, 1989; Мальчукова Т. Г. О горацианских реминисценциях в стихотворении А. С. Пушкина «Арион». В кн.: Horatiana. Philologia classica. Межвузовский сборник, вып. 4. СПб., 1992; Л. Лейтон Пушкин и Гораций: «Арион». В сб.: Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998, т. 53, № 3, с. 30—38; Мальчукова Т. Г. Пушкин и Гораций: Некоторые итоги и перспективы изучения. В сб.: А. С. Пушкин и мировая культура. Материалы международной научной конференции. М., 1999; Теперик Т. Ф. О пушкинской поэтике перевода на материале стихотворения Горация «На возвращение Помпея Вара». В сб.: Пушкин и мир античности. Материалы чтений в «Доме Лосева» 25—26 мая 1999 г. М.: Диалог МГУ, 1999. См. также две работы: Мальчукова Т. Г.

комства с Горацием свидетельствует и характеристика, данная Н. И. Гречем — человеком образованным, но отнюдь не отличавшимся особой любовью к античности — высокопоставленному чиновнику Д. Н. Блудову: «Блудов, человек добрый и благородный, но *irritabile genus vatum*[1], и чем менее писатель известен, тем более он дорожит собою»[2]. В. К. Кюхельбекер ценит нашего поэта — в противоположность вдохновенному Пиндару — не слишком высоко: он упоминает его среди «остряков прозаической памяти Горация, Буало Попа», называет «прозаическим стихотворителем»[3], а в ответ на возражения оправдывается так: «Он почти никогда не был Поэтом *истинно восторженным*. — А как прикажете называть стихотворца, когда он чужд истинного вдохновения?»[4]. И. И. Дмитриев в сатире *Чужой толк* дает следующую характеристику своему жанровому образцу[5]:

> Гораций, например, восторгом грудь питая,
> Чего желал? О! он — он брал не с высока,

Пушкин и Гораций (некоторые перспективы изучения) и Теперик Т. Ф. Пушкин — переводчик Горация. В кн.: Пушкин и мировая культура. Междунар. научн. конф. Материалы 2–4 февраля 1999 г. М., 1999. Овидиевские реминисценции в Памятнике: Шевченко Л. И. Тема поэтического бессмертия в русской литературе. В кн.: Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ. М.: РоссНОУ, 2005. О горацианских мотивах у Е. А. Баратынского см. APP, с. 24.

1. *Epist.* 2, 2, 102: *genus inritabile vatum.*

2. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990, с. 58.

3. *О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие.* — Путешествие. Дневник. Статьи... 1979, с. 455 и 458.

4. *Разговор с Ф. В. Булгариным.* — Мнемозина, Сс в стихах и прозе, издаваемое Кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, ч. III. М.: в Типографии Московского Императорского Театра, 1824. У Содержателя А. Похорского, с. 162.

5. Н. Карамзин. И. Дмитриев. Избранные стихотворения..., с. 279. О переводах И. И. Дмитриева из Горация см. анонимную рецензию: ВЕ 1806, ч. XXVII, № 9, с. 42–54, особенно с. 53 с тонкой оценкой композиционного искусства Горация: «Лирик обдумал и расположил план Оды; обозрел все стороны своего предмета; видел отношения, самые отдаленные, сблизил их и связал цепью, почти неприметною. В жару чувства и страсти, он отдает себя произволу влекущей силы; но держит в руке тайную нить Ариаднину... Этот страх, это нежное участие в судьбе друга, которым занята душа его, есть главной, так сказать, тон Оды, управляющий всеми изменениями напева». Приведем также «горацианский» пассаж из повести Карамзина *Остров Борнгольм:* «искусный пловец, распуская паруса, летит, и в мыслях своих видит уже блеск золота, кы в другой части мира наградится смелая его предприимчивость. Nil mortalibus arduum est — *нет для смертных невозможного,* думал я с Горацием, теряясь взором в бесконечности Нептунова царства» (Соч., т. 3, СПб., 1848, с. 151–152).

В веках бессмертия, а в Риме лишь венка,
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:
«Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»

Дмитриев не единственный, кто приписывает Горацию возлюбленную Тибулла: так же поступает и Батюшков (для которого Тибулл, по-видимому, был самым близким по духу из античных поэтов[1]) в стихотворении *Элизий*[2]:

Где, любуясь пляской Граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.

Горацию А. Д. Галахов приписывает слова Вергилия (*Aen.* 6, 258), переведя их «Оглашенные изыдите!»[3]. И. Я. Кронеберг в своей *Минерве* дает такую оценку посвящения Меценату в первой оде: «Из всех дедикаций, писанных в древние и новейшие времена, я знаю только две, которые не наводят скуки сухостью и ложною важностью; которые, отвергая притворное самоуничижение и приторное сладкоречие, дышат возвышенным чувством собственного достоинства, и прельщают изяществом и благородством мыслей и чувств, которые не выставлены впереди как прилепленный *hors d'œuvre*, но которые, излившись из глубины души, сами могут и должны быть названы превосходными произведениями искусства. Эти две дедикации писаны — одна Гете в Фаусте... другая Горацием — первой книги первая ода»[4]. А. А. Фет среди наиболее увлекавших его в университете лекций упоминает разъяснения Д. Л. Крюковым красот Горация; под влиянием этих лекций он подает профессору перевод *carm.* 1, 14, который тот читает в присутствии попечителя графа С. Г. Строганова[5]; позднее в стихотво-

1. АР, с. 70 слл.

2. Батюшков К. Н. Соч. в 2 тт. М.: Художественная литература, 1989, т. 1, с. 385. То же самое мы можем видеть у П. А. Вяземского в стихотворении *К Батюшкову* (Соч., т. 1, с. 74).

3. Записки человека..., с. 95.

4. *Шесть од Горация.* — Минерва Ивана Кронеберга, ч. 2. Харьков: в УТ, 1835, с. 213—214.

5. Фет А. А. Воспоминания, т. 3. М.: Издательское объединение «Культура», 1992. Репринт: Ранние годы моей жизни А. Фета. М., 1893, с. 171; 210—211. Тот же профессор внушил любовь к Горацию и великому филологу Ф. И. Буслаеву

рении *Памяти Д. Л. Крюкова* он отразит силу и свежесть своих впечатлений:

Когда светильником пред нашими очами
Ко храму римских муз ты озарял ступень
И чудилося нам невольно, что пред нами
Горация витает тень, —
Впервые тихие и радостные слезы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его неблекнущие розы
И зеленеющий венец.

М. А. Дмитриев пишет на стене своего чердака стихи Горация (*carm.* 2, 6, 13–14)[1]; позднее, переведя сатиры и *Ars poetica*, он говорит: «Перевод мой, когда был впоследствии напечатан, был признан даже неблаговолившими ко мне петербургскими журналами столь верным и близким к подлиннику, как немногие даже немецкие переводы; со всем тем он мало имел успеху, ибо наши русские читатели не доросли еще до Горация и читают больше для забавы, а не для того, чтобы питать душу изящным и благородным»[2]. М. А. Дмитриев ошибся: само общество полагало, что оно переросло Горация, а на самом деле его вкусы развивались в совершенно ином направлении. Перелом можно усмотреть в конце 20-х годов, когда поколение И. А. Гончарова и В. Г. Белинского сидело за студенческими партами. Первый дает в письме А. Н. Пыпину лапидарную характеристику этого процесса: «Те немногие, кто хотел заниматься, конечно, тогда уж старались ознакомиться с тем, чего не знали, а другие прошли мимо, не заботясь о многом. Иное, когда юноши повзрослели — и вкусили, кто Вальтер-Скотта, кто Жорж-Занд и т. п., потом и в горло не пошло. После же Пушкина отослали к черту всякого Гезиода и Горация»[3]. И. И. Панаев в *Литературных воспоминаниях*, рисуя малосимпатичный портрет своего учителя В. И. Кречетова, среди комических черт его облика отмечает и такую: Когда он увидел у меня в первый раз Белинского, Белинский чувствовал себя нездоровым, посматривал

(Мои воспоминания. В кн.: Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989, с. 221).

1. Главы..., с. 461–462.
2. Главы..., с. 501.
3. 10 мая 1874 г. Цит. по: ЛН, т. 56. М., изд. АН СССР, 1950, с. 266.

мрачно и говорил мало... Кречетов затрогивал разные вопросы, на которые Белинский отвечал лаконически и сухо. Желая блеснуть перед Белинским своею ученостию, он цитировал Горация, замечая, что он всего его знает наизусть, рассуждал о романтизме...»[1]. Н. А. Добролюбов в рецензии на этот перевод усматривает в поэте «трусость и безразличность, или, лучше, продажность убеждений, и ласкательство и самолюбие и все, что угодно», пишет, что поэт «вместе со щитом бросил при Филиппах и все свои убеждения», которых он на самом деле и не имел и держался «молчалинской политики»; в стихах Горация господствуют «риторические описания, гнилые сентенции»; он признает за великим поэтом лишь археологическую ценность[2]. Критик «Современника» Дудышкин называет сатиру нашего поэта «фальшивой»[3], и отвечает на приведенную нами реплику Жуковского: «Смотреть на мир глазами такого философа, который удаляется от него, лишь бы ему было покойно, есть величайший недостаток в человеке, призванном к жизни вместе с другими людьми... Такие эгоисты, как Гораций, ничего не говорят от сердца; от сердца они стараются только оправдать себя в глазах общества... Конечно Горацию, как отставному полковнику, кстати было от безделья рассуждать о том, много ли, или мало нужно есть, много ли, или мало нужно человеку богатств... рассуждать тогда, когда в Риме власть Августа не могла сдержать волнений плебеев... Его не оскорбляло и не приводило в негодование то, что губило Рим»[4]. Н. Г. Чернышевского раздражает «умеренный, чинный, добропорядочный» пафос римского поэта, у которого нет «ни разгула, ни страсти»[5]. В том же ключе высказывается dux gregis, Д. И. Писарев: «Спокойные и холодные натуры, подобные Гёте и Горацию, мирятся с тем убеждением, что *жизнь пустая и глупая шутка,* принимают за правило, что надо *жить, пока живется,* устроивают свое существование по рецепту умеренной и светлой эпикурейской мудрости, пишут грациозные

1. Цит. по: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1977, с. 266.

2. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Добролюбова, с. 202 слл.

3. Соч. Кантемира (Полное собрание русских авторов). Изд. Александра Смирдина. Спб., 1847. В кн.: Современник, т. XII. СПб., 1848, с. 14 третьей пагинации.

4. Ibid., с. 18–19.

5. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 176.

оды к Лигурину и к Делии (! — *А. Л.*) или делают свой кейф на пестрых и мягких подушках западно-восточного дивана», противопоставляя им таких «настоящих титанов», как Байрона и Гейне[1]. Впрочем, А. И. Герцен любит Горация и неоднократно цитирует его[2]. Цитата из Горация служит для Тургенева способом характеристики Базарова[3]. Н. Я. Данилевский, человек замечательного ума и эрудиции, вообще не имеющий (как и многие образованные славянофилы) вкуса к римской литературе, строго судя ее эпос и драму за подражательность, для поэзии Горация делает исключение: «В поэзии, там где она была отражением римской жизни, в одах Горация, в элегиях и сатире, римляне расширили ее область»[4]. Данилевский в своем труде несколько раз цитирует *ars* (5 и 139). Иногда к цитатам из нашего поэта прибегает и К. П. Победоносцев[5]. И. Ф. Анненский в статье *А. Н. Майков и педагогическое значение его поэзии* (1898) дает яркую и во многом спорную оценку, которую мы приведем полностью[6]: «В основу поэзии романских народов легла поэтическая деятельность Горация, а Гораций был едва ли не самым искусным из всех поэтов. Кроме того, мы не знаем поэта более влиятельного, я бы сказал более *универсального*. Философ собственного творчества и иллюстратор своих поэтических теорий, он до такой степени воплотил в себе культурно-ассимилирующую силу Рима, что отдельные черты его типа до сих пор живут в поэзии итальянцев и французов независимо от того, к какому направлению принадлежит тот или другой романский лирик: *уважение* к поэтической речи, наклонность к ее стилизированию, искусное пользование размерами и красивая строфичность, умеренность в выражении чувств, изящный эпикуреизм, созерцательное и вдумчиво-насмешливое отношение к жизни, *культ красоты*, чуждый болез-

1. Генрих Гейне. В кн.: Соч. в 4 тт., т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956, с. 221.

2. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 200—201.

3. *Utile dulci* (*ars* 343); М. фон Альбрехт. Античные реминисценции..., с. 7. Ср. также с. 22.

4. Россия и Европа..., с. 96.

5. «Это стремление всех и каждого к участию в правлении не находит себе до сих пор верного исхода и твердых границ, но постоянно расширяется, и про него можно сказать, что сказано древним поэтом про водяную болезнь: „crescit indulgens sibi“» — *carm.* 2, 2, 13. Ст. *Новая демократия* в кн.: Великая ложь нашего времени, с. 59—60.

6. Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979, с. 292—293.

ненной мечтательности, — не та, так другая черта этого поэтического облика блещет в стихах не только Кардуччи и Эредиа, но и у нищего короля богемы — Верлена, даже у его литературных детей, вроде Рембо. У нас влияние Горация было весьма слабо и поверхностно: в блестящий век Екатерины его представлял односторонне Державин. Позже Пушкин, в юную пору своего творчества, тоже не понимал Горация как истинного *артиста поэзии* и смотрел на него сквозь призму Грекура и Парни. На пороге XIX в. русская сатира уже смеется над поэтическим наследием Горация, классицизмом: классицизм теряет у нас таланты и делается достоянием рифмачей, с одной стороны, и пародий — с другой, а в русской литературе надолго устанавливается *недоверие* к французскому классицизму, который мы окрестили и до сих пор зовем *ложным* <...>. Теперь у нас Гораций ведет незатейливое существование среди гимназистов и подстрочников, под эгидой неудачного перевода, который когда-то был сделан с его тонкой работы трудолюбивым и даровитым Фетом». С горацианскими реминисценциями мы сталкиваемся и у символистов. Так, В. И. Иванов в стихотворении *Жарбог*[1] очевидно обыгрывает *carm.* 2, 1, 7–8:

И, жала памяти топча,
Огней под пеплом не избудешь.

По-видимому, и Блок в стихотворении *Авиатор* имеет в виду *carm.* 1, 3, 34:

Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Айседора Дункан пыталась воплотить горацианское стихотворение в танце: «Ее стихия — радость. Для выражения радости она находит тысячи новых движений, трогательных и захватывающих»[2]. А. А. Ахматова, использовавшая *fuga temporum* в названии одного из своих поэтических сборников — *Бег времени* — в стихотворении *Ты, верно, чей-то муж или любовник чей-*

1. Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Новая библиотека поэта. 1995, т. I, с. 318.

2. Волошин М. А. Танец. Айседора Дункан. В кн.: Лики творчества, кн. 3. Театр и сновидение, с. 394. Имеется в виду *carm.* 4, 7.

то... (со слегка измененным эпиграфом из *carm.* 1, 38, 3–4) пишет[1]:

> Пусть все сказал Шекспир, милее мне Гораций:
> Он сладость бытия таинственно[2] постиг...

По-видимому, в позднейшую эпоху Гораций также оставался одним из наиболее читаемых античных поэтов[3].

Элегики[4]. Феофан Прокопович в своем курсе поэтики не называет Тибулла среди элегиков, которым следует подражать, уделяя эту честь лишь Проперцию и Овидию[5]. Вероятно, к началу Tib. 1, 10 восходят стихи М. М. Хераскова в *Плодах наук*[6]:

> Ах! лучшеб нужный сей, но бедственный металл,
> В утробе у земли сокрыт вовек лежал!
> Не проливались бы во бранях крови реки!
> Но средствы к пагубе нашли бы человеки...
> Не станем воображать мы в нем ни зла, ни бед,
> Железо нам дано на пользу, не на вред.

Эпиграф из Проперция (2, 11, 16 с переводом: «Наипространнейшая из ничего родится повесть») берет В. Г. Рубан для своего журнала *Ни то ни сё* (1769 г.). К числу читателей элегического поэта относится и Ф. Козельский: так, в одной из сборника его элегий чувствуется влияние письма Аретузы к Ликоту (4, 3)[7]:

1. Об этом стихотворении (как и вообще о восприятии Горация у А. А. Ахматовой, о перекрещивании горацианских реминисценций с шекспировскими) см. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Вагриус, 1999, с. 149 слл.

2. Мы полагаем, что здесь *таинственно* означает не «непонятным образом», а «как таинство». Но защитить эту мысль рациональными аргументами мы не в состоянии.

3. О влиянии Горация на Иосифа Бродского см. Казанский Н. Н. Подражание отрицанием. («Подражание Горацию» Иосифа Бродского и Hor. *carm.* 1, 14). В сб.: Ars philologiae. Профессору Аскольду Борисовичу Муратову ко дню шестидесятилетия. СПб.: изд. СПбГУ, 1997.

4. Некоторые дополнения и уточнения к указателю Свиясова по русским переводам Проперция см. в прил. к кн.: Секст Проперций. Элегии. М.: ГЛК, 2004 (см. библиографию работ на русском языке).

5. Соч., с. 382.

6. Творения М. Хераскова..., ч. III, с. 15.

7. Сочинения..., II, с. 58; у Козельского элегия также написана от лица женщины.

Они текут из глаз и падают на стих,
Что тщится изъяснить печали дней моих,
И тем слова мои написанны смывают,
И взор мой помрачив, писать свой рок мешают.

Он же в стихотворении пишет[1]:

Когда Энеиды часть издал в свет Марон,
Проперций и себе и Грекам всем в урон
Сказал, не чувствуя завистливой досады:
Родится нечто в свет побольше Илиады.

И. И. Дмитриеву Тибулл достаточно близок[2]. Увлекается творчеством Тибулла М. В. Милонов, переводивший его элегии и написавший стихотворение *Весна Тибулла*[3]:

Ты зрел ли преклоненный вяз,
Лишенный листьев, обозженный,
Которого перун потряс
Ниспав со тверди воспаленной?
Всего лишася, он готов
Чрез миг печально пасть в долине...
Тибулл! потребно ль больше слов
Чтоб о твоей вещать судьбине?

В беглом очерке стихотворных жанров, данном в речи *О драме*, Мерзляков так характеризует элегический жанр: «Страстная, нежная или приятная Элегия является иногда с власами разтерзанными, с видом бледным, с очами слезящими, когда предшествует ей Амур с потухшим пламенником, когда колена ее подгибаются от утомления и страдания, или тихая и кроткая, в легкой небрежно обвивающей стан ее одежде, в хоре подруг, при звуках унылой и сладостной гармонии мечтающая, или пляшущая на лугу зеленом, освещаемом благоприятствующею Цинтиею; или наконец торжествующая с видом веселым, но пристойным, скромная и величественная, катящая в колеснице юного своего друга и бога»[4]. На роль «русского Тибулла»

1. Сочинения..., I, с. 151.
2. АР, с. 35.
3. Сатиры..., с. 30–31.
4. Труды ОЛРС при МУ, М.: в УТ, 1820, ч. XVII, с. 71.

(как и русского Парни) первый претендент — К. Н. Батюшков, для которого римский элегик был одним из любимых поэтов[1]. Одному из его подражаний Тибуллу в свою очередь подражает К. Ф. Рылеев (*К Делии*). Подражание *Проперцию* пишет И. И. Дмитриев на мотивы 2, 27, увеличивая при этом вдвое размер элегии[2]. Эпиграф из Проперция (2, 27, 1–2) генерал А. П. Ермолов взял для одной из частей своих *Записок*[3]. Д. И. Хвостов пишет в примечаниях к своему переводу Буало: «Слог в них (элегиях — А. Л.) чист, стопосложение нежно, а выражение — язык чувства и страсти, хотя укоряют, что в некоторых местах заменял нежность затейливостию ума»[4]. В. Л. Пушкин пишет элегию *Подражание*[5]:

Под миртовым кустом Амур еще дрожит,
Ясмин боится цвесть, и соловей молчит;
Они ждут Цинтии; явись и все блаженно!..
Притворства нет в тебе; все в Цинтии пленяет:
На что уборы ей? Природа украшает.

П. А. Катенин так оценивает римскую элегическую поэзию: «Эротические стихотворения Овидия, также и славных его соперников современных, Проперция и Тибулла, могут быть прекрасны в своем роде, но сей род не без однообразия и скуки. Нравы давно переменились, с ними отчасти и чувства; а чтоб совершенно наслаждаться сими поэтами, надо чувствовать точно как они: не все в состоянии, и я в том числе, взять на себя такую тяжкую обязанность»[6]. В уже упомянутом лекционном курсе Георгиевского поэту из Перуджи дается такая характеристика: «В Проперции способ сочинения и образ чувствования совершенно древние, в нем приметна гениальная смесь торжественного с шуточным. Он веселонравен (muthwillig), остр, даже до епиграмматического, не исчерпаем в счастливых мыслях и оборотах. Проперций обходится с любовию как с игрушкою, однако не теряясь в болтаньи. Он — один

1. Проперциев эпиграф — начало 4, 7 — он берет для стихотворения *Тень друга*.
2. АР, с. 34–35.
3. Записки артиллерии полковника Ермолова..., с. 31.
4. ПС стихотворений, ч. IV, 1822, с. 127.
5. Сочинения, с. 145–145.
6. Размышления и разборы..., с. 80.

из остроумнейших поэтов и труднейших для подражания. От всех эротических поэтов отличается он особенно тем, что воспевал одну токмо свою любовницу... Впрочем, если судить о Кинфии по сделанному ее Проперцием описанию, то она не заслуживала большей верности... Не было любовника столь несчастливого, который бы жаловался так много, как Проперций. И сие-то самое делает сочинения его наиболее привлекательными, поелику описание несчастий возбуждает великое сострадание»[1]. О Тибулле там же говорится следующее: «Его поэзия имеет нечто мечтательное и сантиментальное, чего тщетно б кто стал искать у других поэтов древности. Его мечтательное чувство любви поразительно, все предметы отделаны им с мечтательною (замечательною? — *А. Л.*) тонкостию (délicatesse). Его живейшее чувство к сельской жизни везде обнаруживается. Его наречие дышет удивительною нежностию и приятностию. Словом, у Тибулла только научиться елегии любви. В Тибулле гораздо менее любовного огня, нежели в Проперцие, но зато он нежнее и разборчивее. Слог его чрезмерно легок, вкус чист, сочинение без всяких погрешностей. Он имеет такую приятность в выражениях, которую никакой перевод изобразить не может: его могут понимать только сердца чувствительные»[2]. А. А. Дельвиг использует в своем творчестве мотивы элегий Тибулла и Проперция[3]. Р. Гонорский в уже процитированной книжке *Дух Горация и Тибулла* в главе *Тибулл-мечтатель* пишет: «Тибулл — с сим именем вы конечно представили себе и образ его, окруженный мечтами и воспоминаниями, как божествами воздушными, — Тибулл, когда еще блестящая будущность манила сквозь туманную завесу его пылкое воображение, мечтал и наслаждался... Нежное сердце Тибуллово питало всегдашнюю склонность к безвестной жизни; предки и богатство заставляли его казаться рассеянным; он

1. Георгиевский П. Е, с. 158–159.

2. Ibid, с. 160.

3. *К Диону* — Prop. 3, 5, 11–18; 2, 11, 3–4; *Хата* — Tibull. 1, 2: мотив параклаузитюрона; Prop. 2, 23, 12; *Тихая жизнь* — Tibull. 1, 1, 5–6; *Евгению* — Tibull. 1, 2, 15–16; см. Ю. Верховский. Из коментариев к стихотворениям Барона Дельвига. В кн.: Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные, собранные Ю. Верховским. Петербург (sic!), 1922, с. 61 слл. Там же перечислены горацианские реминисценции. О Баратынском см. И. А. Пильщиков. Из истории русской тибуллианы («Сельская Элегия» Баратынского). В кн.: Colloquia Classica et Indogermanica. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб.: Наука, 2002, с. 477–494.

лишился всего, погрустил не много — вечная тоска и на минуту не возвратит не возвратимого — погрустил и скрывшись в укромной приют свой начал давать уроки любви»[1]. В *Опытах в прозе* он дает такую характеристику поэту: «Тибулл постиг и совершенно выразил сущность Элегии. Он умел навести умный беспорядок столь естественный в сем роде сочинений: подумаешь, что его Элегии суть единственно плод его чувства; по видимому в них нет ничего обдуманного, связанного; в них не видно ни искусства, ни предварительных упражнений. Он хотел представить самую страсть; и изобразил ее, живописуя ее движения и действия чертами близкими к природе: он желает, боится, порицает, одобряет, отвращается, любит, сердится, мирится; в одну минуту переходит от мольбы к угрозам, от угроз к мольбам. В его элегиях ничто не показывает вымысла: ни надутые выражения столько ей противные и необходимо предполагающие принужденность, ни ученые намекания отнимающие доверенность у Поэта... Он нежен, естествен, разборчив, страстен, благороден; горд без напыщенности, прост без низости, красив без искусственности.»[2]. Проперция он оценивает так: «Проперций точен, остроумен, учен, и по справедливости может именоваться Римским Каллимахом; он заслуживает сие название по оборотам своих выражений, кои заимствовал он обыкновенно у Греков. Его элегии суть произведение самих Граций; и тот не любит ничего изящного, кто нечувствует красоты их. Его искусство, его отделка, его знание мифологии несравненны; иногда можно сделать ему и упрек; но картины его почти всегда нравятся. Заснет ли тихим сном Цинтия? Такова была дочь Миноса, когда она оставленная вероломным любовником заснула на берегу моря... Наконец все выражаемое им сообразно с истинною; а гармоническое сопосложение очаровывает в высшей степени»[3]. Н. Остолопов в статье своего *Словаря*, посвященной элегии, пишет: «искусство нужно в ней для соделания в мыслях некоторого беспорядка, столь сообразного с натурою, и одним только славным писателям известного. Тибулл в этом превосходен; его Елегии исполнены замысловатых отступлений...»[4]. А. А. Фет признается, что переболел Тибуллом, и полагает, что в его форме «так мало

1. С. 26–27.
2. С. 46–47.
3. С. 48–49.
4. Ч. 1, с. 363.

искусственности и так много искусства»[1]. Он же в предисловии к сборнику своих переводов элегий Проперция пишет: «Признаком творческой жизненности произведений Проперция служит неисчерпаемое богатство мотивов, которыми он наполнил столь тесный, по-видимому, круг любовных стихотворений, так что постоянно изумляет нас неиссякаемым ключом поэтического богатства. Не умом придуманы эти мотивы, а возникли из живого созерцания, как это видно из того, что все они уместны, личны, непосредственны и до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываем руками выпуклые предметы. Наконец, все это изумительное богатство образов вырезано таким острым резцом на твердом граните римской речи и в то же время выглажено в такие мягкие очертания, что вся его индивидуальность с полной ясностью сохранилась в течение тысячелетий»[2]. Работать с элегиками ему помогал не кто иной, как один из крупнейших философов второй половины столетия Н. Н. Страхов[3]. Интересна и реплика, брошенная вскользь в мемуарах: «Того тайного смятения, того неопределенного подъема и стремления к неведомому, которым полны корифеи христианского мира, начиная с Шекспира и Байрона и самого Гете и кончая Гейне и Лермонтовым, — у древних не существовало, и надо быть на этот счет весьма чувствительным, чтобы почувствовать зародыш этого веяния (романтизма) у Проперция»[4]. В. И. Модестов, несомненно, преувеличивая, полагает относительно Тибулла: «Достойно всякого удивления, что такой роскошный поэт, блистающий, при истинности и поразительной свежести чувства, всею прелестью поэтического языка, образного, выразительного, живого, до самого последнего времени нисколько не был усвоен нашей литературе. Это одно из прискорбных доказательств того, в каких ненормальных условиях воспитывается наша литература, не хотящая знать великих образцов, оставленных нам классическою древностью, и добровольно себя обессиливающая»; Проперция он ценит ниже: «Природа одарила Проперция сильным художническим талантом, который везде умеет

1. Элегии Тибулла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886, с. V, VII.

2. Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб., 1888, с. 9–10.

3. А. А. Фет. Воспоминания, т. 2. М.: Издательское объединение «Культура», 1992. Репринтное воспр.: Мои воспоминания 1848–1889. А. Фета. М., 1890, с. 392.

4. Ibid., с. 388.

справляться с материалом, не входя в излишество и обладая сдержанностью даже в минуты страсти. Но, следуя своим образцам, щеголявшим мифологией и искусственной формой, он легко уклоняется от простоты и естественности тона...»[1]. Друг А. А. Фета и помощник его в переводах Ф. Е. Корш считает, что дарование Тибулла «было не из первостепенных», и своим положением поэт обязан не ему, а «равновесием своей духовной природы, наложившим на его произведения печать изящного спокойствия»; Проперций же, по его мнению, выше своим дарованием: «Если что помешало Проперцию занять бесспорно первое место среди римских элегиков, так это недостаток в том, за что Квинтилиан предпочитал Тибулла: Проперций или не считал нужным или не умел доводить внешнюю форму до возможного совершенства и как в языке, так и в содержании иногда грешил против условий единства впечатления. Не будучи чужд напыщенности, он не замечал однако того, что у него среди реторически запутанного, вычурного оборота прорываются простонародные выражения; отличаясь чисто южной страстностью, тем не менее, он резко переходит от самых горячих излияний любви или негодования к примерам из мифологии, иногда озадачивающим даже сведущего читателя незнакомыми именами и предметами»[2]. Д. С. Мережковский в романе *Юлиан Отступник* выбирает именно этого, по словам А. Шенье, «скорее греческого, чем римского поэта» для иллюстрации вкуса своих декадентствующих героев, гутирующих звуковой рисунок поэзии: «Вот два стиха Проперция, — сказал Гаргалиан, — вы увидите, что значат звуки в поэзии и как ничтожен смысл. Слушайте... За эти звуки я отдал бы добродетель Ювенала, мудрость Лукреция»[3]. Стихотворение Мандельштама *Я изучил науку расставанья* перекликается с Тибуллом и его переводчиком Батюшковым[4]. Трогательные слова Tib. 1, 1, 59–60 один из героев Бориса Зайцева произносит перед смертью[5].

Овидий. Наряду с Горацием — наиболее влиятельная фигура

1. Op. cit., с. 454; 476.

2. Римская элегия и романтизм. М., 1899, с. 56–57.

3. Сс, т. I, 105–106 (3, 3, 31–32); цитирует также 3, 14, 1 слл. с. 97–98.

4. Ошеров С. А. «Tristia» Мандельштама и античная культура. В кн.: Мандельштам и античность. М., 1995, с. 194–195.

5. Айхенвальд Ю. И. Борис Зайцев. Наброски. В кн.: Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994, с. 438.

в русской поэзии. Весьма рано — едва ли не раньше, чем собственно литературные достоинства, — было оценено его значение для изобразительных искусств: среди рукописей Ростовского музея церковных древностей имелись «Предивного римского стихотворца Публия Овидия Назона Метаморфозеон, или пятнадесять книг превращения, а чрез славнаго Вилгелма Бауера на меди вырезана, ныне же ради лутчего разумения сия книга с латинского на немецкой переведена к пользе всех малеров, рещиков, золотых мастеров и статуй делателей...»[1]. Феофан Прокопович пишет о нем так: «Овидий, по дарованию равный Марону, но уступающий ему в смысле вкуса»[2]. Он приводит в курсе поэтики бесчисленные примеры из Овидия и пишет пародию на *trist.* 1, 3: *Elegia in qua divus Alexius spontanei sui exsilii seriem narrat* (3—4)[3]:

Cum recolo noctem, qua tot mihi vincula rupi,
Nunc quoque plena meo gaudia corde fluunt.

Овидия использует в сатирах А. Д. Кантемир. «Русским Овидием» почитали еще Тредьяковского: «Никогдаб, поистинне, сие на меня искушение не могло притьти, чтоб издать в народ оныя две Элегии, ежелиб некоторые мои приятели не нашли в них, не знаю какова, духа Овидиевых Элегий. Сия их ласкательная и излишняя ко мне милость, даром что меня, по нескольку во всех нас с природы пребывающему самолюбию, на сие одобрила, токмо будучи сведом о подлом разуме, малом искусстве, и слабых моих силах в Стихотворстве, сам признаюсь, что еще больше я отстою от красоты слога, тонкости мыслей, и способно текущего Стиха Овидиева, нежели сам Овидий отстоит от меня древностию времени, в которое он свои Элегии писал»[4] и цитирует те места из Овидия, где речь идет о

1. Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и проч., в особенности из первой половины XVIII века. В кн.: Сборник ОЛРС на 1891 год. М., 1891, с. 242.

2. Соч., с. 427. *Ovidius etiam ingenio par, judicio Maroni concendens,* p. 309.

3. Подробнее см. Грузинський О. «Elegia Alexii» Теофана Прокоповича. В кн.: Записки українського наукового товариства у Києві. 1909, № 4; Либуркин Д. Л., с. 63 слл.

4. Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний. В кн.: Сборник материалов для истории ИАН в XVIII веке. Изд. А. Куник. СПб., 1865, ч. I, с. 49.

божественном вдохновении поэтов[1]. Ломоносов в *Демофонте*, чей сюжет почерпнут из *Героид*[2], использует знаменитую реплику Медеи из *Метаморфоз* (7, 20—21), вкладывая ее в уста главного героя (II, 8):

Я вижу лучшее и, видя, похваляю,
Но худшему вослед, о небо, поспешаю!

В 60-х годах столетия в поэзии входит в моду жанр превращений. Так, И. Ф. Богданович пишет *Превращение пастуха в реку и происхождение болота*, *Превращение Купидона в бабочку*, а М. М. Херасков — *Превращение Милона в розу*, *Превращение Целандра в карманные часы*, и др. Молодые князья Куракины, оказавшись в Лейденском университете в 1770 году, чувствуют непреодолимое отвращение к наукам; тем не менее, занимаясь новыми языками, танцами, фехтованием и игрой на скрипке, они изучают латинский язык и читают только *Метаморфозы:* было бы стыдно, прогуливаясь с дамой в картинной галерее, отговориться незнанием в ответ на вопрос о сюжете тех или иных картин[3]. В. Рубан знакомит читателя в предисловии к *Ироидам* не только с биографией, но и с внешностью поэта: «Овидий был ростом статен, телом не толст, но ровен, лице имел приятное, нос продолговатый, шею длинную, волосы темнорусые, глаза веселые, голос нежный, но мужественный, разум проницательный и память острую; в обхождении был вежлив и ласков, особливо с женским полом, походку имел благородную и от горячих напитков крайнюю наблюдал воздержность, так, что вина одного без воды никогда не пил... О сочинениях и делах Овидиевых премногие писатели с достойною похвалою упоминают: лучшие из сочинений его по достоинству почитаются *превращения*, (Metamorphoses) как чистотою слога, высокостию мыслей, так и соблюдением порядка, от начала мира,

1. Мнение о начале поэзии и стихов вообще. Соч., т. 1., СПб., 1849, с. 186—7.

2. В. И. Резанов. Трагедии Ломоносова. В кн.: 1711—1911. Ломоносовский сборник. Изд. ИАН. СПб., 1911, с. 252—253 (по-видимому, с дополнением *fab.* 109 Гигина). В разработке же пьесы В. И. Резанов, впрочем, считает более сильным влияние Расина. Ср. использование *mel.* 2, 260—261 в уже приведенной выше оде 1747 года: Плутон в расселинах мятется... / От блеску дневнаго светила / Он мрачный отвращает взор.

3. См. Haumant Émile. La culture française en Russie (1700—1900). Paris, ^{2}1913, p. 98, со ссылкой на Архив Куракиных, VIII, с. 82.

даже до его времени, им наблюдаемого... И хотя и упоминает Овидий о сем сочинении, что оно несовершенно, не совсем исправлено, и против воли его, от некоторых друзей его выдано в свет; но совсем тем, великость Овидиева духа и неподражаемую приятность и красоту слога показывает». *Ироиды* его «красоты и приятства преисполненны»[1]. Ф. Козельский берет для своего стихотворения *Младенец, лишенный матери* эпиграфом *met.* 9, 375–377[2] и включает в него краткий рассказ о Дриопе:

Нещастная в слезах Дриопа при кончине,
Забыв свои беды, молила лишь о сыне:
Из ветвей матерних нещастного принять,
Питомству нежных рук доилицы предать;
Чтоб часто пил млеко под ветвию своею,
И чтоб играл при том не редко он под нею.

Довольно активно к овидиевским образам прибегает М. М. Херасков в своей *Россиаде*. В поэме *Пилигримы, или Искатели щастия* он часто отсылает читателя к *Превращениям*, снабжая своими реминисценции подстрочными примечаниями, напр.[3]:

О! коль волшебные чудесны времена!
Случалась скорая вещам тогда мена:
Кто был Царем или Царицей,
Тот вдруг преображался птицей. —
Минервина рука
Тщеславие разила;

1. Две Ироиды, или два письма Древних Ироинь, сочиненные Публием Овидием Насоном, с приобщением Авторовой жизни, содержаний и нужнейших на каждое письмо изъяснений. Перевел с Латинского на Российский язык Василий Рубан. СПб.: при ИАН, 1774, с. [5–9].

2. Сочинения, I, с. 122; 128.

3. Творения, вновь исправленные и дополненные. Т. III. М.: В УТ, у Ридигера и Клаудия, 1797, с. 167. Ср. 177 (Ликаон), 210 («Фелина, разогнать задумчивость и скуку, / Взяла Назонову читать любви науку»), 211 (Прогна и Филомела), 219 (Эндимион), 221 (Медея – тут могли быть и другие источники, но ссылка на Овидия), 277 (Сивилла, испросившая возраст по количеству песчинок, но забывшая о молодости), 278–279 (Филемон, Бавкида и Эхо) и 313 (снова Филемон и Бавкида, которые «добродетельнейшие были супруги»). См. также с. 202 («Энеево и Дидонино приключение всем читателям известно»), 242 (Сирены со ссылкой на *Одиссею* и Гарпии – на *Энеиду*), 249 (Протей в *Георгиках*), ссылка на Апулея – с. 169.

Арахну в паука
Она преобразила;
Из Нимфы сделалась Аретузы река;
И сам Зевес прекрасну Флору
В цветок преобразил, Царя Атласа в гору;
А для Европы он запрятался в быка.

Посвящая ему свой перевод *Tristia*, И. Е. Срезневский (отец знаменитого филолога-слависта) сопровождает его замечательным посвящением. Как и П. Н. Черняев, который высказывает предположение, что Пушкин мог в своих увлечениях Овидием быть многим обязан этому переводу, мы не можем отказать себе в удовольствии привести его полностью[1]:

Се слезы нежного Назона!
Которых гордый Август с трона
Принять — и слушать не хотел; —
Отверг — оставил — и презрел! —
Оставил — славного Поэта —
Нещастну кончить жизнь край света;
(Почто тогда пространный свет
Во дни Назоновой судьбины
Не мог иметь — Екатерины?
Сих слез не пролил бы Поэт!)

Се слезы нежного Назона!
Отверженны без прав закона,
Херасков! льются пред тобой!
Прими хоть ты под кров их свой! —
Прими Назонов глас плачевный
Не так, как принял Август гневный!
Прими! — и томный вздох по нем
Из груди нежной испущая,
Его вину ему прощая,
Блудящу тень утеши тем! —

Конечно! — тень его с Дуная —
От стран несносных отлетая,

1. Плач Публия Овидия Назона..., с. 5–6. См. также: Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества... ФЗ, вып. 1–2, 1905, с. 199–200.

Направила сюда полет. —
Сих стран блаженней не найдет!
Она — довольно разумеет,
Кто ныне Россами владеет...
И в век отсель не отлетит. —
Колико будет ей отрады,
Когда — преславной Россияды
Творец — слезой ее почтит! —

Изгнанцом слезы пролиянны —
Стихом Российским начертанны,
Хоть нежны столь не могут быть,
С Поэтом Римским чтоб сравнить:
Но слабости творца младова —
Некрасный слог Российска слова
Твой дух великий заменит. —
Прими!.. Твое благоволенье —
Твое едино одобренье —
Дух творческий во мне родит.

Многих персонажей *Метаморфоз* упоминает в своей *Душеньке* И. Ф. Богданович[1], дающий поэту проницательную характеристику:

Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз приятель...

Балладу о могиле Овидия пишет и С. Бобров, ассоциируя Томы с Темешваром[2]:

Прости, дух милый, дух блаженный!
Росс чтит твой прах, твои стихи;
Твои все слезы награжденны;
Ты будешь выше всех стихий. —

1. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., Советский писатель, 1957, с. 47–49.

2. Баллада. Могила Овидия, славного любимца Муз. В кн.: Брановосные и миролюбивые гении России, или Герои Севера в лаврах и пальмах. Часть вторая рассвета полночи. Соч. Семена Боброва. СПб.: в типографии Ив. Глазунова, 1804, с. 135.

Судьба! ужьли песок в пустыне
Меня засыплет также ныне? —

А. Н. Радищев в *Бове* пишет[1]:

Со Днепра пойдем к Дунаю;
На могиле древней мшистой
Мы несчастного Назона
Слезу жаркую изроним.

Он же использует мотивы *Метаморфоз* для описания амфитеатра[2]:

Везде видно сребро, злато
И каменья дорогие;
Хитрость зодчества, ваянье
Превышала тут богатство...

В эпистоле Михаила Гумилевского московскому архиепископу Платону (Левшину) автобиографическая тематика толкуется в духе Овидия и его выражениями[3]:

Est mihi Vladimirus patria vrbs celeberrima quondam,
Hocque sibi cognomen ab exstructore recepit,
Quae stadiis nonies viginti distat ab vrbe.
Si quo ad est proauos, non clara stirpe creatus.
Mox pater instituit puerum legisse libellos.

Интересна характеристика М. Н. Муравьева: «Овидий, сей чрезвычайной любитель своего разума, не мог наслаждаться сокровищами оного, как только их расточая. Остроумие его повсюду новые цветы рассыпает и по своенравию резвого его воображения кажется, что и слог его льется»[4]. И. А. Кры-

1. ИС, с. 310–311.
2. ИС, с. 321. Ср. *met.* 2, 1 слл. (особенно 5).
3. Epistola Eminentissimo Domino Platoni Archiepiscopo Mosquensi et Calugensi atque Lavrae Sanctae Trinitatis Sanctique Sergii Archimandritae, eidemque Sanctissimae Synodi Rossicae Membro Dignissimo, nec non Academiae Slavenо-Graeco-Latinae Mosquensis Directori ac Protectori liberalissimo devotissimo oblata a philosophiae studioso Michaele Hvmilevsky. Anno 1777. mense Ianuario. Typis Vniuersitatis Caesareae Mosquensis, p. 3.
4. Рассуждение о различии слогов, с. 9.

лов в 1793 году пишет на овидиевский сюжет трагедию *Филомела*[1]. В 1791 г. по ясскому договору к России среди прочего отходит укрепление Хаджи-дере, которое в 1793 г. по воле Екатерины II переименовывают в Овидиополь (предполагали, что на этом месте располагались Томы, что впоследствии не подтвердилось)[2]. Н. Осипов пишет книгу легких стихотворений под заглавием *Овидиевы любовные творения, переработанные в Энеевском вкусе Николаем Осиповым 1798 года*[3], в предисловии к кото-

1. Российский феатр. 1793, ч. 39, с. 197–286. Переизд. см. в кн.: Крылов И. А. ПС драматических сочинений. СПб.: Гиперион, 2001. Серия «Российская драматическая библиотека». Комментатор Л. Н. Киселева считает, что «можно утверждать определенно», будто Крылов пользовался переводом В. И. Майкова (Овидиевых превращений книга шестая. Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. М., 1779, ч. 3, с. 122–138). Мы же полагаем это не столь определенным, особенно учитывая разницу в написании имени одного из главных героев – Терей у Крылова и Тирей у Майкова, а также такое имя отсутствующего у Овидия персонажа, как Линсей. Французский промежуточный источник здесь вполне возможен.

2. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза–И. А. Ефрона (т. XXI а, СПб., 1897, с. 664) сообщаются следующие сведения о нем: «заштатный гор. Одесского у., Херсонской губ., при рч. Барабое и Днестровском лимане. Прав. церковь, еврейский молитв. дом, 2 нач. гор. учил., церк.-прих. школа. Врач, фельдшер и акушерка». Ср. В. В. Измайлов. Путешествие в полуденную Россию, в 1799 году, в письмах, с. 368–375: «Степи покрывали место Овидиополя. Победительница Оттоманов повелела заложить крепость и город на берегу Днестра, которой служит границею между Россиею и Турциею. Начинают копать, опускают заступ глубже и глубже – и вдруг он отскакивает от сопротивления какого-то твердого тела; заглядывают во внутренность окопа, и находят поясной образ женщины, изваянной из камня. Инженер, которой к счастию и славе наук имел не одни познания Инженера, не пренебрег сим открытием и доставил его к Государыне. Сего довольно было, чтобы возбудить подозрение и догадки любопытной Монархини, Которая знала, что Овидий жил в Томах (думают, что это тот самый городок, которой известен ныне в Бессарабии под названием *Килиянова*), недалеко от Днестра, и хотела почтить память великого Песнопевца. Она предложила бюст на суд Лондонского Общества, и сие Общество признало его за изображение Юлии, Августовой дочери, может быть по одним вероятностям, может быть для удовольствия Государыни. Как бы то ни было, она воспользовалась сим случаем, чтобы назвать город Овидиополем. Вот его происхождение! И так по крайней мере сядем на берегу Днестра и посвятим минуты сего прекрасного вечера памяти Овидия... Мне кажется, будто я слышу в тишине ночной, как эхо разносит печальные песни Поэта, как оно рассказывает вселенной о жребии сего именитого несчастливца, как оно даже льется в шуме Эвксинских волн, которые затвердили конечно историю его злополучий... Счастливые дарования, живое воображение и нежное сердце суть такие сокровища, которых никто похитить не может у человека».

3. В Санктпетербурге с дозволения указного напечатаны в типографии Шнора 1803 года.

рой пишет: «Любезные согражданки! Где я по свету ни шатался, везде находил въявь следы покойного Овидия. Хотя и нет во мне веры к Пифагоровскому учению о переселении душ: но должен согласиться на оное и по неволе. Попадается он всегда и по всюду: в шляпах, шапках, кокошниках, треухах, подкапках, зипунах, серяках, модных богатых подкапках, рясах, самарах, телогреях, растрепою, щеголем, по садам, в рощах, в городах, в деревнях, на великолепных раззолоченных софах, на войлоке и на соломе... Не пугайтеся нимало посещению г. Овидия... вы согласитеся со мною беспрекословно, что гораздо лучше любить по Овидиевски, нежели по правилам любовных романов...». Наряду с Вергилием только Овидия включает в свой избранный перечень Карамзин:

> Овидий воспевал начало всех вещей,
> Златый блаженный век, серебряный и медный,
> Железный наконец, несчастный, страшный век,
> Когда гиганты, род надменный и безумный,
> Собрав громады гор, хотели вознестись
> К престолу божества; но тот, кто миром правит,
> Погреб их в сих горах.

Описание дворца Гипноса в Киммерии (*met.* 11, 597 слл.) было использовано К. Н. Батюшковым в его прозаическом опыте *Похвальное слово сну:* «Перед окнами большие плакущие ивы, березы и цветники, засеянные китайским маком. <...> Ни крик петухов, ни стук топора, ни топот, ни конское ржание — ничто не нарушает глубокого молчания. Кроме ручья, журчащего под навесом берега, кроме озера, которое ласкает тихим плесканием пологие берега свои, вы ничего не слышите...»[1]. Овидиевский эпиграф из *trist.* 1, 1, 3 он взял для своего стихотворного сборника. Характеристика А. Ф. Мерзлякова такова: «Кроме одной элегии Проперция, древность оставила нам превосходные образцы в двадцати одной Героиде Овидия, которого можно почесть изобретателем сего рода стихотворства, ежели он только не заимствовал формы сей от не дошедших до нас

1. Соч. в 2 тт., т. 1, с. 114—115. Ср. также с. 116. Пересказ истории о превращении ликийцев в лягушек — т. 2, с. 8. А. Ф. Мерзляков цитирует без указания источника одну из прекраснейших реплик Овидия (*fast.* 6, 5) о вдохновении: «Бог, Бог обитает в нас! Его действием воспламеняемся» — ВЕ ч. LXVI, № 21—22, с 81.

Греческих элегиков. Великая плодовитость сего Римского стихотворца ощутительна в сих сочинениях, и кажется, более, нежели сколько требует их характер. По сей причине, при всех блистательных своих красотах, слог посланий его не имеет довольной точности в чувствах и выражении страстей; он удален от простой природы, свойственной сему роду, и слишком много открывает остроумного Поэта, которой лица свои говорить заставляет»[1]. Овидиевские реминисценции есть у Д. И. Хвостова[2]:

Тряхнув на голове змеями,
От трупа зависть прочь бежит,
Живых людей между толпами
Добычу повстречать спешит.

В. Л. Пушкин в послании *К Дашкову* (1811 г.) цитирует знаменитое место из ars — 3, 121 слл.[3]:

Так сын отечества науками гордится,
Во мраке утопать невежества стыдится,
Не проповедует расколов никаких
И в старине для нас не видит дней благих.
Хвалу я воздаю счастливейшей судьбине,
О мой любезный друг, что я родился ныне! —

Катенин в *Идиллии* заимствует картину после потопа (135 слл.; ср. *met.* 1, 435 слл.):

Гноем трупов и тиной морской земля заразилась,
Всюду из недр ее рождались вредные гады:
Пруги, скорпии, жабы и ростом огромные змеи.

1. Краткое начертание..., с. 256–257. Ср. характеристику в сборнике: Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова, ч II. М.: в УТ, 1826, с. 291 — к переводу *am.* 1, 2, 16 поэт делает примечание: «Обыкновенные излишества Овидия! — Я не хотел опустить их, дабы показать характер Писателя».

2. ПС стихотворений, ч. I, с. 114 (*Смерть Суворова*); ср. *am.* 1, 15. В другом месте он цитирует: Пускай от древних лет затейливый певец, / Любовных горестей Овидий образец, / Относит, не любя ни денег, ни кинжалов, / Нещастие людей к открытию металлов... (ч. II, с. 230).

3. Василий Пушкин. Стихи. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1989, с. 140. Возможный посредник — Le Mondain Вольтера.

Тут рожден и Пифон, чудовище страшное, смрадный
Дышущий ядом змий: в семнадцать локтей он длиною.

Оценка же его такова: «Эпопея же, но совсем в особом роде, славная поэма Овидиева „Превращения". Единства в ней нет, и повести следуют одна за другой с такою же связью, как в „Тысяче и одной ночи", картин же и описаний такое богатство, что от него глаза разбегаются... Но я, признаюсь, не могу вполне быть доволен Овидием: в его руках священная мифология утратила свое таинственное значение, важность и правду, обратилась она в какую-то оперную декорацию; и, отдавая всю справедливость блеску творения, жалеем о недостатке основательности и глубины»[1]. Мотивы истории о Кеике и Алкионе (*met.* 11, 410—748) он же использует в стихотворении *Ахилл и Омир* (236 слл.; ср. *met.* 11, 492 слл.) и в кантате *Сафо* (ср. *met.* 11, 745 слл.); перевод этого отрывка на русский язык В. А. Жуковским является одним из решающих аргументов в пользу гекзаметра в русской поэзии[2]. Физик И. Двигубский берёт слегка искаженные слова о дыме отечества (*Pont.* 1, 3, 34—36) в качестве эпиграфа для книги *Изображения и описания животных Российской Империи*[3]. Юный А. С. Пушкин выслушивал от своих лицейских наставников о несчастной жертве Августа следующие соображения: «Овидий, занимая место после Вергилия, Горация и Тибулла, сими образцами совершенства, знаменовал первую степень падения словесности у римлян, потому что не имел довольно строгого вкуса и недовольно обработывал свои сочинения. Со стороны нравственности Овидий в своих сочинениях, как некто из французских поэтов сказал: „alarme un peu l'innocence"[4]. Впрочем любители отвлеченностей, блуждая по роскошному лабиринту „Превращений", не скажут ли: бессмертен Овидий! Из любви к нежной его музе переносимся мыслию в Томы, находим его гробницу и вспоминаем, как наказание несоразмерно с преступлением. Будучи убеждены в его невинности и чувствуя всю тяжесть несчастия, не можем не уронить над ним слезы и не произнести

1. Размышления и разборы..., с. 79—80.

2. Об этом переводе см.: Литинская Е. П. Латинская эпическая поэзия в оценке В. А. Жуковского. РГД, с. 107—115.

3. Издаваемые Иваном Двигубским. М.: в УТ, 1817.

4. Слегка задевает невинность.

над прахом его в последний раз тех слов, кои оставил он нам для своего воспоминания. „Nasonis molliter ossa cubent" (*trist.* 3, 3, 76 — *А. Л.*) — покойся милый прах Назона! И сей жертвы довольно будет для истлевших костей бессмертного Овидия»[1]. Вероятно, Пушкина не смутил ущерб, нанесенный римским поэтом innocence, поскольку тот стал одним из его самых верных спутников[2]. Р. Гонорский в *Опытах* пишет: «Овидий легок, приятен, обилен, остроумен; он обольщает, изумляет своею несравненною легкостию. Он рассыпает цветы полными руками; но он умеет чертить изображения только страстные; искусственные украшения и замысловатость предпочитает языку природы, не заботится о чувстве и любит блеснуть только мыслию. Всегда является он более остроумным, нежели страстным; шутит даже и тогда, как изображает предметы самые важные. Тщетно представляет он себя погибающим от бури на корабле несущем его к месту изгнания; он щитает волны нагло стремящиеся одна за другою, и с хладнокровием десятую называет самою большою. С таким пиитическим слогом он ничуть не убеждает меня в свою пользу; я не разделяю с ним

1. Георгиевский П. Е, с. 160.

2. О влиянии Овидия на творчество Пушкина см.: Малеин А. И. Пушкин и Овидий. В сб.: Пушкин и его современники, вып. 32—24. Пг., 1916; Якубович Д. П. К стихотворению «Таится пещера» (Пушкин и Овидий). Пушкинский сборник памяти Венгерова. Пушкинист, вып. IV. М.—Пг., 1922; Вулих Н. В. Образ Овидия в творчестве Пушкина. — Временник Пушкинской комиссии 1972 года, Л., 1974; Овидий — человек и поэт в интерпретации Пушкина. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. XV. СПб., 1995; M. de Albrecht. De recentioris aetatis poetis Torquato Tasso, Volfgango Goethe, Alexandro Puškin *Artis amatoriae* Ovidianae imitatoribus atque censoribus. Vox Latina, VL, 17, 1981; Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия..., с. 206 слл.; Катько Е. П. Общность судеб: Пушкин и Овидий (к проблеме одиночества). В сб.: Античный мир и мы. Материалы и тезисы конференции. Саратов, 11—12 мая 1994 г. Саратов, 1995, с. 17—18; Шапир М. И. Пушкин и Овидий: новые материалы (из комментариев к «Евгению Онегину». В кн.: Пушкин и мировая культура. Междунар. научн. конф. Материалы 2—4 февраля 1999 г. М., 1999; его же, «Пушкин и Овидий: <н>овые <м>атериалы: (Из комментариев к „Евгению Онегину")», Elementa, 2000, vol. 4, N 4, p. 341—349; Панасенко Ю. Ф. Мотив «тумана» в поэзии Пушкина и Овидия. В сб.: Пушкин и мир античности. Материалы чтений в «Доме Лосева» 25—26 мая 1999 г. М.: Диалог МГУ, 1999; Формозов А. А. Пушкин и древности. М.: Языки русской культуры, 2000, гл.: Пушкин и легенда о гробнице Овидия. Ср. реплику из письма Ал. И. Тургенева П. А. Вяземскому (Женева, 14/2 июля 1833 г.): «Но, признаюсь, хотелось бы не туда... Nescio qui natale solum dulcedine cunctos / Ducit, et immemores non sinit esse sui. Изгнанник Овидий. / Этот латинский вздох по отчизне вырван из сердца твоими словами: „Не воротиться ли тебе в Москву?"» — АбТ, 6, с. 241.

его опасностей; очень вижу, что оне вымышлены...»[1]. Иногда творчество Овидия находило себе поклонников там, где их, казалось, и вовсе не могло быть. Н. И. Пирогов вспоминает о старшем товарище по медицинскому факультету МУ Чистове: «Тот берет со стола книгу, ложится на кровать и, обращаясь ко мне, спрашивает: „С какими римскими авторами вы знакомы?“ Я краснею. „Что же?.. Садитесь-ка вот здесь, — я вам кое-что прочту из Овидия...“ Оказалось потом, что Чистов был действительно знаток римских классиков; я редко видал его за медицинскими книгами; всегда, бывало, лежит и читает своего любимого Овидия Назона или Горация. Родом из духовных, воспитанник семинарии, Чистов отличался, однако же, резко от других сотоварищей, по большей части тоже семинаристов; это была мебель из елового, а он из красного дерева и, должно быть, поэт в душе»[2]. В. Г. Бенедиктов пишет под влиянием *Метаморфоз* стихотворение *Золотой век* (1835 г.)[3]:

Ты не был, век дивный! Позорищем муки
Был юноша мир, как и мир наш седой;
Но веют тобою Овидия звуки,
И сердцу понятен ты, век золотой!

Н. С. Лесков в фельетоне *Административная грация: Zahme Dressur в жандармской аранжировке* использует изящное завершение мифа о Мидасе для характеристики прогрессивных слоев русского общества: «Парасолька, подобно цирульнику Мидаса, не станет зарывать в ямку свой секрет, а пустит его гулять по свету. Зная наше передовое общество, можно было рассчитать все действие...»[4]. Л. А. Мей пишет по мотивам *Метаморфоз* стихотворение *Дафнэ* в цикле *Из античного мира* (1858 г.). А. Н. Апухтин перелагает рифмованным анапестом овидиевский сюжет о Ниобе (*Ниобея. Заимствовано из «Метаморфоз» Овидия;* 1867 г.). Весьма проницательна и интересна характеристика, данная А. А. Фетом в очерке *Жизнь Овидия*, предпослан-

1. С. 49—50.

2. Пирогов Н. И. Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века. В кн.: Московский университет в воспоминаниях современников. 1755—1917. М.: Современник, 1989, с. 81.

3. Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., Советский писатель, 1983, с. 62.

4. Лесков Н. С. Сс в 11 тт. М., 1958, Госуд. изд. художественной литературы, т. 9, с. 395.

ном переводу *Превращений:* «Из немногого сказанного нами уже вытекает мягкий, уклончивый, чтобы не сказать слабый личный характер Овидия. На его впечатлительной природе одинаково отразилась и игривость тогдашнего Рима, не брезговавшего ни остротами, ни каламбурами, и утонченная его испорченность. Образованность Овидия, его историческая и мифологическая память поистине изумительны. Читатели из повествования о миротворении в начале и о Пифагоре в 15-й книге *Превращений* могут сами убедиться в способности поэта не только к целостному миросозерцанию, но и к отвлеченным тонкостям, изумительным в римлянине. Никому, быть может, из римских поэтов обязательная тогда для всех образованных людей риторическая школа не оказала таких услуг, как Овидию. Внешняя отделка его стиха и речи, мастерство переходов от одного предмета к другому навсегда сохранят ему место первого поэтического латинского стилиста. Мы и не думаем укорять его в риторическом искусстве; лучше что-нибудь знать и уметь, чем ничего не знать и не уметь. Мы даже не можем не считать Овидия истинным художником-поэтом, так как каждый его стих, даже о самых будничных предметах, указывает на прирожденную способность видеть красоту там, где глаз самого опытного ритора ее не заметит. Не даром же в течение 2-х тысяч лет его сочинения читаются и перечитываются всем образованным миром»[1]. Высока и оценка Модестова: «Овидий есть один из даровитейших поэтов, какие только когда-либо встречались в литературной истории народов. Римская поэзия... в лице Овидия приобрела виртуоза, в руках которого латинский стих и поэтическое выражение являются до такой степени повинующимися таланту писателя, что это способно возбуждать изумление даже в людях, близко знакомых с легкостью стиха Байрона, Гейне или Пушкина»[2]. Вообще же филологи к Овидию строже, чем поэты. Если А. А. Блок в своей рецензии на один из переводов говорит, что «у Овидия слышен голос одной из немногих докатившихся до него волн золотой гомеровской поры...», что «Овидий принадлежит к тому несомненному и „святому“ (Пушкин), что должно светить

1. Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887, с. XVI–XVII.

2. Op. cit., с. 480.

нам „зарей во всю ночь“»[1], то многознающий Ф. Е. Корш отзывается о нем с некоторым пренебрежением: «Как известно, римская поэзия не может похвалиться гениальными представителями: есть представители довольно крупные, есть со значительным дарованием, как, например, Овидий, которого *ingenium* в самом деле поразителен, но это именно *ingenium* в том смысле, как его понимали римляне, это — своего рода изобретательность, которая проявляется в нахождении (*inventio*) известных мыслей и их выражения; это, конечно, необходимо для оратора, важно и для поэта, хотя, впрочем, *inventiones* оратора и поэта совершенно различны или, по крайней мере, далеко не совпадают друг с другом»[2]; «Этот истый питомец всесветного города, удержав старательно все формы прежней или, вернее, еще современной ему элегии, утратил именно то общечеловеческое содержание, которое проглядывает из-за риторики предшественников»[3]. Не менее суров М. М. Покровский: «При этом, несмотря на очень большую оригинальность своего гибкого, софистического ума, несмотря на удивительную способность предлагать читателю давно знакомые сюжеты в новых, неожиданных комбинациях... Овидий — может быть, незаметно для самого себя — рабски подчинился усвоенному им александрийскому направлению. Шаблонность в выборе мотивов весьма часто доходит у него до абсурда или, во всяком случае, способна рассмешить внимательного читателя»[4]. Более проницательно суждение Зелинского: «Солнце все еще светило и заставляло его петь; ко всему другому он был глух и слеп»[5]. Л. Шестов берет эпитафию Фаэтона эпиграфом к своей статье *Музыка и призраки*[6]; этими же словами он завер-

1. Блок А. А. «Героини» Овидия. Перевод с латинского Д. Шестакова. Сс в 8 томах, т. V. Казань, 1902 (рецензия), с. 523.

2. Ф. Е. Корш. Чтения о Катулле. М., 1888, с. 83.

3. Римская элегия..., с. 46.

4 М. М. Покровский. Материалы для характеристики Овидия. СПб., 1901, с. 2—3.

5. Ф. Ф. Зелинский. Овидий. Баллады — Послания. М., 1913, с. XXVII. Разительно похожа на эту мысль строфа Мандельштама из его раннего сборника *Камень:* «Я вздрагиваю от холода, / Мне хочется онеметь, / А в небе танцует золото, / Приказывает мне петь». — Соч. в 2 тт., М.: Художественная литература, 1990, т. 1., с. 77. Ср. оценку *Метаморфоз* в Отзыве на сочинение В. И. Модестова: «Одно из самых грациозных произведений литературы вообще» (с. 19).

6. Скифы. Сборник 1. 1917. Типография Николаевской военной академии, с. 213. Перевод на с. 230, в конце статьи: «Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница; / С ней хоть не справился он, но погиб в дерзновеньи вели-

шает статью. Неоднократно обращается к овидиевскому творчеству О. Э. Мандельштам[1]. А. А. Ахматова берет овидиевский эпиграф (из *am.* 33, 11b, 39) для цикла *MCMXXI*. М. И. Цветаева посвящает римскому поэту замечательный сонет, способный поспорить с обращениями Андре Шенье, Пушкина и Грильпарцера:

Как жгучая, отточенная лесть
Под римским небом, на ночной веранде,
Как смертный кубок в розовой гирлянде —
Магических таких два слова есть.

И мертвые встают как по команде,
И Бог молчит — то ветреная весть
Язычника — языческая месть:
Не читанное мною *Ars Amandi*!

Мне синь небес и глаз любимых синь
Слепят глаза. — Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!

Любовницы читают ли, Овидий?!
— Твои тебя читали ль? — Не отринь
Наследницу твоих же героинь!

В 1922 г. в Москве Г. Г. Шпет берет знаменитые строки Овидия *ars* 3, 121 сл. эпиграфом для книги *Очерк истории русской философии*, переводя их так: «Пусть восторгаются другие добрым старым временем, я поздравляю себя с тем, что родился именно теперь...»[2]. Поэт-белогвардеец Арсений Несмелов (псевдоним; подлинное имя — А. И. Митропольский) пишет в рифмованных четырехстопных ямбах замечательное подражание сюже-

ком». Шестов переставляет в латинском тексте, по-видимому, цитируя по памяти, *magnis* и *tamen;* этот искаженный гекзаметр не свидетельствует о чувстве латинской метрики.

1. См. главу Ovidius triumphans в статье Рышарда Пшыбыльского «Рим Осипа Мандельштама» в кн.: Мандельштам и античность, с. 43–48, а также О. А. Лекманова «„То, что верно об одном поэте, верно обо всех“ (вокруг античных стихотворений Мандельштама)». Ibid., с. 142–153.

2. Шпет Г. Г. Соч. М.: Правда, 1989, с. 12.

ту о споре Аполлона и Пана (*Состязание богов. Глава из «Превращений» Овидия*)[1].

Ливий. В качестве примера оформления одного и того же материала историком и поэтом Феофан Прокопович приводит в своем поэтическом курсе самоубийство Лукреции (в качестве параллели привлекая *Фасты* Овидия)[2]. Возможно, сравнение Северной войны со Второй Пунической вдохновлено ливиевским введением к описанию последней: «Тая брань между всеми римскими браньми славнейшая, ибо и лютейшая быти почитается, а всячески нынешней подобная. Ибо и подобную име вину свою, и тако сильный бяше супостат и исперва велик и страшен показася, и на долгое время протяжеся брань...»[3]. Перевод Ливия готовят черниговские коллегиумисты (1716 г.)[4]; рассуждая о возможной мотивировке выбора сочинения для перевода, ученый пишет: «Не могли они быть равнодушны к блистательному обилию Ливиева слова, текущего медом и млеком (ubertas lactea), к его живописной группировке периодов, к обворожительтному слиянию в слоге прозы с поэзиею, к превосходному выражению чувствований нежных и умилительных...» (с. 699–700; на с. 701 оценка – «красноречивейший из историков римских»); приведем небольшой отрывок перевода: «Уже велие множество идущих исполнь пути и взирающе един на другаго жалосными очами, ревливие испущаху слезы и гласы, а наипаче женские з болением слышахуся, егда обстояще вооруженными воинами прехождаху храмы и богов аки чюждых оставляху. Вышедшим же з града Албаном, Римские полки велможеские сообщие палаты и вся украшение градское само земли соравниша и град; иже четыредесять лет созидашеся, единым часом разорен бысть. – Рим убо разширяется, Албанским народом умножается» (1, 29, 5–30, 1; с. 705). А. П.

1. Ср. также стихотворения Эней и Сивилла и Мужества требует год, также снабженные подзаголовком Из Овидия. О более поздних влияниях см. Alexander Podossinov. Die Exil-Muse Ovids in russischer Dichtung des XX. Jh. (Mandelstam und Brodsky). В кн.: Ovid. Werk und Wirkung. Festgabe für M. von Albrecht zum 65. Geburtstag. Teil II. Hg. Werner Schubert. Sonderdruck. 1998, S. 1961–1077. К. Ичин. Бродский и Овидий. В сб.: Литература «третьей волны». Самара, 1997, с. 176–188.

2. Соч., с. 428 слл.

3. Ibid., с. 29.

4. О старинном Русском переводе Тита Ливия... УЗ МУ, 1833, сентябрь, III. 690 слл.

Сумароков переводит стихами речь Ветурии сыну Кориолану (2, 40)[1]:

> Постой! не ведаю люблю иль ненавижу:
> Скажи, врага ли я в тебе иль сына вижу.
> Не прикасайся мне стремясь меня обнять:
> Скажи в стану твоем я пленница иль мать...

Перевод большей части корпуса Ливиевых книг был за несколько дней до смерти сожжен талантливым поэтом и переводчиком, одним из первых профессоров МУ Н. Н. Поповским. А. Н. Радищев ссылается на Тита Ливия (40, 29) в своем «Кратком повествовании о происхождении цензуры»[2]. М. Сперанский в уже известном читателю курсе приводит в качестве образца Муция (2, 12)[3]. Великий историк неожиданно стал в России утешителем узников. С. Н. Глинка рассказывает в своих «Записках», что, будучи посажен под арест за ссору с товарищем, он «лежал на голой скамье и читал Тита Ливия»[4]. М. Н. Муравьев писал: «Тит Ливий приложил все величество красноречия к делам царствующего народа»[5]. Это был один из любимейших писателей героя наполеоновских и кавказских войн А. П. Ермолова. Основательно ознакомившись с латинским языком, уже в период своей костромской ссылки, при Павле, он будил протоиерея Егора Арсеньевича Груздева словами «Пора вставать, Тит Ливий ждет уж давно»[6]. Когда-нибудь прекрасная проза Ермолова, надеемся, станет предметом филологического анализа, и влияние на нее римской историографии будет выяснено вполне. Любили Тита Ливия и декабристы. Его переводчик А. О. Корнилович ценит в нем «блеск, плавность, полноту»[7]; пишет: «Теперь, благодаря Богу, оправился, укрепился и хочу приступить к переводу Тита Ли-

1. ПС всех сочинений..., ч. I, с. 277–288.
2. О повреждении..., с. 256.
3. Правила высшего красноречия, с. 95–96.
4. Глинка С. Н. Op. cit, с. 107.
5. Историки древности. В кн.: ПСс М. Н. Муравьева, ч. II. СПб.: в Типографии Российской Академии, 1819, с. 21. Отрывки Муравьева были предназначены для Великих Князей Александра и Константина Павловичей, которым автор преподавал русский язык, словесность и нравственность.
6. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. П. Погодиным. М., 1864, с. 15.
7. Волк С. С. Op. cit., с. 192.

вия. Труд огромный... работы прилежной года на два по крайней мере. Впрочем, это не страшно!.. Пугает меня трудность дела... В переводе же великих писателей мало того, чтоб передать верно смысл подлиника, надлежит сохранить и все оттенки их слога: в Таците сжатость и силу, в Тите Ливие блеск, плавность, полноту... Примеры мужей великих, рассказанные таким писателем, каков Тит Ливий, крепят и возвышают душу: зарождается желание им подражать...»[1]. Для Белинского Тит Ливий — автор подлинного римского эпоса, в противовес Вергилию: его история — «национальная форма и по содержанию, и по духу, и по самой реторической форме своей»[2]. М. Н. Катков использует цитату из Ливия — благодарность консулу М. Теренцию Варрону — в качестве иллюстрации дипломатических достижений правительства Александра II по польскому вопросу[3]: «Теперь конец всем ожиданиям, конец всем тревогам: ответы нашего правительства у всех перед глазами и всякий, прочтя их, вздохнет легко и свободно; у всякого скажется на душе удовлетворенное чувство народной чести и вместе чувство гражданской благодарности к державной руке... quod de re publica non desperasset» (22, 61, 15 — *А. Л.*). В. И. Модестов усматривает сильную сторону Ливия «в нравственно-патриотической стороне повествования»; «исследование же событий, критическое отношение к материалу было им сразу поставлено на задний план. Ливий — компилятор от начала до конца: до первоначальных источников ему нет дела... Он весь сосредоточен на славе и величии Рима, которым он увлекается иногда до забвения истины»[4]. На Тита Ливия 1, 20 (как и на многих других римских авторов — Горация, Манилия, 4, 934, Светония *Caes.* 76, *Aug.* 52, *Calig.* 5, Валерия Максима *praef.* 1, Сенеку *vit. beat.* 36, Плиния Младшего) ссылается И. А. Ильин в трактате *О монархии и республике*[5].

Лукан. Феофан Прокопович чрезвычайно резко отзывается о вступлении к *Фарсалии:* «Подобной же розги цензоров достойно, конечно, и известное, чрезвычайно напыщенное

1. Александр Осипович Корнилович. Письмо М. О. Корниловичу от 5 августа 1832 г. В кн.: Записки из Алексеевского равелина. М.: Российский Архив, 2004, с. 449.
2. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Белинского, с. 178.
3. Цит. по: Татищев С. С., кн. I. М.: Чарли, 1996, с. 545.
4. Op. cit., с. 531.
5. Ильин И. А. Сс в 10 тт., т. 4, М.: Русская книга, 1994, с. 438, 444, 466–468.

вступление Лукана. Какому, скажи на милость, человеку тихого нрава понравятся такие стихи? К чему эти внезапные выкрики? К чему нагромождение синонимий, длинные перифразы, множество слов, скученных в одном предложении? Во всяком случае, если Скалигеру показалось, что Лукан где-то лает, то всем очевидно, что это в данном месте»[1]. По мнению В. К. Тредьяковского, Лукан «есть токмо Стихотворец, даром что он пел стихами»[2], но сочувственно ссылается на него: «О! Священный, и великий всех Пиитов труд»[3]. Цитирует «Фарсалию» (2, 657) А. Т. Болотов, применяя к Фридриху II характеристику Цезаря: «Его величество недоволен еще был всеми вышепомянутыми, полученными над нами выгодами, но возомнил, что ничего еще не сделано, буде есть еще что-нибудь, что сделать можно, и ему захотелось нас, так сказать, доконать»[4]. Более всего Лукана читали во второй половине XVIII века в московских университетских кругах. М. М. Херасков в предисловии к *Россиаде* дает такую оценку римского поэта: «*Фарзалию* многие нарицают Газетами, пышным слогом воспетыми; но сии Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями...»[5]. Он активно использовал лукановские достижения в *Россиаде*. М. Н. Муравьев (высоко ценящий Лукана наряду с другими эпиками; см. раздел о Вергилии) пишет стихотворение *Фарсальская битва*, обильно насыщенное лукановскими реминисценциями[6]:

Давно кичлива страсть обоих сердце гложет.
Сей вышнего терпеть, тот равного не может...
Виновная родня со обоих сторон
И боги — с Цесарской, с Помпеевой — Катон.

Из наставников духовного звания с наибольшим сочувствием отзывается М. М. Сперанский («Тремя словами Лукан да-

1. Соч., с. 389.
2. Мнение о начале поэзии и стихов вообще. Соч., т. 1., СПб., 1849, с. 182.
3. Ibid., с. 187. Имеется в виду 9, 980.
4. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793, т. 1. Приложение к «Русской старине», 1870. Стлб. 917.
5. Россиада. М., 1807, с. XVI.
6. Стихотворения, с. 186 слл. В комментарии (с. 343) отмечена близость к Лукану, но она неверно ограничена 7-й и 8-й книгами. Ср. *bell. civ.* 1, 125—128.

ет высочайшее понятие о Катоне, когда говорит: „Сторону победителей защищают боги сами, но побежденных защищает Катон“»)[1]. К числу читателей Лукана относится и П. В. Завадовский: «Достигая все покорить под свою пяту, не дорожит способами; но и величайший муж Иулий Цезарь был *in omnia praeceps*» (о Г. А. Потемкине)[2]. Затем, — по-видимому, с чужих слов — встречаются более уничижительные оценки. Характерный пример мы встречаем в учебнике Я. Толмачева: «Он более хотел удивить силою и гигантским величием мыслей. — Вся Эпопея его состоит в подробности и картинах описательных, а целое и план поэмы очень слаб»[3]. Такова же оценка *Словаря* Н. Остолопова: «сочинил на Латинском Языке Фарсалу, почитаемую вообще за высокопарные ведомости о войне Цезаря противу Помпея»[4]. Знаменитый критик А. Ф. Мерзляков формулирует свое отношение так: «Недостаток ясности отнял очень много славы у Поэмы Лукана, и весьма многих Стихотворцев, одаренных великими талантами, сделал, так сказать, при богатстве бедными: они трудились, собирали; их не читали; современники (не говорю о потомках), заметив, от чего их неудача, вздумали ею воспользоваться: *из той же муки печь свои хлебы*, — и слава осталась за пекарями, а о хозяевах все забыли»[5]. Трудно сказать, читал ли он *Фарсалию* целиком; он пишет об одной из сцен в *Россиаде*, что ее нельзя сравнить с описанием смерти Цезаря у Лукана[6], в действительности не существу-

1. Правила высшего красноречия, с. 198.

2. Листовский И., op. cit., с. 125–126 (*bell. civ.* 2, 656).

3. Руская поэзия в пользу юношества, обучающегося в Харьковском Коллегиуме, сочиненная учителем Поэзии Яковом Толмачовым. М.: в Типографии С. Селивановского, 1805, с. 154.

4. Ч. 1, с. 519.

5. Россияда, Поэма Эпическая Гна Хераскова (*Письмо к другу*). Амфион, М., 1815, август, с. 99. Ср. его оценку эпизода с переправой Цезаря через Адриатику в чтении *О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном:* «Лукан хотел распространить и украсить сию мысль; вы заметить изволите, как он ослабил ее набором слов; удаляясь от высокого, он ничего не произвел наконец, кроме натяжки и надутости... Вот блистательное суесловие, которым Лукан старался заменить простые, резкие слова: *чего боишься? ты везешь Цезаря!*» (BE, ч. LXVI, № 21–22, 1812, с. 73; 74). В *Кратком начертании* (с. 218): «*Луканова Фарсалия*, написанная больше красноречиво, или исторически, нежели стихотворно и свойственным тоном Эпопеи». Ср. также оценку Д. И. Хвостова: «Сочинение довольно знаменитое, но впрочем есть история, а не поэма, ибо слог в ней хотя сильной, но лишен приятностей поэзии и простоты» (ПС стихотворений, ч. IV, 1822, с. 264).

6. Ibid., сентябрь, с. 67.

ющим. К числу читателей *Фарсалии* относится юный критик П. Строев[1], в будущем археолог, выступивший одновременно с Мерзляковым против *Россиады* и первым за это — задолго до Белинского — награжденный титулом «недоучившегося студента»[2]. В том же духе, что у Мерзлякова, выдержана оценка И. И. Давыдова[3]: «Но Лукан превзошел всех в преувеличениях: он умоляет Нерона утвердить престол свой среди неба, а не у полюсов, дабы его величием не рушилось равновесие земного шара... Подобные фигуры — следствие ложного вкуса и неверного направления гения...». Из декабристов уже упомянутый А. Ф. Бриген цитирует Лукана в своей статье о Цезаре: «с быстротою тигрицы, поспешающей к своим детям»[4]. Ф. Н. Глинка перевел и опубликовал вольнолюбивый отрывок из 9-й книги[5]. П. А. Катенин пишет: «Выбор Лукана в „Фарсалии" не лучше Силиева... в исполнении только он гораздо выше его. В прошедшем столетии в обычай вошло ставить его выше Вергилия именно за историческую важность воспетой им брани и за отвержение чудесного; философический век требовал от поэзии паче всего наставлений нравственных и политических: он, конечно, ошибался, но его ошибка почтенная; что скажут со временем о нынешних причудах?»[6]. К числу читателей и почитателей Лукана относится и А. П. Ермолов: он цитирует 8, 493—494, советуя придворным блистать собственными достоинствами[7]. В. И. Модестов ограничивается сдержанной похвалой: «При всех своих недостатках Фарсалия есть

1. Современный наблюдатель российской словесности. Издаваемый П. Строевым, ч. I. М.: в типографии С. Селивановского, 1815. № 3, с. 76: «Вы знаете, прекрасное Луканово уподобление Помпея древнему дубу, которой держится на земли уже не корнями, но одною своею тяжестию» (1, 136 sqq.). Далее обыгрывается знаменитый афоризм о Катоне.

2. Ibid., ч. II, № 17, с. 124.

3. И. И. Давыдов. Чтения о словесности. Курс первый. М., 1837, с. 200—201. Давыдов ориентировался в своем курсе на Блера; по этому поводу рецензент «Библиотеки для чтения» отмечает: «Нас до-сих-пор мучили в Русских риториках или деревянными правилами Греческих и Римских педантов, которые из Словесности делали ремесленное занятие, или туманными отвлеченностями Германских профессоров, бесполезными в практике. Г. профессор Давыдов следовал в своих чтениях творению умного Блера, и он не мог выбрать для себя лучшего руководителя...». «Библиотека...», т. XXI, 1837. Литературная летопись, с. 49—50.

4. Op. cit., с. 430. Lucan. 5, 405.

5. Сын Отечества, 1818, ч. 49, с. 77; Волк С. С., с. 192.

6. Размышления и разборы..., с. 79.

7. Записки А. П. Ермолова, с. 134 (*exeat aula / qui vult esse pius*).

крупное произведение римской литературы и во всяком случае самое блестящее, какое римская эпическая поэзия произвела после Вергилия»; она «написана с блеском, живостью и даже страстностью, спокойного тона эпопеи тут нет. Это первый ее недостаток, хотя и такой, который нравился его современникам»[1].

Валерий Флакк. Его эпосом — в связи со своими занятиями древнейшей историей России — интересовался В. Н. Татищев, ссылавшийся на него в *Истории Российской* (гл. 19, 2 и 20, 2) и включивший его — единственного из латинских поэтов — в *Дополнку росписи лексикона гражданского*[2]. А. Ф. Мерзляков в *Кратком начертании...* (с. 218) дает уничижительную характеристику: «поход Аргонавтов *Валерия Флакка*, неполное и неравное подражание Аполлонию». В. И. Модестов ценит его поэму низко: «скучное, не смотря на риторический пафос, сухое, темным и искусственным языком и тяжелым стихом написанное произведение, читать которое, повидимому, не было много охотников и в древности»[3].

Стаций. М. Н. Муравьев дает эпику не слишком лестную характеристику: «Великолепные слова и малые мысли составляют надутый слог. Клавдиан, а более его Стаций, наполнили оным сочинения свои повсюду»[4]. Снисходительнее Мерзляков: «Фиваида *Стация* и начало Поэмы его Ахиллеиды; сии сочинения не без красот, но неправильны в целом»[5]. Строг и Н. Остолопов: «В ней (Фиваиде — А. Л.) находится несколько удачных описаний, обезображенных однакож порывами необузданного рассудком воображения»[6]. С нескрываемым презрением отзывается о нем Модестов, вспоминая о лекциях Н. М. Благовещенского: «Он читал о Марциале и Стации, известных поэтах Домицианова времени, но совершенно противоположных Ювеналу по своим душевным качествам, по своему раболепному характеру, по своему презренному миросозерцанию, которое, впрочем, давало им возможность говорить в такое время, когда возвышенные натуры, как Тацит и Ювенал, мог-

1. Op. cit., с. 633; 637.
2. Избранные произведения, с. 359.
3. Op. cit., с. 674.
4. Рассуждение о различии слогов, с. 24.
5. Краткое начертание..., с. 218.
6. Словарь..., ч. 1, с. 519.

ли только молчать»[1]. В *Лекциях* он дает *Фиваиде* литературную оценку: «Современники восхищались этим произведением, на нас же оно производит, как впрочем и все эпопеи первого века н. э., <впечатление> чего-то искусственного, натянутого, исполненного ложного пафоса... Впрочем талант автора пробивается наружу и среди этой искусственности: он сказывается и в живости фантазии, и в бойкости языка, и в легкости стиха»[2]. Он цитирует Стация и в своих мемуарах о путешествии по Италии: совершая пешую прогулку по Аппиевой дороге, он вспоминает, что римский поэт назвал ее *regina viarum* (*Silv.* 2, 2, 12)[3].

Силий Италик. Уже известный читателю Я. Толмачев дает, — несомненно, с чужих слов — такую характеристику римского поэта, по-видимому, путая его *cognomen* с названием эпоса: «Приключения Телемака, Кадм и Гармония суть Поэмы в Прозе; так как история о войне Пунической, Италика, есть проза в стихах»[4]. Мерзляков строг к Силию: «семнадцать книг о второй Пунической войне *Силия Италика*, которые походят более на историю, нежели на эпопею; это более дело труда, нежели гения»[5]. Н. Остолопов также не проявляет снисходительности: «Он описал вторую Пуническую войну. Сия поэма содержит несколько занимательных подробностей, но не имет пиитического жара»[6]. П. А. Катенин пишет: «Латинских учеников вергилиевых, Силия и Стация, мне не случилось читать вполне; кажется, оба неудачно выбрали содержание своих песней: „Пуническая война“ более история, а „Фиваида“ более трагедия, нежели эпопея; частями оба сии стихотворца были, однако, весьма полезны эпикам итальянским, исполненным уважения к латинским, и у них выучившимся, как их побеждать»[7]. По-видимому, знаком с его текстом А. С. Грибоедов, контаминирующий яркую цитату из *Пунической войны* с *Энеидой* в латинской фразе о подвигах Ермолова: «Вы, умолча обо всем

1. Н. М. Благовещенский. В кн.: Историческое Обозрение. Сборник Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском ун. 1892, т. V, отд. II, с. 14.

2. С. 690.

3. Модестов В. И. Заграничные воспоминания. Исторический вестник. 1883, т. 12, № 4, с. 121.

4. Толмачев Я. Op. cit., 142–143.

5. Краткое начертание..., с. 218.

6. Словарь..., ч. 1, с. 520.

7. Размышления и разборы, с. 79.

прочем, засвидетельствуйте мою преданность ео (sic! — *А. Л.*), qui Caucasei fastigia montis sua sub iuga mittet»[1]. Неожиданно высока оценка В. И. Модестова: «В литературном отношении главный недостаток поэмы Силия Италика в том, что она слишком растянута... Но язык его чист, плавен и представляет более простоты и естественности, чем язык Лукана и Валерия Флакка...»[2].

Сенека Младший[3]. В собрании кн. Д. М. Голицына имелась «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа» (перевод не сохранился)[4]. С монологом тени Тантала в *Фиесте* сходен монолог тени Ярополка в школьной трагедии Феофана Прокоповича *Владимир*[5]. А. Д. Кантемир в *Сатире VI*, 87 слл. использует Сенеку[6]:

> Ужли покоен? Никак! Покой отымает
> Дом пышный, и сладк сон с глаз того убегает,
> Кто на нежной под парчой постели ложится.
> Сильна тревога в сердцах богатых таится...

Отрывок из *Фиеста* переводит В. К. Тредьяковский[7]:

> На придворной стой, кому годно есть, дороге.
> Сильным и любимым будь в Царском тот чертоге.

1. Письмо Н. А. Каховскому от 3 мая 1820 г. Тавриз. Сс в 2 тт., М., Правда, 1971, т. 2, с. 207. *Fastigia montis Pun.* 5, 488; *sua sub iuga mittant Aen.* 8, 148.

2. Op. cit., с. 688.

3. Я. Ю. Межерицкий. Сенека в оценке отечественной иториографии и публицистики. В кн.: Вопросы всеобщей стории. Тула, 1974. Сс. 81—97. Теперь см. диссертацию М. В. Салимгареева: Стоя и стоическое наследие в России (середина XIX—начало XVIII в.). Казань, 2004 (КГУ). Несмотря на заявленные хронологические рамки, обзор касается всей истории Империи.

4. Николаев С. И. Op. cit., с. 32.

5. Письмо Н. И. Гнедича к графу Н. П. Румянцову о неизданной комедии Феофана Прокоповича. Библиографические записки, т. II, 1859, стлб. 624—625. Другую литературу см. Феофан Прокопович. Соч., с. 475.

6. Соч., письма... Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1, с. 140, 145 (прим. Кантемира со ссылкой на *Herc. Oet.* 646 слл.

7. Перевод с Сенекиных латинских стихов, находящихся в трагедии Тиесте по окончании действия второго, в хоре начинающемся. Соч., т. 1, СПб, 1849, с. 562. О переводах Тредьяковского см. Дерюгин А. А. Тредьяковский-переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. Об античных источниках вставок в *Тилемахиде* (Вергилий, возможно, Овидий) см. также Численко Н. Д. Об источниках «Тилемахиды» В. К. Тредьяковского. В сб.: Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России, вып. 2. СПб., 2000.

О высокой чести да старается иной,
При Царе сесть выше, ищет пусть того другой.
Славу любит сей пускай, и убор богатый,
Вид палат высоких, двор, полем необъятый.

Пик влияния Сенеки-философа приходится на вторую половину XVIII в., особенно на царствование Екатерины II, во многом — хотя и не исключительно — благодаря деятельности Новикова и его окружения[1]. В своем философском опыте *О человеке, его смертности и бессмертии* А. Н. Радищев цитирует *Троянок* (397 слл.)[2]:

По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья.

Молодому М. Н. Муравьеву Сенека-трагик не близок: «Все Трагедии, доставшиеся нам под именем Сенеки, составлены, так сказать, из сияющих и величественных мыслей, но в целом суть чудовища. Сие самое было пороком Лукановым, и жалеть должно, что толь мужественной и великой ум, произведший прямо величественные мысли, еще и ими не был насыщен и предавался излишеству»[3]. М. М. Сперанский считает, что он «обширные дарования, блистательный ум, глубокие сведения, — все затьмил, везде ища тонкости, везде отступая от природы, везде сражая, так сказать, мысль с мыслию... Сии пороки тем опаснее, чем более они в нем прелестны»[4]. В заметках 1817 года *Чужое — мое сокровище* Батюшков дает такую характеристику философу: «Читаю Сенеку. Он очень остроумно называет Эпикура, проповедующего науку сладострастия, мужчиною в женском платье (*epist.* 33 — *А. Л.*). Не можно ли то же сказать о Сенеке, угоднике Нерона, но наоборот? Впрочем, читая его письма, можно с ним примириться; можно решительно ска-

1. Я. Ю. Межерицкий. Op. cit., с. 82 слл.
2. ИС, с. 467.
3. Рассуждение о различии слогов, с. 14.
4. В согласии с Квинтилианом: Правила высшего красноречия, с. 113.

зать, что он имел великую, прекрасную душу и ум необыкновенно проницательный. Он обнимал все сведения современников, и книга его, как история ума человеческого во времена Нерона, весьма интересна. Он удивительный мастер завострить мысль самую обыкновенную и в этом похож более на новейшего писателя, чем на древнего. Я и в переводах вижу, что Цицерон никогда не прибегал к сим побочным средствам: как же разница меж ним и Сенекою должна быть чувствительна для тех, которые имеют счастие читать в подлиннике обоих авторов!»[1]. П. А. Катенин спорит с недооценкой Шлегеля, отмечая при этом — «у нас Озеров обязан ему всеми спорами Агамемнона с Пирром в „Поликсене“» — и характеризует трагический корпус Сенеки так: «Сии латинские трагедии, хотя часто стоят на ходулях, изобилуют сильными и высокими чертами и важны в истории драматического искусства»[2]. Д. И. Хвостов считает его поэтическое творчество упадочным: «Между стихами Виргилия и Сенеки показалась почти такаяже разница, как и между веков Августа и Нерона»[3]. Бюст философа — наряду с Сократом и некоторыми политиками и писателями — украшал жилище И. И. Дмитриева; после смерти его он остался племяннику, который «любовался на них, и душа... возвышалась, находясь как будто в их обществе»[4]. О. Сенковский отвечает на обвинения Низара: «Бедный Сенека! досталось же тебе за вздоры великого Гюго! Ты конечно не большой трагик, но ты сделал то же самое, что сделал Корнель: он Греков Софокла превратил в Французов XVII века, ты превратил их в Римлян I столетия. Виноват ли ты, что Римляне были в твое время чудаки, что Философия стоиков сводила их с ума, что общество, в котором ты жил, отразилось в твоих героях? Я по крайней мере никогда не буду бранить тебя за то, что ты писал с натуры»[5].

1. Батюшков К. Н. Соч, т. 2, с. 53.

2. Размышления и разборы, с. 74. О трагедии «Поликсена» и ее древних западных источниках см. Мерзляков А. Ф. Разбор трагедии Поликсены господина Озерова. Чтение 15. ВЕ, т. XCI, 1817.

3. ПС стихотворений, ч. II, 1821, с. II. Ср. ч. IV, 1822, с. 152 (о *Троянках*): «одна Гекуба открывает действие пухлою речью, которую можно почесть за образец дурного вкуса».

4. Главы..., с. 389.

5. Эпохи упадка..., с. 74—75. В «Библиотеке для чтения», т. XX, 1837, в критической статье «История жизни и путешествий Христофора Коломба. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Перевод с Французского Николая Бредихина. СПб., 1836, т. I» знаменитые стихи из хора Медеи (375—379) цитируются как об-

Рецензент «Библиотеки для чтения» А. И. Герцен считает, что Сенека в своем творчестве выразил новый дух достоинства человека, неизвестный древнему миру[1]. А. Н. Майков делает Сенеку (наряду с Луканом) одним из основных персонажей лирической драмы *Три смерти*. В. И. Модестов ставит нашего автора высоко: «Что ни говорили бы противники Сенеки, на его стороне всегда будет стоять высокий литературный талант, снискавший ему пламенных приверженцев среди современников, и проповедь высоких нравственных истин, которые признало своими христианство и к голосу которых никогда не сможет остаться равнодушным человечество»[2]. А. В. Амфитеатров придерживается противоположной точки зрения: «читателю Тацита, Светония и Диона Кассия, не предубежденному в пользу Сенеки и Бурра, столпы стоической добродетели представляются скорее трусливыми рабами и льстивыми предателями, переметными сумами,, готовыми исполнить решительно всякую мерзость, какой ни потребует от них верховная власть, лишь бы уберечь свою собственную кожу»[3]. Привлекает Сенека — особенно со второй половины XIX в. — интерес церковной науки и публицистики[4]. Н. Н. Страхов утешает цитатой из Сенеки В. В. Розанова, получившего пощечину от отца одного из своих учеников-гимназистов: «Ну, будьте же мужественны. Или — учитесь мужеству, твердой уверенности в себе, если не тверда у Вас вера в Бога. У Сенеки есть такое рассуждение: „А что станет делать мудрец, когда ему надают пощечин? То, что сделал Катон, когда получил оплеуху: не вспылил, не стал мстить за обиду: он даже не прощал ее, а сказал, что обиды не было“ („De constantia“, С. XIV)»[5]. Д. С. Мережковский

щеизсевтные, с таким переводом: «Пройдут века, в отдаленные годы, что океан развяжет оковы вещей, и *огромная явится земля*, и Тифис *откроет новые* миры, так, что туле не будет пределом земель». — Разд. критики, с. 72. Там же: «Сочинения ученого Плиния представляют странное смешение географических сведений и мечтательных систем; и география Птоломея тоже» (с. 71).

1. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 182.

2. Лекции, с. 630.

3. Я. Ю. Межерицкий. Op. cit., с. 90.

4. Подробно в вышеназванной диссертации М. В. Салимгареева, где этому вопросу посвящен особый раздел. Кратко — у Я. Ю. Межерицкого, с. 91 слл.

5. Недатированное письмо 1891 года. В кн.: В. В. Розанов. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. М.: Аграф, 2000, с. 184. В. В. Розанов откликнулся на это в 1913 г. таким примечанием: «Ну, это довольно не мудро, и вообще „древние“, по душевной еще не развитости, не пример нам. Они ходили без штанов, в рубашечках и латах, вечно дрались, вечно толкались на фору-

вкладывает в уста одному из своих героев в качестве диагноза последних язычников упадочного века цитату из *epist.* 106, 12: «Litterarum intemperantia laboramus, как выразился учитель Нерона, хитрый Сенека. Мы страдаем от словесной невоздержанности»[1]. М. Алданов, описывая самоубийство генерала Пишегрю, подчеркивает следующую деталь: «На камине в камере Пишегрю лежала корешком вверх книга Сенеки. Она была раскрыта на той странице, в которой древний мудрец говорит, что Божество умышленно, „для красоты зрелища", заставляет великих людей бороться с тяжелой судьбою... (*dial.* 1, 2, 7 слл. — *А. Л.*). Таинственная химия слова, сказавшаяся в этих удивительных фразах на самом благородном из языков, вероятно, в мрачной башне Тампля хватала за душу сильнее, чем в обычной обстановке»[2]. *Федра* Сенеки — один из источников трагедии М. И. Цветаевой *Федра*[3].

Федр. Перевод И. Баркова выходит в 1764 г. (СПб.; ^{2}1787). Д. И. Хвостов в послании *Ивану Ивановичу Дмитриеву* (1810; 1828) признается[4]:

> Мне в Федре басенки отрадно почитать;
> Люблю переложить на русскую их стать...

В послании *О притчах* он дает развернутую — хотя вряд ли самостоятельную — похвалу баснописцу:

> Свободой одолжен Федр Августа руке,
> Эзопу подражал на Римлян языке.
> Не столько как Эзоп, он краток был и силен,
> Но плавен, нежен, чист и мыслями обилен.
> Не редко вмешивал прелестные цветы,

мах, в полях, в лесах, и им „природная" колотушка, даже если приходилась по лицу, ничего не значила» (ibid.).

1. Сс, т. I, с. 108.

2. Алданов М. Генерал Пишегрю. В кн.: Алданов М. Истоки. Избранные произведения в 2-х тт., т. 2. М.: Известия, 1991, с. 397.

3. Об источниках трагедии: Савельева О. М. О реминисценции одного античного сюжета у М. Цветаевой. В сб.: ВКФ, X. Античность в контексте современности, 1990.

4. ИС, с. 75. Тем не менее, как явствует из примечаний к 3-й части Собрания стихотворений, где собраны басни, у них по большей части французские, иногда немецкие оригиналы; Федр не назван ни разу. О притчах: ПС стихотворений, ч. II, 1821, с. 64.

И рода басенок он помнил красоты;
Прилично свойство лиц и истину завязки
Умел всегда хранить среди простыя сказки.
Случилось с ним, как то нередко на земли,
Что несколько веков лежа зарыт в пыли,
Он вновь сподобился приятныя свободы:
Почтили дар его хвалою все народы;
Строжайшие судьи бессмертной Федра труд
Поднесь сокровищем в середнем роде чтут,
И думают, что он в рассказах столько плавен,
Что в Августовы дни никто с ним не был равен...

Н. Ф. Кошанский подготовил учебное издание его басен для Царскосельского лицея: «Думал ли Федр, что басни его, где часто пороки Римлян являются, как в зеркале, будут служить в потомстве руководством для юношества? Но оне достойны чтения детей: ибо слог их легок, приятен и забавен, а язык так чист, как был во время Августа. По сей причине возложено было на меня издать Федра на следующем основании: 1 оставить те басни, кои не соответственны детскому возрасту; 2 переменить выражения, оскорбляющие благопристойность наших времен... Пусть живая кисть Федра, представляя забавные происшествия, увеселяет их и вместе напоминает: Tu ris? Change le nom, la fable est ton histoire»[1]. 3, 14, 12–13 берет эпиграфом к книге *Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства* Николай Остолопов[2]. Оценка П. А. Катенина весьма сурова: «Федровы басни — стихи без поэзии, и более о них не скажу»[3]. Мерзляков ценит его выше: «К классическому времени Римской словесности относят басни *Федра.* Красноречиво написанные ямбами, почти все они содержанием своим обязаны Езопу; но отличаются большею плодовитостию и изящною разборчивостию в словах и оборотах, со многими переменами, хотя впрочем выбор обстоятельств не всегда удачен»[4]. Апология О. Сенковского такова: «Начать историю упадка Словесности с Федра, по нашему, то же, что начать ее с Лафонтена или с Крылова... Из некоторых обще-формул древней Поэзии,

1. Басни Федра, изданные Кошанским, Профессором Лицея. СПб.: в Медицинской типографии, 1814, с. [7–8].
2. М.: в УТ. 1816.
3. Размышления и разборы, с. 80.
4. Краткое начертание..., с. 109.

Г. Низар создает Федру характер, неоправдываемый ни каким свидетельством, и потом острится над этим характером. Поймав прекрасное выражение — nec hanc repulsam tua sentiret calamitas, *твое несчастие не испытало бы этой обиды*, он кричит: упадок! упадок! дурной вкус! Как же следовало сказать, объясните нам, Г. Низар, ради всего священного в упадке? Вот как: *несчастный, ты бы не испытал этой обиды!* Это уж слишком тонко, Г. Низар! Но ему не нравятся этого рода обороты, потому что юная Словесность любит их чрезвычайно. Он находит в Федре несколько слов, которых нет в словаре Цицероновской Академии, и опять кричит»[1]. В. И. Модестов не слишком высокого мнения о нашем авторе: он видит у него «сухость речи и бессилие воображения, обличаемое недостатком живых образов и картинности описания»[2].

Персий. Невинный философ оказался вовлечен в политическую борьбу: известный М. В. Милонов в 1810 г. пишет — по-видимому, в подражание Ювеналу *sat.* 8, 39 слл. — стихотворение *К Рубеллию*[3] с подзаголовком *Сатира Персиева*[4]:

> Царя коварный льстец, вельможа напыщенный,
> В сердечной глубине таящий злобы яд,
> Не доблестьми души, пронырством вознесенный,
> Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
> ...Ты думаешь сокрыть дела свои от мира:
> В мрак гроба? но и там потомство нас найдет;
> Пусть целый мир рабом к стопам твоим падет,
> Рубеллий! трепещи: есть Персий и сатира!

Опыт понравился: позднее еще один поэт, К. Ф. Рылеев, менее, быть может, талантливый, но более энергичный, написал знаменитое стихотворение с тем же адресатом и с той же маскировкой — *К временщику (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)*. Д. И. Хвостов признается[5]:

1. Эпохи упадка..., с. 71—72.

2. Op. cit., с. 591.

3. Это имя появляется уже в третьей сатире (*К моему рассудку*) — Сатиры..., с. 52: Когда бы, на пример, в горячности безмерной, / Открыл пред светом я тот путь неимоверной, / По коему достиг *Рубеллий* до честей, / Стал властвовать людьми, раб низких всех страстей...

4. Сатиры..., с. 10—13.

5. Н. Ф. Остолопову о сатирическом роде. ПС стихотворений, ч. II. СПб., 1821, с. 236. Там же (ч. IV, 1822, с. 132) прозаическая характеристика в приме-

На Перса Римского я право не похож;
Пошлюся на тебя: кого и где обидел?
Когда в писателе одно дурное видел;
На состязателей мой не острился нож.

Приведем и характеристику Н. Ф. Остолопова, адресата знаменитого графа: «Важный слог, строгая нравственность, чрезмерная краткость и сильные мысли — вот существенные и отличительные достоинства Персия. Но такое излишество хороших качеств заставляет его весьма часто впадать в погрешности. — Стоическая важноть Персия обращается в сухость; неумеренная строгость приводит читателя в уныние и страх; а чрезвычайная краткость делает его темным и почти невразумительным. Но при всем том Квинтилиан говорит, что Персий заслужил великую и притом истинную славу — без сомнения за то, что у него везде находится превосходнейшая нравственность и рассуждения основательные; красоты совершенно свойственные Сатирическому роду; и даже многие из стихов его обратились в пословицы. В оправдание же темноты его говорят, что он желая осмеять поступки Нерона, и боясь худых от того последствий, умышленно писал темно и невнятно; но сие оправдание неудовлетворительно. Оно может относиться к небольшому числу тех стихов, коими, как с довольною вероятностию заключают, хотел он изобразить тирана — Нерона, при котором жил он; но темнота в сочинениях Персиевых везде одинакова. Впрочем она происходит наиболее не от запутанности мыслей, но от разного рода выпущений как слов, так и посредствующих понятий, от множества тропов, никем кроме него неупотребляемых, и особенно от весьма часто прерываемых *разговоров*, которыми Сатиры его наполнены. — Лагарп утверждает, что употребляемый труд для точного уразумения Персиевых сочинений напрасно не пропадает. — Замечания достойно, что Персий был ревностный

чаниях к переводу *Поэтического искусства* Буало: «Персий, уроженец Тосканский, умер... 27 лет от рождения, обессмертив свое имя сатирами, наполненными глубокомыслием. Хотя он в приятности и нежности ниже Горация, за то сильнее и пламеннее; слог его сжат, отчего иногда темен», с. 133 — о Ювенале: «Как бы ни ужасна была истина, он ее не утаивает, и не заботится скрывать имен. Ругательства его самые наглые, желчь самая едкая и горькая, а угрызения бешеные. Пылкое его воображение употребляет всегда почти гиперболы и простирает их до чрезмерности; но в сем ядовитом исступлении наполнен красотами истинно высокими».

почитатель Горация; даже часто заимствовал у него мысли. Сей пример согласия между толь несходными писателями есть, может быть, единственный в истории словесности»[1]. П. А. Катенин дает такую оценку: «Персий и Ювенал великие сатирики и весьма важные по сведениям, сообщаемым ими потомству о нравах древнего Рима. Но, Боже! какие нравы! Если они (что и вероятно) воспламенили пиитический огонь сих писателей, то все достоинства их еще слишком дорого куплены. О переводах точных сих сатир подумать нельзя, и, может быть, хорошо и полезно, чтобы они всегда оставались в полузабвении»[2]. Для Белинского Персий и Ювенал (наряду с Цезарем, Титом Ливием и Тацитом) — «истинная латинская литература, т. е. национальная и самобытная»; их сатиру он оценивает как «высший суд над падшим обществом, его предсмертный, раздирающий вопль»[3]. В. И. Модестов восхищается, «какой нежной духовной организации, какой нравственной чистоты и невинности был этот молодой поэт, выступивший с сатирическим бичом против современников»; в его сатирах «ясно сказывается чистая, прекрасная натура автора, в них нет недостатка и в литературном даровании, но, читая их, всякий без труда увидит, что они не классические произведения. Для этого им недостает ни надлежащего сатирического содержания, ни сообразной с этим содержанием обработки, ни мастерства литературной формы»[4].

Ювенал[5]. Петр I, увидев сатиры Ювенала у одного немца, сказал, что они были бы в России запрещены под страхом жестокого наказания, но, по разъяснении и прочтении места из 10-й сатиры о здоровом теле и здоровом духе, царю очень понравился отрывок, и он выписал себе Ювенала в голландском переводе[6]. II сатира Кантемира по своему содержанию восходит к *sat.* 8 нашего поэта: речь в них идет о подлинном благородстве и знатности рода[7]; в VII сатире о воспитании сын мол-

1. Словарь.., ч. 3, с. 131—132.

2. Размышления и разборы..., с. 80.

3. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Белинского, с. 178.

4. Op. cit., с. 641; 644.

5. Малеин А. И. Ювенал в русской литературе. В кн.: АН СССР. ИРЛИ. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л.: изд. АН, 1934.

6. Пекарский. Наука и литература при Петре, т. 1, с. 91.

7. Дудышкин С. С. Op. cit., с. 25. А. И. Малеин полагает, что, по-видимому, Кантемир заинтересовался Ювеналом в кругу приближенных царя (с. 228).

давского господаря подражал ювеналовской *sat.* 14[1]. Использовал Ювенала и В. К. Тредьяковский (ср. *sat.* 7, 59 слл.)[2]:

> Автор, с недоедков которой чуть волочит мощи,
> Чтож и под-вечер ворчат в нем черева тощи,
> Мало почитает вкусным Геликонский лад...

В «Слове о витийстве» он ссылается на 6-ю сатиру: «стыдняе Латинам не знать по Латине... Пускай, все к одному, посмотрится и помянутого недавно Ювенала шестая сатира, как он в ней, коль нежно толь праведно, хотя притом с досадою, по обыкновению Сатириков, осмеял Римских Госпож все по Гречески тогда разговаривающих и делающих»[3]. Место из *sat.* 15, 10–11, где речь шла о суевериях, переводится на русский язык Ломоносовым –

> Коль святы те народы,
> У коих полны все богами огороды!

На это же место и на Ломоносова ссылается в своей уже упомянутой нами диссертации Д. С. Аничков: «...в сих странах обитающие народы не только животных, но и самое былие травное боголепно почитали»[4]. В течение практически всего конца XVIII века русское общество, по мнению А. И. Малеина, не интересуется Ювеналом; под влиянием причуд Павла внимание к сатирику пробуждается. Известный филолог так характеризует эту волну интереса: «Любопытно, что тогда переводить сатирика начинают видные представители бюрократии, не мало пострадавшей от высочайшего самодурства, в виде лишения мест и высылки из столицы. Таковы переводы И. И. Дмитриева – сат. VIII (1803 г.) и П. И. Голенищева-Кутузова – сат. I (1804 г.). В это же время появляется и первый, после Кантемира, пламенный поклонник Ювенала, кн. П. Б. Козловский, который побуждает Пушкина заняться переводом сатирика»[5]. П. А. Вяземский пишет о нем: «Латинский язык, латинские писатели были ему свои. Особенно любил он Юве-

1. А. И. Малеин, с. 229.
2. Соч., т. 1. СПб., 1849, с. 81 со ссылкой на оригинал.
3. Ibid., т. 3, с. 579.
4. Вестник МГУ, № 7, 1952, с. 157.
5. С. 229.

нала. Когда в Варшаве скоропостижно сошел с ума кучер, который вез его в коляске, и, направив лошадей прямо на край обвала, опрокинулся с ними со всеми в яму на несколько саженей глубины, князь Козловский, вытащенный оттуда, разбитый, приветствовал прибежавшего к нему на помощь лекаря стихами из Ювеналовой сатиры»[1]. После смерти Пушкина с той же просьбой князь обращается к Жуковскому[2]. Характеристика Ювенала, данная в статье последнего *О сатире...*, такова[3]: «Он бич порочных и порока. Читая сатиры его, уверяемся, что Ювенал имел пламенную, исполненную любви к добродетели душу; но в то же время и некоторую угрюмость, которая заставляла его смотреть на предметы с дурной только стороны их: представляя их глазам читателя, он с намерением увеличивал их безобразие... Он не философ: будучи сильно поражаем картиною окружающего его разврата, он не имеет того душевного спокойствия, которое необходимо для философа, беседующего с самим собою; но он превосходный живописец; в слоге его находим силу и высокость его характера». И. М. Муравьев-Апостол применяет третью сатиру Ювенала к современному состоянию российских нравов: «Я помню это место наизусть: позволь мне только вместо Graeculus сказать Franculus, и ты сам согласишься, что это выйдет не в бровь, а в глаз»[4]. Н. Ф. Остолопов дает развернутую характеристику: «Ювенал сам говорит, что стихи его внушены ему были *негодованием;* если же прибавить к сему *и злобою* — то покажем отличительное свойство Сатирических его произведений. Не только Гораций, даже Персий, в сравнении с Ювеналом — совершенно холоден. Злобная наклонность его увеличилась еще более с того времени, как изгнали его, под видом назначения должности, в самую средину Египта: там он предался совершенно страсти своей к Сатире, и самая любовь его к истине возрасла до чрезмерности. — Ювенал также с неумеренною жестокостию нападал на современных ему стихотворцев, чему доказательством может служить первая Сатира его... Ювенал... Сатиры свои писал... в глубокой старости, и бывши уже свидетелем всех ужасов Клавдиева, Неронова и Домицианова царствова-

1. [Князь Петр Борисович Козловский]. — П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984, с. 157.

2. Ibid., с. 162.

3. ПСс в 12 тт., СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1902, т. 9, с. 103—104.

4. Письмо десятое (Письма..., с. 63). Цитируется 3, 73—79, затем — 100—103.

ний: вот еще одна из главнейших причин родившегося в нем *негодования*»[1]. В. С. Филимонов берет 1-й стих *sat.* 1 эпиграфом своего послания *К Д. А. Остафьеву*, преисполненного сатирических выпадов, но лишенного высоты ювеналовского пафоса, хотя и более пропитанного желчью, нежели добродушные стихи Горация[2]. Ехидный эпиграф из *6 сатиры* о золотом веке (1–4) А. Норов берет для обращения к В. И. Панаеву по поводу его *Идиллии*[3]. Ювеналовскую «злость» М. А. Дмитриев, В. А. Жуковский и А. Ф. Мерзляков противопоставляют «веселой шутливости» Горация[4]. Н. И. Греч выбирает *sat.* 4, 91 эпиграфом для журнала «Сын Отечества»; те же самые слова ту же функцию исполнят в альманахе *Русская Правда*[5]. П. А. Вяземский заявляет о приверженности ювеналовской традиции: «Мой Аполлон – негодованье»[6]. Тот же критик «Современника», который с такой забавной резкостью обрушился на Горация за его философский эгоизм, его собрата по жанру весьма ценит: «Ювенал национален, его негодование изливается на пороки и недостатки римского общества, он их клеймит собственными именами лиц... у него сатира есть поэзия, потому что вся исполнена чувства, и художественная картина, потому что представлена в образах, в лицах... Оттого она и была так сильна, оттого ее и боялись все...»[7]; конечно, это связано с некоторым новым всплеском интереса к Ювеналу, вызванного реформами; под влиянием публичных лекций Н. М. Благовещенского о сатирике Д. Д. Минаев пересказывает ямбами 3-ю сатиру и печатает ее в «Современнике» (1868 г.)[8]. А. А. Фет – переводчик Ювенала – считает его «могучей и цельной нату-

1. Словарь.., ч. 3, с. 134–135.

2. Поэмы. Стихотворения..., с. 250.

3. ТВОЛРС, ч. XVI, 1821, с. 84.

4. Главы..., с. 388. Ср. А. Ф. Мерзляков, *О талантах стихотворца:* «Я уверен, что грозного Ювенала при всей высокости, силе и справедливости мыслей ненавидели в Риме; но с Горацием от доброй души смеялись те сами, которых он осмеивал» (ВЕ, 1812 г., ч. LXV, № 19–20, с. 224). Ср. также М. А. Дмитриев: «Что касается до Сатиры, то не думаю, чтобы Ювенал мог обратить к добродетели: скорее он может ожесточить сердце и сделать его более упрямым и своенравным». – *О нравственной цели поэзии.* В кн.: Труды ОЛРС при МУ, М.: в УТ, 1820, ч. XVIII, с. 101.

5. Русская Правда. Литературный альманах на 1860 год. Киев: в Типографии И. и А. Давиденко, 1860.

6. АРР, с. 36.

7. Дудышкин С. С. Op. cit., с. 22–23.

8. А. И. Малеин, с. 230.

рой»[1]. Н. Г. Чернышевский, рецензируя фетовский перевод од Горация, пишет: «Ювенал, без всякого сомнения, будет у нас чрезвычайно популярен, лишь бы только был хорошо переведен»[2]. В. И. Модестов пишет: «В лице Ювенала римская сатира дошла до своего высшего напряжения, приняла тон гневный и негодующий и представляет собой нравственную сатиру, так сказать, в ее наиболее *чистом*, т. е. свободном от всякого смягчения, виде»[3]. В. И. Аскоченский за свою «неуклюжую семинарскую природу» и за то, что его остроты «отличались резкостию и дерзостию», удостаивается от Н. С. Лескова титула «киевского Ювенала»[4]. А. Н. Майков выводит Ювенала в качестве эпизодического персонажа, «почти не верящего в Рим», в трагедии *Два мира* и вкладывает ему в уста следующую реплику[5]:

В душе кипит негодованье,
Под ним же, боги, пустота!

Ф. Е. Корш, помогавший переводить Ювенала Фету, пишет в ответ на стихотворное послание последнего[6]:

...Ужели Ювенала
Цензура ярая так сильно окарнала.
О если бы был жив покойник Ювенал!
Он верно бы еще сатиру написал
На эту пошлую и чопорную дуру,
Просвирню старую, Российскую цензуру.
Что делать тут? Терпи: будь мужем до конца,
Хоть превращается сам Ювенал в скопца.

Знаменитую реплику *facit indignatio versum* (*sat.* 1, 79) А. А. Григорьев делает эпиграфом своего стихотворения *Героям нашего времени* (приписывая ее Горацию), а Блок — позднего сборника *Ямбы*. Д. С. Мережковский пишет стихотворение *Ювенал о*

1. Д. Юния Ювенала сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885, с. 8.
2. Ibid., с. 232.
3. Op. cit., с. 731.
4. Лесков Н. С. Официальное буффонство. Сс в 11 тт., т. 11, с. 24.
5. Избранные произведения, с. 554.
6. А. И. Малеин, с. 231, со ссылкой: Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, сб. I. М., 1928, с. 42.

древнем Риме, критикующее современников и нарочито лишенное каких бы то ни было конкретных признаков места и времени.

Марциал. Феофан Прокопович советует подражать в эпиграммах только Марциалу и опирается на него в разделе курса поэтики, посвященном этому жанру: «Главных достоинств эпиграммы три: краткость, приятность и остроумие; их число описал Марциал в очень изящном двустишии, сравнивая эпиграмму с пчелой»[1]. В. К. Тредьяковский пишет переделку 1 эпиграммы из *Liber spectaculorum: В похвалу богатой аудиенц-зале, построенной по указу Ее Императорского Величества здесь в Санкпетербурге*[2]. П. А. Вяземский в стихотворении *Библиотека* признается в духовной близости к римскому поэту[3]:

> Кипящий Марциал, дурачеств римских бич!
> Где ни подметил их, спешил стихом настичь;
> И я тебе вослед наметываю руку
> В безграмотную спесь и грамотную скуку.

Марциаловские эпиграфы (10, 23, 7–8; 5, 58, 7–8) использует для отдельных глав своего *Обеда* В. С. Филимонов. У В. И. Модестова, признающего его огромный талант, эпиграмматист вызывает чувство нравственной брезгливости: «Легко себе представить, до какой степени тлетворно действовали такие стихотворения модного поэта на молодежь обоих полов, и не трудно понять, как низко упало римское общество в эпоху Домициана, если главный поэт этой несчастной эпохи считал нужным угождать публике такого рода произведениями»[4]. А. А. Фет цитирует 10, 23 в предисловии к воспоминаниям: «Стихи эти дороги мне по своему мотиву, без всякого применения ко мне их подробностей. Жизнь моя далеко не представляет безмятежности, о которой говорит римский поэт...»; в другом ме-

1. Соч., с. 444. Латинский текст см. с. 323: Omne epigramma sit instar apis, sit aculeus illi, / Sint sua mella, sit & corporis exigui. У Марциала такой эпиграммы нет.

2. Избранные произведения. М.–Л.: Сов. писатель, 1963, с. 415, 535 (авторское название – мадригал).

3. Соч. Т. 1, с. 162. П. А. Вяземский – один из многочисленных подражателей, 10, 47.

4. Op. cit., с. 697. Ср. с. 699: «Главным двигателем Марциала была корысть». См. также с. 700. Возражение Зелинского: «Строго нравственная точка зрения по отношению к такому поэту не уместна» (Отзыв..., с. 18).

сте мемуаров он называет Марциала «талантливым капризником»[1].

Веллей Патеркул. Федор Мойсеенков, первый переводчик этого автора, в *Предуведомлении* дает ему, отталкиваясь от мнения Генота (совр. чтение Эно — *А. Л.*), развернутую характеристику: «В ласкательстве доходил до подлости похваляя сверх меры Августа, который имел гораздо большие пороки нежели добродетели, и Тиверия...молчит он и утаевает сии ужасные и бесчестные дела...Он не стыдится теми же красками описывать божественного Катона и ту Ливию, кою история по правде попрекает в честолюбии, коварстве и презрении благопристойности своего пола... То же самое случается с живописью Патеркула, что и с его рассуждениями, из коих, сказать правду, великое число, тонки, остроумны и кстати, но некоторые из них излишны, и не очень естественны, запутаны и возвышенны; при том бывает он очень часто против себя суров. От времени до времени доходит иногда, как Тацит, до того, что невразумителен кажется своим читателям, с тем токмо различием, что темнота одного происходит от глубокомыслия, а другого от его тонкости. Тацит мыслит, а Патеркул часто старается показать, что он с излишком мыслит. В нем уже начинает казатися упадок вкуса»[2]. М. Н. Муравьев полагает, что он «обезобразил прекрасное сокращение Истории похвалами Сеяна и Тиберия»[3]. Он упоминается в одном из писем А. Ф. Бригена, который хвалит его за лаконичность: «За исключением Саллюстия, Тацита и то не везде, и еще Патеркула, древние скорее плодовиты, нежели краткоречивы, но должно сознаться, что эта плодовитость всегда одушевлена мыслью и никогда не бывает пустоцветом, что и подало, кажется, повод к предрассудку о мнимом их лаконизме»[4]. Но впоследствии негативное отношение преобладает: П. Н. Кудрявцев критиков Грановского называет «запоздалыми современниками Веллея Патеркула»[5].

1. Воспоминания, т. 3, с. V; т. 2, с. 392.

2. Веллея Патеркула сокращение Греческия и Римския истории. С Латинского языка на Российский перевел Федор Мойсеенков. В Санктпетербурге при ИАН 1774 года, с. 16—24.

3. Историки древности, с. 22. Там же — оценка Кв. Курция: «Почитатель Александра Великого, более нежели историк, Квинт-Курций собирал отовсюду цветы для соплетения венца своему Герою».

4. Op. cit., с. 204.

5. О современных задачах истории. В кн.: Кудрявцев П. Н. Лекции; сочинения. Избранное. М.: Наука, 1991, с. 186.

В. И. Модестов не скупится на резкие эпитеты в адрес сочинений нашего автора и Валерия Максима: «Оба они отличаются бездарностью, безвкусием, крайнею ограниченностью миросозерцания их авторов, но в то же время преисполнены самых напыщенных похвал Тиберию и говорят о нем и его деяниях языком, слабое представление о котором могут ныне дать прелести канцелярского стиля провинциальных газет...»[1].

Тацит[2]. Неоднократно упоминает Тацита В. Н. Татищев в *Истории Российской*. Екатерина II пишет, вспоминая тот период своей жизни, когда она была великой княгиней: «Я читала тогда „Историю Германии" и „Всеобщую историю" Вольтера. Затем я прочла в эту зиму столько русских книг, сколько могла достать, между прочим два огромных тома Барониуса, в русском переводе; потом я напала на „Дух законов" Монтескье, после чего прочла „Анналы" Тацита, сделавшие необыкновенный переворот в моей голове, чему, может быть, не мало способствовало печальное расположение моего духа в то время»[3]. На этого автора среди прочих ссылается Радищев в *Кратком повествовании...*: «Тем более, говорит Тацит, можно смеяться над попечением тех, кои мечтают, что могут всемогуществом своим истребить воспоминовение следующего поколения. Хотя

1. Op. cit., с. 569. Ср. ниже о Валерии Максиме: «Льстец не по положению, а по низости души и отсутствию чувства человеческого достоинства и даже по корысти» (с. 577). Ф. Ф. Зелинский в «Отзыве...» пишет: «К Веллею Патеркулу г. Модестов слишком строг» (с. 17).

2. См. также разд. о Веллее Патеркуле.

3. Собственноручные записки Императрицы Екатерины II. В кн.: Сочинения. М.: Современник, 1990, с. 384. Историк Екатерины II В. А. Бильбасов так комеентирует это чтение: «Еще не родился человек, на которого чтение творений Тацита не произвело бы глубокого впечатления. Екатерина, конечно, знала римскую историю тех 54-х лет... но все эти факты представлялись теперь в совершенно ином свете. Спокойно, год за годом, ведет Тацит свой рассказ, выставляя факты в их собственном освещении, указывая причины и следствия явлений, живыми красками рисуя людей и их деяния. У него свой, им же выработанный язык, то живой и бурный, то спокойный и величественный, иногда резкий, часто меткий, всегда точный, оригинальный, свидетельствующий о твердом убеждении и самостоятельном мышлении; его выражения кратки, сжаты, они рисуют то, что автор желает изобразить, не более, не менее; его мысли глубоки, анализ тонок, и если для понимания Тацита требуется порою известное внимание, то вызванное напряжение вполне вознаграждается глубоким смыслом, скрытом иногда в краткой фразе, в метком слове. Не вина Тацита, что чтение его „Аннал" оставляет по себе тяжелое впечатление; эти отталкивающие картины не им выдуманы...». — История Екатерины II, т. I. СПб., 1890, с. 295.

власть бешенствует на рассудок, но свирепством своим устроя-ет себе стыд и посрамление, а ему славу» (*ann.* 4, 35, 14 слл.)[1], а также в *Песни исторической* (*hist.* 1, 1)[2]:

Когда Тацит, сей достойный
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
«Век счастливый наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
И вещать, что ты помыслишь».

Там же широко используются тацитовские картины из *Анналов:*

Одно слово, знак иль мысли —
Все могло быть преступленьем...
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
Чужды стали и опасны...
Ах, исчезли те сердечны
Излиянья меж друзьями,
Что всю сладость составляли
Бесед тихих, но свободных...
И доверенность в семействах
И в рабах, хоть редка, верность
Искаженны превратились
В недоверчивость, подобну
Стражу люту, что отъемлет
У несчастных услажденье
В бедстве томном, сон и слово[3].

Г. Р. Державин взял к первому тому своих *Сочинений*, посвященному Екатерине II, эпиграф из Тацита: «О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовместные — владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная

1. О повреждении..., с. 258.
2. ИС, с. 390.
3. ИС, с. 379.

безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого» (*hist.* 1, 1). По мнению П. А. Вяземского, Тацита переводил или собирался переводить Д. И. Фонвизин. «В журнале его, под заметкой 14-го февраля 1790 года, находим: „Поутру послал письмо к Государыне о Таците". Сколь нам известно, ответ был неблагоприятен... В бумагах Фонвизина не нашлось никаких следов ни перевода Овидиевых превращений, ни перевода творений Римского историка. Это потеря для нашей словесности»[1]. Вот оценка М. Н. Муравьева: «Краткость выражения его полна смысла. Все возвещает в нем глубокое знание человеческого сердца. Без страха, без ненависти, в щастливые времена Нервы и Траяна, изображал он хитрую жестокость Тиберия, слабоумие Клавдия и свирепства Нероновы. Тоюже кистию, которою писал развращение просвещенного народа, украсил он простые нравы и произшествия Германцов, которые в лесах своих сохранили неповрежденные нравы естественнаго человека»[2]. Н. М. Карамзин — еще не историограф Империи — рассуждает о *Русской истории* Левека: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы!»[3]. Автор *Философско-исторического рассуждения* сочувственно приводит в своей статье причины упадка ораторского искусства, обозначенные историком[4]. Позднее декабристы будут спорить, можно ли считать «нашим Тацитом» самого Карамзина: Рылеев, восхищенный описанием злодейств Иоанна Грозного, выскажется в пользу этого мнения[5], в то время как Каховский придерживается противоположного и ждет Тацита из народа: «Не все историки подобны Карамзину, деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто знает, может быть и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства»[6]. Н. М. Муравьев в *Мыслях об «Истории государства Рос-*

1. П. А. Вяземский, «Фонвизин», в: ПСс, СПб., 1880, т. V, с. 185. О *Метаморфозах* см. также с. 23.
2. Историки древности, с. 21–22.
3. Письма русского путешественника, с. 252.
4. Труды..., с. 150.
5. Декабристы-литераторы, I. ЛН, с. 318.
6. Ibid., с. 558, со ссылкой: Из писем и показаний декабристов. Под ред. А.

сийского» Н. М. Карамзина (которым предпослан самый знаменитый тацитовский эпиграф) также противопоставляет двух историков, парируя мнение Карамзина – «Где нет любви, нет и души» – репликой «Тацита одушевляло негодование» (возможно, формулировка испытала на себе влияние Ювенала)[1]. Н. И. Тургенев пишет: «Историческое действие, долженствующее быть интересным, привлекательным и поучительным, должно заключать в себе решение какой-нибудь задачи. Задача состоит в изъяснении состояния всего рода человеческого или известных частей оного, известных народов или городов, в изъяснении дел и происшествий, случившихся при сем состоянии. Сему определению соответствуют, например, самые годовые книги Тацитовы. (Хотя) их формат не обещает ничего иного, как только Aggregat единственных, нераздельных происшествий, и для того они ничего не заключают в себе такого, что бы не относилось к главнейшему предмету. Сей предмет состоял в том, чтоб из учреждения, сделанного Августом, очевидным образом произвести совершенное унижение и испорченность Римлян во всех ihren отношениях, как Граждан, как воинов, как людей»[2]. Нашим автором восхищается К. Д. Батюшков («Какой великий писатель Тацит! Какой философ! Какой живописец! Он вовсе не похож на обыкновенных историков. Он рисует фигуры, дает им приличное положение, окружает их природою». Особенно его поражают смерть Тиберия и смерть Агриппины[3]. *Анналы* цитирует в своих воспоминаниях М. А. Дмитриев по поводу декабрьского восстания: «Истина получает силу от рассмотрения ее и от времени; одна ложь от торопливости и слухов» (*ann.* 2, 39, 17–18)[4]. Один из самых образованных декабристов пишет о Таците: «Une page de Tacite fait mieux connoître les Romains, que toute l'histoire de Rollin, ou les rêveries de Gibbon»[5]. Ценит Тацита и декабрист А. О. Корнилович: это для него «красноречивейший историк своего и едва ли не всех последующих веков, глубо-

К. Бороздина. СПб., 1906, с. 18. – Мнение это было высказано в письме из Петропавловской крепости.

1. Ibid., с. 586.
2. АбТ, I, с. 116.
3. Сс, т. 2, с. 18.
4. Главы..., с. 244.
5. Лунин М. С. Письма из Сибири, с. 195–196: «Одна страница Тацита лучше знакомит с римлянами, нежели вся история Роллена или мечтания Гиббона».

комысленный философ, политик»[1]. Г. С. Кнабе считает, что Тацит всегда был и оставался для Пушкина одним из его любимых авторов[2]. 24.10.1826 г. А. В. Никитенко заносит в дневник такие строки о Таците: «В прошедшие дни в свободное от занятий время я читал Тацита. Какая мощь в этом историке! Рим в его время уже отжил свое исполинское величие, но оно вновь ожило на страницах его бессметного произведения. Он, очевидно, не думает поучать, но ни один историк не поучает столько, как он. И это не рассуждениями или нравоучениями, а силой самого повествования — убедительного в своей безыскусной простоте и ясности изложения. Сравнивая его с Плутархом, находишь между обоими большую разницу. Плутарх возвышен. Тацит велик. В одном сила, в другом могущество. Плутарх тоньше и просвещеннее, Тацит глубже и всеобъемлющее. Плутарх изобразил деяния великих людей золотыми буквами; Тацит вырезал их неизгладимыми чертами на скрижалях истории. Красота одного в красноречии, другого в отсутствии его. Читая Плутарха, восхищаешься им; читая Тацита, не с ним беседуешь, а с людьми и событиями минувших веков. Плутарх позволяет себе отступления, которые ему охотно прощаешь; Тацит всегда сдержан и владеет собой: он выше авторских слабостей. Плутарх философ; Тацит человек, гражданин и мудрец. Один создан, чтобы описывать деяния великих мужей, другой — чтобы быть самому таким»[3]. Молодого Гоголя, по свидетельству Н. С. Лескова, «особенно давило мнение Тацита, что „насмешки оставляют в уме смертельные уколы и ничего не исправляют“»[4] (по-видимому, имеется в виду *ann.* 15, 68); впоследствии он ссылается на Тацита в одной из статей сборника *Арабески* (в работах Гоголя, кроме этой, практически

1. Волк С. С. Op. cit., с. 179. Никита Муравьев перевел *О нравах германцев* еще пятнадцатилетним юношей — ibid., 181.

2. Русская античность..., с. 146. О влиянии Тацита на творчество Пушкина см. Покровский М. М. Пушкин и римские историки. В кн.: Сб. статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909; Малеин А. И. Пушкин. Аврелий Виктор и Тацит. В кн.: Пушкин в мировой литературе, Л., 1926; Амусин И. Д. Пушкин и Тацит. Временник Пушкинской комиссии, 6. М.—Л. 1941, с. 160—178; Кнабе Г. С. Тацит и Пушкин. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986.

3. Никитенко А. В. Дневник. Л., Государственное издательство художественной литературы, 1955, в 3-х тт., т. 1, с. 30.

4. Лесков Н. С. Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе. Сс в 11 тт., т. 11, с. 61.

нет упоминаний римских авторов)[1] и советует А. О. Смирновой-Россет читать его произведения[2]. «Бич тиранов» весьма ценим в московских западнических кругах 40–60-х годов. Т. Н. Грановский пишет из Берлина Я. М. Неверову: «Латынью я занимаюсь много и не без пользы, за то и награда была хорошая: я прочел и понял в подлиннике Тацита... У него более истинно человеческой грустной поэзии, чем у всех римских поэтов вместе. У него мало любви, но зато какая благородная ненависть, какое прекрасное презрение»[3]. П. А. Вяземский также читает и цитирует Тацита[4]. П. Н. Кудрявцев в посвященной Т. Н. Грановскому статье дает такую характеристику историку: «В творениях Тацита история впервые поднялась на степень высшего нравственного трибунала над отжившими ее деятелями... В том состоит особенность таланта и вечная заслуга истории Тацита, что из внешней сферы действия он перенес ее во внутреннюю область человека... Таким образом проложен был путь к *естественному* пониманию исторических явлений»[5]. А. И. Герцен черпает из Тацита материал для пьесы *Лициний*[6] и считает, что великий историк «бросил взгляд за пределы национального горизонта»[7]. Тацит – единственный писатель, которого Д. И. Писарев, один из вождей нигилистов, заклятый враг Пушкина, эстетики и классического образования, считал предпочтительным читать в подлиннике (из греческих классиков он эту честь оказывает Гомеру)[8]. Н. Я. Данилевский признает, что «Тацит стоит наравне с Фукидидом не как подражатель, а как достойный соперник»[9]. Тацит был любимым писателем В. И. Модестова, посвятившего ему свою магистерскую

1. *О движении народов в конце V века.* Сс в 7 тт., т. 6, М.: Художественная литература, 1978, с. 131–132.

2. Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Н. В. Гоголе. В кн.: Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989, с. 51.

3. Я. М. Неверов. Тимофей Николаевич Грановский. В кн.: Русское общество..., с. 343–344. См. также: Маслова Н. В. Т. Н. Грановский и его библиотека. В кн.: Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., Изд. МГУ, 1993, с. 28.

4. П. А. Вяземский, ПСс, т. IX, с. 153.

5. Римские женщины. Исторические рассказы по Тациту. В кн.: Кудрявцев П. Н. Лекции..., с. 207

6. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 173.

7. Ibid., с. 192.

8. Соч. в 4 тт., т. 2, с. 210.

9. Россия и Европа..., с. 96.

диссертацию[1]. Д. С. Мережковский в своем романе *Смерть богов (Юлиан Отступник)*, вообще основанном на материале Аммиана Марцеллина, использует образ центуриона по прозвищу *Cedo alteram*, позаимствованный из *Анналов* (1, 23)[2].

Плиний Младший. В XVIII столетии *Панегирик* популярнее, нежели письма (его влияние на литературу первой половины столетия еще ждет своего исследователя). В его традиции написан *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова[3]. Великий ученый использует плиниевы мотивы и в своей поэзии[4]:

Весьма необычайно дело,
Чтоб всеми кто дарами цвел:
Тот крепкое имеет тело,
Но слаб в нем дух и ум незрел;
В другом блистает ум небесный,
Но дом себе имеет тесный,
И духу сил недостает.
Иной прославился войною,
Но жизнью мир порочит злою
И сам с собой войну ведет.

М. Н. Муравьев ценит подражание выше оригинала (в том месте, где говорится о преимуществе Петра над другими героями): «Плиний младший, который повод подал к сему величественному воображению в своем Панигирике гл: IV не умел облечь его сим блистанием, в котором видим его у Ломоносова,

1. Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование. СПб., 1864.

2. Сс, т. I, с. 137, 160.

3. Яркий пример текстуальной близости — при описании внешности государя/государыни: Ломоносов — *non commemoro honorem capitis ad portandum diadema nati, non proceritatem, non firmitatem corporis principibus decoram...* (ПСс, т. 8, М.—Л.: изд. АН СССР, 1959, с. 261; ср. с. 241 «Того ради не изображаю словом блистающия лепоты лица Ея, являющия прекрасную душу, ни сановитаго возраста, Монархине приличнаго, ни величественной главы, к ношению венца рожденной...». Плиний (*Paneg.* 4, 7): *Iam firmitas iam proceritas corporis, iam honor capitis et dignitas oris, ad hoc aetatis indeflexa maturitas...* Довольно подробно о плиниевских заимствованиях Ломоносова: М. Т. Каченовский. Рассуждение о похвальных словах Ломоносова. В кн.: Труды ОЛРС при МУ, М.: в УТ, 1812, ч. III, с. 70—103.

4. Ода на день восшествия на престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года. — Избранные произведения. Вст. статья, сост., прим. А. А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1986, с. 123. Ср. *paneg.* 4, 5.

за тем что он искал только остроумных мыслей и сию тотчас оставил, как изчерпнул блеск оной»[1]. Экземпляр *Панегирика* на французском языке, принадлежавший И. И. Шувалову, весь испещрен карандашными пометами[2]. Перевод *Панегирика* дает возможность А. А. Нартову (1737–1813), учившемуся в петербургском Академическом университете и кадетском корпусе, впоследствии президенту Вольного экономического общества, сравнить Екатерину II с Траяном и отдать ей предпочтение. Это сочинение – руководство для монархов: «Красноречивая Кисть его беспристрастно представила потомству великолепную картину избавленного Траяном от многих бедствий, и в щастливое состояние приведенного Рима; и описала жизнь его аки особую Науку, по которой бы прочие Владыки народами управляти долженствовали»[3]. *Санкт-Петербургские ведомости* информируют читателей о появлении этого труда таким объявлением: «В луговой Миллионной у книгопродавца К. В. Миллера продаются новонапечатанные книги: 1) *слово похвальное Императору Траяну, сочиненное Римским Консулом Каием Плинием Цецилием вторым*, в разсуждении отменного красноречия и важности содержащихся в оном изображений, милосердного и правосудного правления Цесаря сего, славу приобретшее и на Российской язык переведенное, с кратким описанием жизни его, и с приложением гравированного портрета; каждой екземпляр по 1 р. 20 к.»[4].

Г. Р. Державин для 2-го тома своих *Сочинений*, посвященного Александру I, взял эпиграф из *Панегирика* (2)[5]: «Мы не намере-

1. Рассуждение о различии слогов, с. 20.

2. PANEGYRIQUE de Trajan, par Pline le Jeune. Traduit Par M' De Sacy, de l'Academie Françoise. A Paris, Par la Companie des Libraires. M. DCC XXII. Шифр – Ш-241. Для И. И. Шувалова такой стиль чтения вообще не характерен (как и интерес к античным древностям, если судить по тому фрагменту его библиотеки, который ныне хранится в Научной библиотеке МГУ). Кроме карандашных, на экземпляре есть несколько чернильных помет.

3. Слово похвальное Императору Траяну, говоренное Римским Консулом Каием Плинием Цецилием Вторым. Перевод Андрея Нартова Статского Советника, Берг коллегии, Монетного департамента, Санктпетербургского Экономического Общества, Лейбцигского ученого Собрания свободных Наук, и Московского Российского Собрания при Университете Члена. Печатано в Санктпетербурге 1777 года. См. также: Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества... ФЗ, вып. 1–2, 1905, с. 138–139. *Панегирик* был переведен с немецкого языка.

4. Прибавление К № 101 Санктпетербургских Ведомостей. Во вторник декабря 19-го дня, 1777 года.

5. Сочинения Державина, ч. II. СПб.: в типографии Шнора, 1808, с. [9].

ны ласкать ему нигде, яко существу высочайшему, или яко некоему божеству, ибо говорим не о тиране, но о гражданине, не о государе, но об отце Отечества, который почитает себя нам равным, но тем паче нас превышает, чем более равняет себя с нами» (слегка измененный перевод Нартова, с. 2). Возможно, к этому же источнику восходят его прекрасные стихи 1777 г. *На рождение в Севере порфирородного отрока*[1]:

Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек!

М. А. Дмитриев сетует, что в последующих изданиях Державина эпиграф из Плиния (как и приведенный чуть выше эпиграф к 1-му тому из Тацита) исчез[2]. Эту реплику Плиния (как и другой эпиграф Державина, тацитовский (см. ниже), К. Ф. Рылеев выписывает в свою рабочую тетрадь[3]. По оценке М. М. Сперанского, *Панегирик* «всегда будет образцом мыслей тонких, выражений остроумных, слога чистого, но вкуса повреждающегося»[4]. Фигура Плиния использовалась замечательным педагогом, инспектором, а затем директором Московского Благородного пансиона А. А. Прокоповичем-Антонским в воспитательных целях. Тот же М. А. Дмитриев — племянник знаменитого поэта, одно время бывшего министром юстиции при

1. *Paneg.* 2, 4: *Vnum ille se ex nobis – et hoc magis excellit atque eminet, quod unum ex nobis putat, nec minus hominem se quam hominibus praeesse meminit.* Хотя знакомство с Плинием несомненно — цитируется непосредственное продолжение эпиграфа, — возможно, не обошлось без Вольтера в качестве посредника: по крайней мере для формулировки (обращение к Флери о юном Людовике XV): Tout souverain qu'il est, instruis-le a se connaître: / Qu'il sache qu'il est homme en voyant qu'il est maître... («Он владыка; но научи его познать самого себя: видя себя властителем, пусть он знает, что он человек». *Henriade*, VII, 425 сл.). Этот же мотив мы видим у В. П. Петрова: «Средь почестей и хвал в душе Твоей во век / Пребудет впечатленно, / Пребудет живо и нетленно / Всех выше титло, человек» (*Путешествие Его Императорского Высочества Константина Павловича. 1799 года.* Соч., ч. II. СПб.: в Медицинской типографии, 1811, с. 275). Явное подражание Державину — *Ода* П. И. Голенищева-Кутузова *На всерадостный день рождения Е. И. В. АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО*, 12.12.1802: Приял венец — и глас раздался: / На Троне Царь и человек! (Стихотворения..., с. 101). Потом эта же мысль появляется у Жуковского в послании 1818 г. Великой княгине Александре Федоровне *На рождение В. К. Александра Николаевича* (в будущем — Александра II): Да на чреде высокой не забудет / Святейшего из званий: человек!

2. Мелочи..., с. 169–170.

3. Декабристы-литераторы. I. ЛН, с. 323.

4. Правила высшего красноречия, с. 113.

Александре I, И. И. Дмитриева, — вспоминает: «При этом указании я заметил, что он как-то чаще указывает на жизнь Младшего Плиния. Прочитавши ее, я понял, что ее-то он и почитал приличнее, и понял вот почему. В ней говорено было о знаменитом дяде его, Плинии Старшем, и сказано, что племянник шел по стопам его. — Это было и мне наставление, и дяде моему легонькой комплимент»[1]. В лекционном курсе П. Е. Георгиевского мы встречаем следующую оценку *Панегирика*[2]: «Превосходное произведение II в. красноречия римского, того века, когда витийство, лишась прежнего своего величия, затемняло наружными красотами и приятностями ума простые и истинные красоты слова, означавшие эпоху совершенства. Сочинение сие, не взирая на все свои недостатки, приносит честь Плинию и в потомстве». Я. Толмачев в предисловии к своему переводу *Панегирика* пишет: «Сие пространное похвальное слово... не есть, как некоторые думают, временная похвала витии, желавшего искусством красноречия льстить своему властелину; — оно есть сердечный глас знаменитого Писателя, беседующего с потомством о добродетельном Государе; — есть истинное изображение мудрого царствования, которое для добрых Государей может служить примером подражания, для счастливых подданных отрадною картиною их собственного благополучия: — картиною счастливых времен побуждаемый перевел я на Российской язык сие сочинение»[3]. В. К. Кюхельбекер делает вифинского наместника героем поэмы *Агасвер* и дает ему такую оценку[4]:

Вельможа Плиний во всей силе слова:
Любезность, величавость, ум и вкус —
Поступков и речей его основа;

1. Главы..., с. 70.

2. Георгиевский П. Е, с. 130.

3. Похвальное слово императору Траяну. Сочинение младшего Плиния, переведенное с Латинского О. П. Императорского Санктпетербургского Университета Яковом Толмачевым. СПб.: в типографии Н. Греча, 1820. Экземпляр из библиотеки Муравьевых, находящийся в ОРКиР НБ МГУ (шифр Мур. 1 Km 25, и. н. 3061), содержит многочисленные пометы, принадлежащие с высокой вероятностью Никите Михайловичу Муравьеву.

4. Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в двух томах, т. 2. М.—Л.: Советский писатель, 1967, с. 99. В примечаниях к главе Кюхельбекер бросает ценное признание: «Панегирик Траяну известен всем — несколько знакомым с классической литературою» (с. 109).

Он вместе и питомец Муз,
Философ и оратор,
Однако и в святилище наук
Все барин —царедворец и сенатор.

Н. И. Греч берет фразу из *epist.* 6, 16, 3, 1—3 эпиграфом для своего *Опыта краткой истории русской литературы* (СПб., 1822). В. И. Модестов считает, что «в его сочинениях, насколько они дошли до нас, мы видим писателя, прошедшего хорошую литературную школу и старательно заботившегося о внешней отделке своих произведений. На этих произведениях лежит печать утонченного образования, но чувствуется недостаток самостоятельной творческой силы писателя»[1]. Позднее Д. С. Мережковский включает очерк о Плинии в сборник *Вечные спутники:* «„Письма Плиния Младшего" — одна из самых удивительных книг, какие нам оставила древность, — особенный род литературы, близкий нашему современному вкусу, исключающий все условное и внешнее, немного поверхностный, но зато грациозный, очаровательно-разнообразный. Читается эта маленькая драгоценная книга, как интересный роман, полный живых характеристик, движения и страстей. Это — что-то вроде наших дневников, семейных записок или мемуаров XVIII века»[2].

Петроний. Д. С. Аничков в своей диссертации ссылался на Петрония, *frg.* 27[3]; благородный М. Н. Муравьев, интересуясь гражданской войной и Луканом, переводит антилукановский фрагмент из *Сатирикона*[4]. И. М. Муравьев-Апостол в *Продолжении писем в Нижний Новгород* приводит историю, по блеску фантазии достойную кисти Петрония: молодой и образованный асессор А. на суде цитирует в оригинале *sat.* 45, 9 (*кто не может побить осла, бьет его попону*); докладчик из семинаристов понимает во всем и переводит судье одно только слово *asinus;* председатель принимает его на свой счет; дело расследуется в

1. Op. cit., с. 727.

2. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., [3]1910, с. 52. Ср. далее: «Автор писем — не герой, не редкое исключение, а типичный представитель времени. Добродетели его — добродетели среднего хорошего человека той эпохи. Он не разыгрывает роли гения, напротив, — не хочет и не умеет скрывать своих маленьких недостатков» (с. 56).

3. Вестник МГУ, № 7, 1952, с. 162. См. также раздел о Лукреции.

4. Первое изд. — февраль 1774 г. в СПб. См. Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 269 слл.

течение нескольких лет: «Нужны были справки, потом надобен был точный перевод пословицы; и хотя учитель губернской школы, а после оного один дьячок трудились над оным, но судимый асессор отверг оба их перевода как неверные. Ближняя семинария, наконец, разрешила трудную эту задачу; однако же и тем дело не кончилось: надобно было еще открыть, подлинно ли существует такая пословица или она выдумана асессором, в чем, без сомнения, заключалась немалая важность. По счастию, А., одаренный необыкновенной памятью, не запинаясь, объявил, что она находится в Тите Петронии Арбитре.

Но где отыскать эту книгу, дабы удостовериться в истине слов ответчика? Один из присутствующих, поученее прочих, объявил, что о двух последних книгах он не знает, но в рассуждении первой помнит, что ему случилось брать у приятеля на прочтение весьма забавную трагедию „Титово милосердие"... „Братец, — сказал, толкнув его, сосед, — ты говоришь о французской книге, а здесь речь о латинской". Это заключение как светом озарило собрание. Бросились в ближайшее книгохранилище и там лишь спросили о Тите, Петронии и Арбитре, то библиотекарь, побледнев, дрожащим голосом отвечал им: „Образумьтесь! какие книжицы ищете вы в месте сем?" — Они, полагая, что смущение старца происходит от неведения причины их посещения, рассказали ему все то, что надобно было знать о пословице. Тогда, покачав головою, библиотекарь сказал им: „Слепотствующие! Петроний, о коем вопрошаете, есть треклятый язычник, коего единое имя сквернит уста, изрекающие оное. Не токмо призывающий его во свидетели, но и тайно читающий во храмине своей повинен уже есть истязанию"»[1]. В. И. Модестов ценит произведение, но не автора: «живо и талантливо рассказываются забавные и зачастую в самом обнаженном виде необыкновенно грязные истории, характеризующие мерзость нравов тогдашнего времени, но рассказываются не для того, чтоб их выставить на позор, как это требует сатира и Мениппова, и всякая другая, а просто для того, чтобы доставить читателю развлечение, какое, например, имеют в виду доставить нам современные романисты пикантного направления»[2]. Д. С. Мережковский в романе *Юлиан*

1. Письма..., с. 116–117.
2. Op. cit., с. 652.

Отступник цитирует *Сатирикон*[1]. Характерна оценка Н. Гумилева: «Среди... попугаев человеческого зверинца арбитр изящества Петроний занимает едва не первое место... Не ищите в его словах ни дивных откровений, ни лирического порыва. Он просто умен и холоден, и рассматривает жизнь, держа ее на весу, как не слишком драгоценный кубок»[2]. С. В. Шервинский в стихотворении *Сегодня у Тримальхиона...* рассматривает тематику Петрония на фоне знаменитой гесиодовской басни, напоминая о второй функции соловьиных языков — гастрономической.

Сенека Старший. На него ссылается Радищев, вспоминая о судьбе Лабиена и цитируя 10 *praef.*, 5: «Злодеи его... изобрели для него сие нового рода наказание» и, о том, кто подал эту мысль и потом подвергся той же участи: «Не злому какому примеру тут следовано, говорит Сенека, его собственному»[3]. Модестов считает его самым замечательным прозаиком времен Тиберия и высоко ценит его литературные достоинства: «Язык его не утратил еще склада классического времени и принадлежит к лучшим образцам прозаического языка римской литературы»[4].

Квинтилиан. В поэтиках, используемых духовными учебными заведениями, фигурируют три квинтилиановских совета (с добавлением одного горацианского). Приведем их по курсу Феофана Прокоповича: «Первое. Не писать слишком поспешно. „При быстром писании, говорит он, — выходит не хорошо, а если пишем хорошо, то выходит быстро“ (10, 3, 10 — *А. Л.*). Прежде всего нужно установить, чтобы писать как можно лучше, а скорость даст привычка. Второе. Добиваться лучшего, а не довольствоваться первым, что представится. Необходимо производить отбор предметов и слов, рассматривая важность каждого в отдельности, чтобы не всякое попавшееся слово заняло место. Третье. Если мы пишем что-либо довольно длинное, то для большего успеха следует... чаще перечитывать последние строки из уже написанного (10, 3, 6 — *А. Л.*). Ведь кроме того, что таким образом лучше достигается связь предшествующего с последующим, но и жар мысли, ослабевший

1. Сс, т. I, с. 57 *sat.* 23, 3.

2. Предисловие к «Матроне из Эфеса». В кн.: Гумилев Н. Золотое сердце России. Кишинев: Литература артистикэ, 1990, с. 519.

3. О повреждении..., с. 257.

4. Op. cit., с. 580; 585.

от перерыва в писании, как бы получив разбег, вновь обретает силу и подъем»[1]. Федор Ильич Козлятев, играющий роль *magistri elegantiarum* при И. И. Дмитриеве, дает ему прочесть в качестве пособий по изящной словесности не только курсы Баттё и Мармонтеля, но и книгу Квинтилиана[2]. Д. И. Хвостов, опираясь на последнего, спорит с Боало, низко ценившим латинскую трагедию, хотя Сенека ритор ему тоже не по вкусу[3]. Ал. И. Тургенев собирается использовать квинтилиановский эпиграф: «Естьли издам когда-нибудь короткой свой абрис Рус. Ист., то в предисловии скажу: *multa fiunt eadem sed aliter.* Quintilian.»[4]. «Квинтилианом новейших времен» называл П. Е. Георгиевский в своих лекциях Ж.-Ф. Лагарпа[5]. А. Ф. Мерзляков применяет квинтилианову оценку Овидия к Державину: «Может быть, о Державине скажут некоторые то же, что сказал Квинтилиан об Овидии: Nimius sui ingenii amator»[6]. Ссылается на Квинтилиана (6, 2, 30) В. М. Перевощиков в трактате *Опыт о средствах пленять воображение* (1815 г.)[7]. П. А. Вяземский обращает к поэзии В. П. Петрова слова Квинтилиана о Лукане[8], а квинтилиановскую характеристику Архилоха (10, 1, 60) Плетнев применяет к Баратынскому[9]. В. Золотов выбирает эпиграф из Квинтилиана для своей хрестоматии русской поэзии: «Юноши должны читать и заучивать сочинения не только изящные по слогу, но более нравственные. Посему должно избирать не только Авторов, но и части из их сочинений. Ибо и Греки иногда вольно писали, и из Горация некоторых мест я

1. Соч., с. 349–350. Ср. Толмачев Я., с. 17 сл.

2. *Взгляд на мою жизнь*, с. 48. Приведем еще одну реплику из записок: «Во все продожение долговременной нашей связи, он однажды только показал мне перевод свой элегии Катулла на смерть Проперция, или наоборот – точно не помню; но ни под каким условем не дал мне списать его» (с. 49).

3. ПС стихотворений, ч. IV, 1822, с. 146 слл. Приводятся мнения о Пакувии, Акции, Варии, *Медее* Овидия и др.

4. АбТ, вып. 2, СПб., 1911, с. 199.

5. Георгиевский П. Е., с. 135.

6. 10, 1, 89 («*чересчур самовлюбленный талант*»; цитата не совсем точная); Рассуждение о Российской Словесности..., с. 90; см. также Труды ОЛРС при ИМУ, М., в УТ, ч. XVIII, 1820, с. 32.

7. РЭТ, т. 1, с. 274.

8. П. А. Вяземский, ПСс, 1884, т. IX, Старая записная книжка, 1813–1852, кн. II, с. 24.

9. Эпиграф к статье *О стихотворениях Баратынского;* Северные цветы на 1828 год, СПБ., в типографии Департамента Народного Просвещения, 1827, с. 301.

не соглашусь изъяснять» (1, 8, 4 с сокращениями)[1]. И. И. Давыдов так пишет о риторе-наставнике: «Сей великий Ритор, наблюдавший образцовые произведения Греческих и своих отечественных Ораторов и Поэтов, сам преподававший науку о слове, в сочинении своем рассуждает о трех предметах: об *искусстве* (de arte), о *произведении* (de opere) и *художнике* (de artifice)... Все исследования Квинтилиана, отдельно взятые, драгоценны; оне близко подходят к идеалу науки о слове; до сих пор мы ссылаемся на них, как на верховные законы разума; но при всем высоком достоинстве творения Квинтилианова, мы не удовлетворяемся оным: обширнейший круг знаний в наше время и совсем иное назначение Красноречия требуют другого содержания и другой формы для науки о слове»[2]. С величайшим почтением цитирует Квинтилиана (1, 6, 45, 4–5: «превосходные слова», «великий Римской Ритор») лучший критик России в первой половине XIX в. С. П. Шевырев[3]. М. Н. Катков, человек, сделавший более чем кто-либо для создания в России системы классического образования во второй половине XIX века, в рецензии на книгу А. З. Зиновьева «Основания русской стилистики», дает *Воспитанию оратора* такую характеристику: «Листки новой книги, которая долженствовала быть пущена в мир под названием *реторики*, все копились и копились, наконец скопились в огромном количестве и составили громадную книгу. Квинтилиановы *Institutiones* представляют полный скелет когда-то бывшего, прекрасного, гармонически-стройного тела»[4]. Еще читал Квинтилиана Н. Г. Чернышевский[5]. В. И. Модестов ссылается на Квинтилиана, выражая надежду на то, что когда-нибудь будет написана неофициальная история русского образования[6], и в *Лекциях* характеризует *Воспитание оратора* как «сочинение, написанное на основе широкого изучения предмета, на основании столько-же теоретического, как и практического знакомства с делом ораторского образования...

1. Русская стихотворная хрестоматия. Собрана Васильем Золотовым, ч. II, М.: в УТ, 1829.

2. Части Словесности и систематическое оных расположение. – Лекция. – УЗ МУ, 1833, октябрь, № IV, с. 50–51.

3. Суждения об теории словесности, о произведениях и писателях русских, о словесности иностранной. В журн.: МП, ч. II, 1841, с. 217.

4. Отечественные записки. 1839, т. VI, разд. VI, с. 54.

5. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 228.

6. *Olim nominabitur, nunc intelligitur* (*inst.* 10, 1, 104). Модестов В. И. Школьный вопрос. СПб., ^{2}1880, с. 34.

проникнутое критическим духом, полное здравых суждений и чистого вкуса, представляет собой очень крупное произведение римской литературы и дает его автору место в ряду первостепенных латинских писателей»[1]. Позднее он становится достоянием историков педагогики (см., напр., посвященную ему главу в труде Л. Н. Модзалевского *Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен*[2]).

Плиний Старший. Ссылки на «Плиния естествописателя» неоднократно встречаются у Стефана Яворского: «Повествует историограф и естествописатель Плиний: что Кней Помпей, егда третий раз торжествоваше, победивши морских разбойников, и их весьма из Азии и из Понта изгнавши, во время торжества своего толикия показал богатства, еликия никогда же в Риме купно видени быша: маргариты дивнаго величества, три статуи златыя, короны из самых драгоценных маргарит тридесять две и пр. Но между всеми краснейший бысть престол из маргарит, на котором образ Кнея Помпея дивным художеством изваян бяше. Аз же реку: елико тот образ между прочими маргариты, толико вера во время торжества небеснаго дражайшая покажется»[3]. Неоднократно ссылается на «славного филозофа» Плиния В. Н. Татищев. В *Истории Российской* он посвящает целую 14-ю главу его свидетельствам (*Сказание Плиниа Секунда Старейшаго*), пользуясь при этом переводом К. А. Кондратовича (1735 г.)[4]. На Плиния ссылается Г. Н. Теплов в своей статье *Рассуждение о начале стихотворства*[5]: «Хотя Плиний будучи в истории натуральной много знающий человек, и описывает малевание: однакож в живописстве или дальней силы не знал, или оно не столь в его времена было совершенно, сколько в последующие. Он пишет, что перьвое и лучшее упо-

1. С. 683.

2. Ч. I, ^{3}1892, ^{4}2000 (так на титульном листе; на самом деле 1999), СПб.: Алетейя.

3. Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. В кн.: Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М.: Московский философский фонд РОССПЭН, 1996, с. 323. Имеется в виду *nat. hist.* 37, 12 слл.

4. Татищев В. Н. Сс., т. 1. М.: Ладомир, 1994, с. 162.

5. Ежемесячные сочинения..., 1755, июль, с. 10. См. также с. 6. Автор ссылается на свою прежнюю статью, уже процитированную нами; потому мы полагаем, что эту анонимную публикацию также легко атрибутировать. Кроме Плиния, ссылки на Варрона («Варрон когда хвалил стих Энниев, то похвальнее сказать не мог (Варрон о лат. язы: кн. 6, 3 стр. 72, 10) *что таковые де стихи в старину фауны певали.* («Фабулы де не к чему иному склоняются, как к отвращению людей от пороков»), с. 13.

требление в растворении красок было мел и индиг, или по нашему крутик, которым ныне сукна красят. По чему догадываться можно, что в старину были только картины однофарбные, и изображалися одною тению и светом, которые сам Плиний называет Monochroma...». К числу читателей Плиния относится и знаменитый московский поэт Н. П. Николев, позднее в примечаниях к *Лиро-Дидактическому посланию* Е. Р. Дашковой так резюмировавший свои впечатления: «Жадничая в моей молодости поглотить все что разум мой приять лишь мог из сокровищниц преданных нам с пищею, собранною и уготовленною премудростию человеков, всегда я обжирался первым куском взору моему попавшимся... Хотя История света, Плинием созданная, и младше Аристотелева о животных рассуждения; но быв предложена мне прежде всех рода сего сочинений, столь убедительно во всех своих частях меня удостоверила, что я по легкомысленной молодости спесивился знать все тайны натуры; и когда приятель мой, доброй и умной Профессор Вигант, советовал мне еще полюбопытствовать, указывая на Бюфона, и на прекраснейшее позорище Плюша: тогда я смеялся желанию ево советывать мне читать повторение... Но едва прочел, не удержав любопытства моего и двух помянутых Природы испытателей – древний кумир исчез... Я увидел, что сей неоспоримо Гений, захотев возлететь за пределы ему предписанные... потерял из виду и те истинны, кои остроумие его могло бы нам показать чисто, ясно, а не в том мрачном составе, в котором оные нам преподал. Менее бы гордости, менее бы корыстоумия, и более было бы доказательств, более пользы потому, что бремя отвечало бы силам; не вся бы натура вобрана была в помышление, но часть – две, и Плиний оставил бы без трудов своих последователей объяснять то, что им оставлено без объяснения»[1]. *Естественную историю* читал Карамзин; он вспоминает, что естествоиспытатель называет статую Лаокоона среди украшений дворца Тита[2]. Студент Т. О. Рогов в работе *О чудесном* цитирует 37, 1, 2: «Плиний говорит, что в очах разума природа еще удивительнее кажется в малых предметах»[3]. Эпиграфом для *Речи о побудительных причинах, совершенствовать Сельское Хозяйство в России преимущественно*

1. Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии Члена, ч. III. М.: в Университет ской типографии, 1796, с. 220 слл.

2. Письма русского путешественника, с. 425.

3. РЭТ, т. 1, с. 343.

пред другими отраслями народной промышленности и о мерах, существенно к тому относящихся, произнесенной в торжественном собрании МУ 4 июля 1823 г., шеллингианец проф. М. Павлов выбирает *nat. hist.* 7, 6, 7—7, 3. В связи со своим интересом к естественным наукам высоко ставил Плиния Герцен. Он взял эпиграф из *Естественной истории* («Незнание природы величайшая неблагодарность»[1]) к своей статье 1845 года *Публичные чтения г-на проф. Рулье* и не раз ссылался на Плиния[2], сравнивая с ним А. Гумбольдта[3]. В его глазах наряду с некоторыми своими современниками Плиний — представитель родственного переходного поколения: «Посмотрите, какие страшные слова вырываются иногда у Плиния, у Лукана, у Сенеки. Вы в них найдете и апотеозу самоубийству, и горячие упреки жизни, и желание смерти, да какой смерти — „смерти с упованием уничтожения!" — „Смерть — единственное вознаграждение за несчастие рождения, и что нам в ней, если она ведет к бессмертию? Лишенные счастия не родиться, неужели мы лишены счастия уничтожиться?" (Hist. Nat.) (7, 190? — *А. Л.*). Это говорит Плиний. Какая усталь пала на душу людей этих, какое отчаяние придавило их!»[4]. Фразу из *nat. hist.* 18, 35 *latifundia perdidere Italiam* использует Н. Г. Чернышевский в статье *Капитал и труд*[5]. В. И. Модестов относится к Плинию с большим уважением: «К достоинствам сочинения Плиния принадлежит то, что оно проникнуто высоким нравственным настроением, вытекающим, с одной стороны, из глубокой любви автора к природе, которую он обоготворяет и перед величием которой преклоняется, с другой — из его расположения к нравственно-философской системе стоиков... Слог Плиния во многих вступлениях к книгам отличается сжатостью и силою, но, вообще говоря, неровен... нередко сух и темен и по местам даже не вполне правилен»[6]. *Nat. hist.* 8, 157 цитирует Пьер Ламор в ро-

1. Как представляется, имеется в виду *nat. hist.* 2, 159: *Inter crimina ingrati animi et hoc duxerim quod naturam eius ignoramus.* В афоризм эта фраза превращается с утратой местоимения; перевод сделан ad hoc.

2. Тахо-Годи А. А. П. а. к. у Герцена, с. 137.

3. Ibid., с. 198.

4. Цит. по: Страхов Н. Герцен. В кн.: Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки, кн. 1. Киев, ^{3}1897, с. 74. Страхов справедливо видит в этих словах не что иное, как выражение пессимизма как основополагающего элемента мировоззрения Герцена.

5. Тахо-Годи А. А. Проблема античной культуры у Чернышевского, с. 212.

6. Op. cit., с. 672.

мане М. Алданова *Заговор*[1], намекая на подготовку к убийству Императора Павла I.

Авзоний. Стих *Est in arundineis modulatio musica ripis* (*epist.* 29, 13) Ф. И. Тютчев взял эпиграфом к стихотворению *Певучесть есть в морских волнах* (в первоначальном варианте это было заглавием). Не владеющий древними языками русский читатель впервые смог познакомиться с представительной подборкой поэта в переводе В. Я. Брюсова, который так оценил бордосского классика[2]: «В этом неисправимом риторе, в этом стихотворном болтуне, в этом придворном, который в глубине души всегда оставался школьным учителем, все же был поэт. Напитанный всеми элементами своего века, страдающий всеми его недугами, разделяющий все его худшие литературные предрассудки, Авсоний иногда достигал той высоты искусства, где исчезает различие веков и народов, языков и литературных школ...» Волошину Брюсов признавался: «Правда, Пушкин не пришел в римской литературе, но пушкинский период настал. Рутилий и Авзоний мне ближе всего»[3].

Клавдиан. И. М. Муравьев-Апостол применяет цитату о Риме для пережившей наполеоновский натиск Москвы[4]. А. Ф. Мерзляков судит его строго: «небольшие эпические сочинения *Клавдиана*, частию не оконченные, и только по местам стихотворные»[5]. Высока оценка Катенина: «Позднейший из римских

1. «Плиний говорит, что лошади льют слезы, когда их хозяевам грозит опасность» — Заговор. Святая Елена, маленький остров, с. 193.

2. Брюсов В. Я. Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония. «Русская мысль», 1911, III, с. 44.

3. Волошин М. А. Op. cit. (см. раздел о Вергилии). Ср. В. Шершеневич, *Великолепнй очевидец:* «Брюсов... с восторгом рассказывал нам о латинском поэте Авсонии, писавшем стихи, внутри которых по вертикалям можно было прочесть приветствие; стихи в одну строчку. Уж не отсюда ли знаменитое „О, закрой свои бледные ноги"?.. Я как-то послал Брюсову стихотворение, подобное авсоньевскому... В словах, не разбитых интервалами, можно прочесть: „Валерию Брюсову" — по диагонали и „От автора" — по вертикали. Брюсов немедленно ответил неопубликованным таким же стихотворением, в котором по двум диагоналям можно было прочесть: „Подражать Авсонию уже мастерство", а по вертикалям — „Вадиму Шершеневичу — от Валерия Брюсова". К сожалению, все письма и стихи (нигде не напечатанные) Брюсова у меня пропали». В кн.: Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., МР, 1990, с. 456–457.

4. Письма... Письмо 1, с. 7. Перевод автора: «Никто из напавших на сей город безумною бранию не возвращается, радуясь, что осквернил оный. Боги не оставят обители своей».

5. Краткое начертание..., с. 218.

эпиков, Клавдиан, по мнению моему, всех (разумеется, кроме Вергилия) превосходит пиитическим дарованием, тем более удивительным, что в его время... ум человеческий во всех отраслях упал до земли. От надутости, ипербол и ложного вкуса автор того времени едва ли мог предохраниться, и потому, конечно, Клавдиан очень отстоит от истинно хороших поэтов; в сравнении же с нынешними, например с Бейроном, он не только станет наряду, но, вероятно, при подробном сличении окажется в нем меньше дурного и больше хорошего»[1]. В том же духе оценивает его и В. И. Модестов: «несомненный талант в эпическом роде»[2] (оценка эта особенно красноречива на фоне общего пренебрежительного отзыва об остальных, кроме Рутилия).

Светоний. Этот историк никогда не был для русского читателя фигурой первостепенной важности. Чаще можно встретить без ссылки (возможно и вероятно, из вторых рук) анекдоты из его биографий, нежели отзыв о впечатлении, произведенном на того или иного знатока. Санкт-Петербургские ведомости дают подробный анонс его перевода: «При Санктпетербургской Академии Наук в Книжной лавке, вступила в продажу Книга: *Каия Светония Транквилла*, Жизни перьвых XII Кесарей *Римских*, переведенная с *Латинского* языка Г. Ильинским, в двух частях. В 8ю долю листа; цена обеих частей 1 руб. 50 коп. *Светоний*, один из числа Классических[3] Писателей, в изображении жизней *Юлия Кесаря*, *Октавия Августа*, *Тиверия*, *Калигулы*, *Клавдия*, *Нерона*, *Гальбы*, *Отона*, *Вителлия*, *Веспасиана* и двух *Домитианов*, следовал самой истинне, (выключая те места, где говорит о *Християнах*) и не умолчал ничего о делах сих Государей, не только до всего общества касающихся, но все частныя их добродетели и пороки подробно представил. В сей Книге изображается *Римская* древность, подробно описываются многие Законы, общенародные и частные обряды, Уставы и Сенатские Определения, о коих другие Писатели не упоминали. Слог его приятен, чист и важен. Переводчик, в преложении своем на *Российский* язык, ему подражать старал-

1. Размышления и разборы, с. 79.
2. Op. cit., с. 751.
3. *Классическими Писателями называют тех, которые в своих Сочинениях явили отменную приятность слога, чистоту языка, истинну в повествованиях, и могут служить другим примером и путеводителями.*

ся»[1]. П. В. Завадовский формулирует свое отношение в виде σύγκρισις: «С Плутархом я знаком от юности в переводе латинском. Изображением вещей восхищает внимание. Кисть его всегда прелестна и невсегда правдива. Нередко, отходя от простой истины, предпочитал оной блистательные басни, которым мог дать свой удивительный покрой. Светон, несколько предшествовавший ему и от которого заимствовал, сколько мал против величайших дарований Плутарха, столько вернейший писатель»[2]. А. Н. Радищев в *Песни исторической* использует сообщенную в жизнеописании Августа реплику умирающего принцепса (*Aug.* 99):

И, кончину видя близку,
С твердостью вещал стоящим:
«Се конец игры, плещите»[3].

В. С. Филимонов знает историю с приглашением Катулла (*Iul.* 73) и пересказывает ее в поэме *Обед*[4] (интересно, что в ее исторической части упоминается Лукулл, но нет ни слова о Петронии). Л. А. Мей упоминает в поэме *Цветы* трагедию Нерона *Canac[h]e parturiens* (*Nero* 21, 3), а также другие подробности биографии императора-трагического актера[5]. В. И. Модестов считает, что в сочинениях Светония «виден писатель, не обладающий ни широким историческим кругозором в понимании событий, ни тонким психологическим анализом при рассмотрении личных мотивов... но тщательный в работе, добросовестный в исследовании и трезвый в изложении. Все показывает, что он прошел хорошую литературную школу...»[6]. М. А. Алданов дает нашему биографу устами Пьера Ламора уничижительную характеристику: «порнограф Светоний, не уступающий во многих отношениях гражданину де Саду»[7]; в другом месте Светоний у него — «древний лгун»[8]. А. А. Ахматова оце-

1. Санктпетербургские Ведомости, № 8, в пятницу Генваря 27 дня 1777 года, с. [8].
2. Листовский И., op. cit., с. 136.
3. ИС, с. 378.
4. Поэмы. Стихотворения..., с. 127.
5. Избранные произведения, с. 125 слл.
6. Op. cit., с. 743–744.
7. Девятое термидора, с. 290.
8. Заговор. Святая Елена, маленький остров. М.: МР, 1989, с. 193. Ср. ироничную характеристику в романе *Истоки:* «В характеристике министра про-

нивает реплику «в хулителях у Вергилия не было недостатка» как «первоклассный эпиграф»; по поводу книги она говорит: «Светония, Плутарха, Тацита и далее по списку — читать во всяком случае полезно. Что-то остается на всю жизнь. Знаю по себе — кого-то помню с гимназии, кого-то с „великой бессонницы", когда я прочла пропасть книг... „Божественному Августу" не прощаю ссылки Овидия»[1].

Флор. В. Н. Татищев считает Флора (наряду с Цицероном, Т. Ливием и Тацитом) среди «необходимо нуждных имянуемых авторов классических», упрекая московскую Спасскую школу за то, что там их не читают[2]. М. Н. Муравьев пишет: «Флор изобразил в краткой картине произшествия республики, писатель более красивой, нежели важной»[3]. М. М. Сперанский дает тонкие наблюдения над стилем Флора: «Флор, описывая войну Македонскую, в трех словах дает совершенное об ней понятие. Introisse, говорит он, victoria fuit. — надобно было только появиться, чтоб одержать победу. Он одною чертою изображает все дела и всю жизнь Сципионову, когда говорит о его младенчестве: *Hic erit Scipio, qui in exitium Africae crescit.* Он дает вдруг разуметь и силу Римлян, и характер Аннибала, и положение вселенныя в сих словах: Annibal profugus ex Africa hostem populo Romano toto orbe quaerebat. Часто тонкость мыслей держится на неприметном различии двух слов, кои с первого взгляду кажутся тожезначущими. Так тот же самый Флор все ошибки Аннибаловы выражает в сих словах: Cum victoria posset uti, frui maluit. Здесь *uti* и *frui*, два слова близкие, но поставленные в различном смысле, делают всю тонкость мысли»[4]. В. И. Модестов считает его сочинение «красноречивым доказательством, что еще при Адриане производительность в области римской историографии кончилась... В Юлии Флоре мы имеем писателя, небогатого мыслями и бедного познаниями, но все-таки продолжавшего в стилистическом отношении предания первого века империи»[5].

фессор следовал литературному методу Светония, который для начала почтительно отмечал достоинства своего цезаря, а затем рассказывал о нем самые ужасные невероятные истории». Истоки, М.: Известия, 1991, т. 1, с. 184.

1. Найман А. Г. Op. cit., с. 289—290.
2. Разговор дву приятелей..., с. 108.
3. Историки древности, с. 22.
4. Правила высшего красноречия, с. 110—111.
5. Op. cit., с. 745.

Аммиан Марцеллин. В. И. Модестов хвалит его за то, что он «человек образованный и мыслящий», но порицает за недостаточное владение латинским языком[1]. Обильно черпает из его *Истории* материал для своего романа *Смерть богов (Юлиан Отступник)* Д. С. Мережковский, который выводит его на последних страницах в качестве персонажа, играющего роль авторского рупора.

Симмах. С большой симпатией выведен в романе В. Я. Брюсова *Алтарь Победы* (не исключено, что Брюсов был единственным читателем одного из последних защитников язычества; именно за это он и любил Симмаха).

Апулей. Сказку об Амуре и Психее использует — по-видимому, в большей степени косвенно, через Лафонтена, — И. Ф. Богданович для своей *Душеньки*[2]:

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами...
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.

Первый перевод *Метаморфоз* (М., 1780) принадлежит перу одного из крупнейших поэтов XVIII столетия Е. И. Кострова; в поколении рубежа XIX–XX веков его преданным поклонником и переводчиком был М. А. Кузмин, воспевший его в *Александрийских песнях.*

Авл Геллий. Рекламное объявление в «Московских ведомостях» о первом переводе на русский язык звучит так: «*Авла Геллия Афинских ночей записки; в 2 Частях. Перевод с Латинского языка.* — Сия книга содержит в себе краткие, любопытные и

1. Op. cit., с. 755–756.

2. Стихотворения и поэмы, с. 47. Свидетельство популярности сюжета — в анонимной оде на французском языке, написанной в честь бракосочетания В. кн. Павла Петровича и Натальи Алексеевны, принцессы Гессен-Дармштадтской: De la tendre Psyché la flâmme renaissante, Sous les yeux de Venus, passe au sein de son fils... Ode à l'Amour. À l'occasion du mariage de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc de toutes les Russies avec Son Altesse Impériale Madame La Grande duchesse, Natalie Alexiewna, née Princesse de Hesse Darmstadt, de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg. <1773>, p. 7.

замечания достойные выписки из древних Греческих и Римских Писателей о разных предметах общежития, Наук, Истории, художеств, кои не могут не быть приятны для чтения всем Любителям древностей, и разпространяя из сведения доставят им вместе и приятное времени препровождение»[1]. М. А. Дмитриев применяет к себе его слегка искаженную реплику из предисловия к *Noctes Atticae* (17): «пишу не столько для поучения, сколько для напоминания», *non docendi magis quam admonendi gratia scribo*, определяя жанровый характер своих *Мелочей*[2]. Эти же слова Н. Надеждин берет эпиграфом для своей латинской диссертации *De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit*[3]. Своей самостоятельной жизнью живет в русской поэзии цитата из Варрона (13, 11, 1–2): на эту тему пишет стихотворение *Обеды* Е. А. Баратынский:

Хотите ли, чтоб ум, воображенье
Привел обед в счастливое броженье,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как знатоки Эллады завещали?
Старайтеся, чтоб гости за столом,
Не менее харит своим числом,
Числа камен у вас не превышали.

а В. С. Филимонов включает его в свой *Обеденный устав* (§ 9)[4]:

Итак, обеденный союз,
Когда толпы к нему не кличем,
Мы поневоле ограничим
От счета граций счетом муз.

Приговор В. И. Модестова — вполне понимавшего значение *Аттических ночей* — убийственно суров: «Трудно себе представить большую скудость производительной силы, более жалкое

1. 1787, № 102, декабря 22, среда, с. 963.

2. Мелочи из запаса моей памяти, с. 241.

3. Dissertatio historico-criticoelenctica. Conscripsit examinique eruditorum publico submittit Sanctiorum Humaniorumque Litteratum Magister Nicolaus Nadeždin, gradum Humaniorum Litterarum Doctoris legitime obtinendum praetendens. Mosquae. Typis Universitatis Caesareae, 1830, p. 2.

4. Поэма *Обед.* — Поэмы. Стихотворения..., с. 155. Этот фрагмент цитирует и В. Я. Брюсов в рассказе *У Мецената* (Избранная проза. М., 1989, с. 23).

погружение в пустяки, большую узкость миросозерцания, не умевшего из четырехсот прочитанных сочинений извлечь ничего, кроме того, в чем выражалась какая-нибудь особенность выражения и словоупотребления»[1].

Отцы Церкви. «Книга святаго Августина, западнаго учителя, епископа Иппонского, на две части расположенная» сохранилась в списке конца XVII века[2]. *Апологию* Тертуллиана цитирует Феофан Прокопович в *Слове о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть*[3]. Знаком с его творчеством — хотя бы в общих чертах — и В. Н. Татищев: «Междо всеми же в те первые времяна Ориген и Тертулиян в науках филозофских преизясчествовали и сильные победители язычников были, преизрядные книги писали, но потом сказуют о них, что в противные мнении впали»[4]. Минуция Феликса[5] и св. Августина[6] цитирует А. Д. Кантемир в философском трактате *Письма о природе и человеке.* На Арнобия сочувственно ссылается Радищев, выступая против цензуры: «Иные вещают, говорит он, полезно для государства, чтобы сенат велел истребить писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые опровергают важность древней религии. Но запрещать писания и хотеть истребить обнародованное не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствованныя»[7]. Крестник Екатерины II князь Дмитрий Голицын, отправившись в 1792 году в США под предлогом завершения своего образования, увозит на сердце книжку, данную матерью в момент отъезда — *Исповедь* Августина[8]. М. М. Херасков пишет в стихотворении *Размышление о Боге*[9]:

1. Op. cit., с. 748.

2. Соболевский А. И., Переводная литература Московской Руси..., с. 195 слл. Списком *Жития* Августина владел еще Андрей Курбский.

3. Соч., с. 87.

4. Разговор... Избранные произведения, с. 80.

5. Соч., письма и избранные переводы, т. 2, с. 89.

6. Ibid., с. 54, 61, 63, 65.

7. О повреждении..., с. 258.

8. Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien Régime — L'Émigration — Les invasions. Paris, 1886, p. 233.

9. Аониды, или Собрание разных новых *стихотворений,* книжка II. М.: в УТ у Ридигера и Клаудия, 1797, с. 2. Надо сказать, что в масонских кругах, группировавшихся вокруг Университета, Августин пользовался большой популярностью: в «Росписи книгам, печатанным в УТ у поручика Новикова, кои по свидетельству оказались, как ниже сего значит, а именно» (прил. 10 к труду Лонгинова *Новиков и московские мартинисты,* с. 424 слл.), упоминается четыре книги

Блаженный Августин небесною трубой
Воззвал меня итти повсюду за Тобой;
Он быстрое приняв в подсолнечной паренье,
Искал Тебя, искал, искал во всем творенье;
Искал на сей земле, искал в звездах Тебя —
Не там, не там нашел — но в сердце у себя!

Н. П. Николев пишет *Подражание святому Августину, созерцающему с одной стороны Иисуса Христа распятого, а с другой Иисуса Христа младенцом, сосущим млеко из грудей Девы. Августин начинает тако: Hinc pascor a vulnere, hinc lactor ab ubere; positus in medium, quo me vertar, nescio*[1]. П. Е. Георгиевский в своем лекционном курсе кратко останавливается и на церковной литературе латинского Запада[2]: «Лактанций, Минуций и св. Августин имеют довольно живости и силы; но все они заражены были вкусом того века, привязанностью к надутым и напряженным мыслям и к игре слов». «Новым российским Лактанцием» называет известный архимандрит Фотий А. С. Шишкова, только что назначенного на пост министра просвещения: «Я же радуюся, и спасения и утешения от св. Духа тебе прошу, и целую тебя за премудрую, острую, и священную апологию противу врага церкви, отечества, и хитрого зверя рыси»[3]. Мысль Августина о красоте как единстве популярна среди писателей и ученых первой трети XIX в., рассуждающих об эстетике. Так, В. М. Перевощиков в примечании: «Некоторые места („Epist. 151 ad Nebridium de vera Religione", cap. XXX et seq.) в сочинениях св. Августина, епископа Гиппонского, показывают, что он имел обширнейшее, гораздо отвлеченнейшее, нежели его предше-

Августина (*Единобеседование души с Богом*, 1783; *Ручная книжка*, 1783; *Карманный псалтырь*, ²1783; *Святые и душеспасительные размышления*, 1784, кроме того, в компании типографической *Августина Блаженного дух или мысли*, 1787, *О духе и письме*, б. г.; в московских лавках, как видно по «Реестру книгам в силу Высочайшего Е. И. В. именного указа из разных в Москве лавок отобранным и следующим к доставлению святейшего правительствующего Синода в контору», имелись в в продаже того же автора *Таинственная Богословия*, СПб., б. г. и изд., *Богословские размышления*, СПб., у Овчинникова, 1786, в то время как Цицерон представлен одной книгой (*Писем одиннадцать Цицероновых*, 1784; кроме того, в УТ были опубликованы Апулей *Золотой Осел*, 2 ч. 1780—1781, Евтропий *Сокращение Римской истории*, ²1779, Лактанций, *Лактанция Фирмиана Божественных наставлений*, 7 книг, 2 ч., 1783. Пропорция весьма показательная!

1. Творении Николая Петровича Николева..., ч. I. М.: в УТ, 1795, с. 287 слл.
2. Георгиевский П. Е, с. 135.
3. От 13 мая 1824 г. Русская старина, I, 1870, с. 509.

ственники, понятие об изящном»[1]. Князь Н. Б. Голицын пишет в своем дневнике:

«De nuages épais le firmament se voile,
Déjà la sombre nuit étend partout son voile,
Les ténèbres avec elle amènent la terreur,
Tous les vents déchainés soufflent avec fureur,
Un horrible ouragan chasse et fait mugir l'onde.
Quelque soit le destin qui m'attende en ce monde,
Je l'accepte avec joie, ô Seigneur de bonté!
Et si je dois périr, c'est par ta volonté!
Oui, mer, engloutis moi, si le Seigneur l'ordonne,
Qu'ábimé dans les flots ma dernière heure sonne,
Je bénirai la main, qui m'enverra la mort,
Car à toi, mon Sauveur, j'abandonne mon sort.
Sous ton aile abrité, que pourrai-je encor craindre?
Et les derniers élans échappés à mon cœur,
En sentant sa chaleur sur le point de s'éteindre,
Seront soupirs d'amour vers un monde meilleur.
(Imité de S-t Augustin).

Не так еще давно я набирал эти стихи, читая творения любимого моего витии блаженного Августина, и никак не полагал, что скоро мне самому придется испытать ту крайность, которую они изображают»[2].

Возможно, к Августину восходят слова Н. В. Гоголя в неот-

1. РЭТ, т. 1., с. 402 (в прим.). Ср. также: П. Е. Георгиевский. *Введение в эстетику*, т. 1, с. 196 («гораздо обширнейшее понятие об изящном, нежели его предшественники»); И. П. Войцехович. *Опыт начертания общей теории изящных искусств*, с. 300; И. Н. Средний-Камашев. *О различных мнениях об изящном*, т. 2, с. 374–375.

2. Поездка в полуденную Россию к берегам Тавриды в 1844 году Князя Николая Борисовича Голицына. МП, 1845, ч. III, № 5 и 6, с. 166–167. — «Небесная твердь окутывается густыми облаками, и уже темная ночь повсюду простирает свой покров. Сумерки приносят ужас, с яростью мятутся сорвавшиеся с привязи ветры, и зловещий ураган гонит волну, а она стонет под его властью. Какова бы ни была участь, ожидающая меня в сем мире, я с радостью принимаю меня, о Господи блага! — и если я должен погибнуть, я должен погибнуть по твоей воле. Да; поглоти меня, море, если таков приказ Господа; пусть в бездне его вод пробьет мой последний час, и я благословлю руку, предающую меня смерти, ибо тебе, Спаситель, я вверяю свою судьбу. Чего бояться мне под Твоим крылом? И последним порывом моего сердца, когда тепло уже будет покидать его, станет вздох любви к лучшему миру».

правленном письме к В. Г. Белинскому: «Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин небесного гражданства»[1]. А. И. Герцен видит в Отцах Церкви — прежде всего в св. Августине — родственные души, оценивая радикализм разрыва с прошлым: «Отрицание полное мощи, надежды, откровенное, беспощадное и уверенное в себе. Возьмите *De civitate Dei* Августина и полемические сочинения первых христианских писателей — вот как надобно отрекаться от старого и ветхого»[2]. И. В. Киреевский недоволен чересчур «логическим» характеров Отцов Западной церкви: «Тертуллиан, может быть самый красноречивый из богословских писателей Рима, особенно поражает своею блестящею логикою, наружною связностию своих положений; многие из его произведений навсегда остаются украшением церкви, хотя самое излишество логической способности или, лучше сказать, ее отделенность от других сил разума увлекла его в ту крайность, где его учение уже оторвалось от учения чисто христианского. Счастливее был его знаменитый ученик св. Киприан, хотя не менее его замечателен особенностию своей логической силы. Но ни один, может быть, из древних и новых Отцов Церкви не отличался столько любовию к логическому сцеплению истин, как блаженный Августин, по преимуществу называемый учителем Запада. Некоторые сочинения его являются как бы одна из кольца в кольцо неразрывная сомкнутая железная цепь силлогизмов. Оттого, может быть, увлекался он слишком далеко, за наружною стройностию не замечая внутреннюю односторонность мысли, так что в последние годы своей жизни должен был сам писать опровержение некоторых из своих прежних утверждений»[3]. Графиня Е. Ростопчина берет для своего стихотворения *Поэтический день* эпиграф из Августина (*L'âme contemplative fait à elle-même une solitude*)[4]. К. К. Случевский берет эпиграфом для стихотворения *Я помню, было так: как факел Евменид...* *civ.* 20, 14: на Страшном суде «каждому придут на память все дела его, добрые или худые, и ум с

1. Сс в 7 тт., т. 7, 1979, с. 363.

2. Цит. по: Страхов Н. Op. cit., с. 75.

3. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. — В кн.: И. В. Киреевский. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979, с. 262.

4. МП, 1845, ч. VI, № 11, с. 1–2 («Созерцательная душа сама себе создает уединение»).

чудной скоростью увидит их»[1]. К. П. Леонтьев в статье 1880 г. *Как надо понимать сближение с народом?* для иллюстрации исторического пессимизма подробно останавливается на *Граде Божием*. Илария Пиктавийского с большой симпатией выводит в своем романе *Юлиан Отступник* Д. С. Мережковский, изображая его борьбу против Констанция на Медиоланском соборе[2]. Он же вкладывает в уста одному из своих героев выдержку из труда Фирмика Матерна *De errore profanarum religionum*[3]. На *Апологетик* Тертуллиана (28) ссылается в вышеупомянутом трактате И. А. Ильин[4], подчеркивая уважение христианского автора к монарху.

1. Случевский К. К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Современник, 1988, с. 237.
2. Cc, т. I, с. 122.
3. Ibid., с. 71–72.
4. Ильин И. А. Сс в 10 тт., т. 4, М.: Русская книга, 1994, с. 470.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Н. М. Благовещенский. О характере и значении римской литературы. ЖМНП, 1867, IV. * М. Л. Гаспаров. Литература европейской античности: Вступление; Эллинистическая литература III–II в. до н. э.; Римская литература III–II вв. до н. э.; Греческая и римская литература I в. до н. э.; Греческая и римская литература I в. н. э.; Греческая и римская литература II–III вв. до н. э.; Синхронистическая таблица. История всемирной литературы, т. 1. М.: Наука, 1983. * Его же. Поэт и поэзия в римской культуре: Культура древнего Рима, т. 1. М.: Наука, 1985. * М. Грабарь-Пассек. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. * В. С. Дуров. История римской литературы. Филологический факультет СПб. ун., 2000 (с библ. к отдельным главам). * Ф. Ф. Зелинский. Из жизни идей, т. IV: Возрожденцы, вып. 1 (Гомер – Вергилий – Данте, Плавт – Шекспир); вып. 2 (Образ Прометея у Эсхила и Гяур Байрона; Шекспир: «Антоний и Клеопатра», «Перикл», «Лукреция», «Венера и Адонис»). Пг., 1922. В. И. Модестов. Вступительная лекция по Римской Словесности, сказанная в Ун. Св. Владимира ординарным профессором В. И. Модестовым 18.9.1869 г.: Киевские университетские известия, 1869, кн. X. * Его же. Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание; три курса в одном томе. СПб., 1888. История римской литературы. Дополнение к изданию 1888 г. «Лекций по истории римской литературы, читанных в Киевском и С.-Петербургском университетах». СПб., 1905 (см. рец. Ф. Ф. Зелинского, в Приложении). М. М. Покровский. Очерки по римской истории и литературе. СПб., 1907. * История римской литературы. С. И. Соболевский (ред.), т. 1–2. М., 1959, 1962. * Античные поэты об искусстве. СПб., 1996. В. Д. Блаватский, статья «О памятниках искусства в античной поэзии». Состав: Лукреций, Вергилий, Гораций, Овидий, «Этна», Варрон, Проперций, Овидий, Марциал, Стаций, Ювенал, Ав-

1. Подробные библиографии: см. составленную А. Ф. Лосевым и А. А. Тахо-Годи избранную библиографию в.: А. Ф. Лосев, Г. А. Сонкина, А. А. Тахо-Годи, Н. А. Тимофеева, Н. М. Черемухина, В. П. Завьялова, И. В. Шталь. Античная литература. Под ред. проф. А. А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1986, с. 437–442. Переводы поэтических текстов, кроме эпоса и басни: Е. В. Свиясов, Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Библиотека. СПб., 1998. Библиография о влиянии римской литературы на русскую: см. Приложение.

зоний, Клавдиан. * Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994, т. I. Состав: «Дистихи Катона», Изречения Марка Катона к сыну своему, Авсоний, Юлий Цезарь, Иероним, Августин, Иоанн Кассиан, Боэций, Кассиодор. * История эстетики. М., 1962. – Памятники мировой эстетической мысли, т. 1. Состав: Сенека, Лукреций, Цицерон, Гораций, Витрувий.

РАННЯЯ ЛИТЕРАТУРА

К. П. Полонская, Л. П. Поняева (ТПр), Хрестоматия по ранней римской литературе (ТК), М. Л. Гаспаров (введ.), М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров и др. (П). М.: Высшая школа, 1984, ²2000, ГЛК (расш. дополн.). *Луцилий и республиканская сатира:* Е. Г. Рабинович (П). Римская сатира: СН М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1989. * Г. Мартынов. О начале римской летописи. М., 1904. * В. И. Модестов. Римская письменность в период царей. Казань, 1868. * Л. Мюллер. Жизнь и сочинения Гая Луцилия. ЖМНП, 1873, сентябрь. * И. В. Помяловский. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура. СПб., 1869. * Л. Д. Тарасов. Гай Луцилий, основоположник римской сатиры. УЗ Томского ун., 24. Томск, 1955.

Эпос и драма республиканского периода: Н. М. Благовещенский. О судьбах римской трагедии. ЖМНП, LVIII, 1848, июнь. * Его же: О начале римской комедии. Пропилеи, кн. II. * Его же: Ателланы. Пропилеи, кн. II. * Его же: Римские пантомимы. Пропилеи, кн. IV. * Б. М. Варнеке. Очерки из истории древнеримского театра. СПб., 1903. * Его же. Из наблюдений над древнеримской комедией. ЖМНП 1904, апрель. * Его же. Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов. Казань, 1905. * Его же. К вопросу об именах действующих лиц у Плавта и Теренция. ЖМНП 1906, октябрь. * Его же. К вопросу об инсценировке римской комедии. ФО, 1899, т. XVII. * Его же. Как играли древнеримские актёры. Там же, 1900, т. XIX. * Его же. Римское государство и актёры. Там же, 1901, т. XX. * А. Е. Кузнецов. Начало римской драмы – хронологические разногласия в древнеримской филологии. ГЛК, 4 (в печати). * С. А. Ошеров. «Пуническая война» Гнея Невия. Вестник МГУ, 1958, 1. * М. Я. Немировский. Историческая драма в древнем Риме. ФЗ, 1906 (II–VI), 1907 (I–III). Отдельно – Воронеж, 1908. С. А. Ошеров. «Пуническая война» Гнея Невия. Вестник МГУ, 1958, 1. * К. П. Полонская. Античная комедия. М.: изд. МГУ, 1962. (с библ.)

Плавт: Плавт. Избранные комедии. А. В. Артюшков (П), М. М. Покровский, Б. М. Варнеке (Пр, ред.). Вступ. статья и введ. Н. Ф. Дератани. М.–Л., 1933, т. I; М.–Л., 1935, т. II,; М.–Л., 1937, т. III. * Тит Макций Плавт. Избранные комедии. С. Ошеров (статья), М., 1967. * Плавт. Комедии. А. Артюшков (П), М., 1987, т. 1–2. ** В. И. Модестов. Плавт и его значение в университетском преподавании. Вступительная лек-

ция в С.-Петербургском ун., сказанная 10 ноября 1878 г. ЖМНП, 1878, декабрь. * К. П. Полонская. Гуманистическая проблематика комедии Менандра и театр Плавта. Eirene, Praha, 1967, 2. * Ее же. Некоторые особенности композиции комедии Плавта. Вопросы классической филологии. М., 1969, 2. * Ее же. Игра в комедиях Плавта. АС. * Савельева Л. И. Приёмы комизма у Плавта. Казань: изд. Казанского ун., 1963.

Теренций: Теренций. Комедии. А. В. Артюшков (П), М. М. Покровский (К, ред.). П. Ф. Преображенский (статья), М., 1934. * Теренций. Комедии. А. В. Артюшков (П). М., 1985; 1988. * К. П. Полонская. Традиционная схема новоаттической комедии у Менандра и Теренция, ВАЛКФ. * П. Ф. Преображенский. Теренций и его время. В кн.: П. П. В мире античных идей и образов. М., 1965. * Л. И. Савельева. Художественный метод П. Теренция Афра. Казань, 1960. * И. М. Тронский. Общественная направленность комедии Теренция. Античное общество. М., 1967.

Лукреций: Лукреций Кар. О природе вещей. Ф. А. Петровский (ППр). М., 1945, т. I; 1947, т. II (статьи, напр.: С. И. Вавилов. Физика Лукреция, с. 000—000) Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Ф. А. Петровский (П). Вступ. статья Т. Васильевой. М., 1983. * Я. М. Боровский. О термине *natura* у Лукреция. УЗ ЛГУ, Сер. филолог. наук, вып. 18. Вопросы грамматического и словарного состава языка, 1952, 2. * Т. В. Васильева. О жанре поэмы Лукреция. Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. * Ф. А. Петровский. Два этюда по поэтике Лукреция. Моск. г. пед. ун. им. В. П. Потемкина. УЗ, т. 6. * З. А. Покровская. Основные понятия этики у Лукреция и Эпикура. ВДИ, 4, 1966. * Ее же. Laudes Эпикуру в поэме Лукреция, ВАЛКФ. * Ее же. Философская терминология Лукреция и Эпикура. AAntHung 1967, XV, 1—4. * Ее же. Лукреций о поэтическом искусстве: Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. * Ее же. Античный философский эпос. М., 1979. * Е. И. Чекалова. К проблеме стихотворной формы поэмы Лукреция «О природе вещей». Язык и литература античного мира. Л., 1977.

Лирика и эпиграмма: Греческая и латинская эпиграмма о медицине и здоровье. Ю. Ф. Шульц (сост., ППр). М.: Медгиз, 1960. * К. П. Полонская. Любовные эпиграммы ранних неотериков. Античная культура и современная наука. М., 1985. * В. Н. Ярхо, К. П. Полонская. Античная лирика. М.: Высшая школа, 1967.

Катулл и неотерики: Стихотворения Катулла. А. А. (ППр). СПб., 1899. * Катулл. Книга лирики. А. И. Пиотровский, (ППр, статья). 1929. Катулл. Книга стихотворений. С. В. Шервинский (П), М. Л. Гаспаров (К, статья). М.: Наука, 1986. Перепечатка статьи: Катулл, или Изобретатель чувства: М. Г. Избранные статьи. НЛО НП, II, 1995. * Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963. Ф. Петровский (статья). * Книга Катулла Веронского. М., 1991. В. А. Сосноpа («Речь о Катулле»). Прим. М. Гаспаров (Пр), А. Пиотровский, С. Шервинский, В. Сосноpа, В. Черни-

говский, А. Парин, С. Ошеров, В. Орел, Я. Голосовкер, С. Апт (П). * Ф. Е. Корш. Чтения о Катулле. М., 1888. * А. И. Любжин. Catull. *carm.* 51, 13–16: опыт комментария. ИЯКФ V, 2001. * Его же. *Poeta doctus* как понятие эстетики неотериков. Опыт коментария к Catull. 1. – Colloquia Classica et Indogermanica. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб.: Наука, 2002. * К. П. Полонская. Любовные эпиграммы ранних неотериков. В кн.: Античная культура и современная наука. М., 1985.

Катон: Катон М. П. Земледелие. М. Е. Сергеенко (ПК), М.–Л., 1950. * Катон Марк Порций. Фрагменты речей. Н. Н. Трухина (П). В кн.: Н. Н. Трухина. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1981.

Цезарь: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М. М. Покровский (ПК). М.–Л. 1948. * Цезарь Юлий. Записки о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М. М. Покровский (П). М., 1962; 1993. * А. И. Доватур. Оргеториг и Ариовист (Цезарь. Записки о Галльской войне. 1, 2–4, 44). ВДИ 1957, 3. * В. С. Дуров. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.

Саллюстий: Г. Саллюстий Крисп. Полное собрание сочинений. В. Рудаков (ППр). СПб., 1894. * Г. Саллюстий Крисп. Заговор Катилины. М. Т. Цицерон. Речи против Катилины. С. В. Гвоздев (ПК). М.–Л.: Academia, 1934. * Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. В. О. Горенштейн (ПК, статья). М., 1981. * А. В. Короленков. Саллюстий: от политики к истории. В кн.: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 6. М., 2001. * Его же. Саллюстий и гуманность: несколько замечаний. Studia historica, 2. М., 2002. * А. И. Немировский. Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986 (разделы о Саллюстии, Ливии, Таците, Аммиане Марцеллине).

Корнелий Непот: Непот Корнелий. Биографии знаменитых полководцев. И. Е. Тимошенко (П). Киев, 1883. Непот Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах. Н. Н. Трухина (П). М., 1992.

Ораторская проза, философия, письмо

Античная эпистолография. Очерки. Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. * М., Наука, 1967. * Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.

Цицерон: Цицерон М. Т. Речи, т. I–II. Изд. подг. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962. * Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах. Изд. подг. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн (П), С. Л. Утченко. М., 1966. * Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Ф. Петровский, И. Стрельникова, М. Гаспаров (П). Под ред. М. Гаспарова. М., 1972; перепечатка М., 1994. * Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Изд. подг. В. О. Горенштейн (П), М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М., 1975. * Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. Состав. и ред. М. Гаспаров, С. Ошеров, В. Смирнин (сост., ред.), Г. Кнабе (статья). М., 1975. * Цицерон М. Т. Полное собрание ре-

чей в русском переводе. Ф. Ф. Зелинский (ред., введ., Пр). СПб., 1901, т. I. * Письма М. Т. Цицерона. В. Горенштейн (ПК). Л., 1949–1951, т. I–III. * Цицерон. Философские трактаты. М. И. Рижский (П). М., 1985. * Цицерон: Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. Г. С. Кнабе (статья: «Цицерон, античная классика и рождение классицизма»), Н. А. Кульков, Е. П. Ореханов (К). М.: Искусство, 1994. * Идеи эстетического воспитания. Антология в 2 т., т. 1: Античность, Средние века. С. С. Аверинцев (сост.). М., 1973. Состав: Риторическая школа: Цицерон; Гораций «Наука поэзии»; Квинтилиан «О подготовке оратора». ** Цицерон. Сборник статей. Отв. редактор Ф. А. Петровский. М., 1958. * Цицерон. 2000 лет со дня смерти. Сборник статей. М., 1959. * М. Л. Гаспаров. Цицерон и античная риторика: Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. * Л. Н. Модзалевский. Учение Цицерона о воспитании. В: Л. М., Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 2000, т. 1. И. П. Стрельникова. Риторическая теория и ораторская практика: Цицерон. В: Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. * М. М. Покровский. Лекции по Цицерону. Чит. в МУ (1-му и 2-му курсам истор.-филолог. ф-та) в 1905. М.: Павловский, 1905. * М. В. Скржинская. Сочинения Цицерона как источник сведений о врачах в Древнем Риме: Язык и литература древнего мира. Л., 1977.

Специальная и образовательная литература (всех периодов): Варрон Марк Теренций. О латинском языке. В. В. Каракулаков (П). В кн.: Вопросы языкознания. Калинин, 1975. * Варрон. Сельское хозяйство. М. Е. Сергеенко (П). М.–Л., 1963. * Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1957. * Витрувий Поллион Марк. Об архитектуре. Ф. А. Петровский (П). М., 1936. * Гигин. Астрономия. А. И. Рубан (ПК), А. В. Петров (статья). СПб.: Алетейя, 1997. Гигин. Мифы. Д. О. Торшилов (ПК), А. А. Тахо-Годи (ред.). СПб.: Алетейя, 1997. * Фронтин Секст Юлий. Стратегемы (Военные хитрости). А. А. Новиков (К, статья). СПб: Алетейя, 1995. ** М. Л. Гаспаров. Античная риторика как система. Античная поэтика. М.: Наука, 1991. * Его же. Поэзия и проза. Поэтика и риторика. Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. * А. А. Григорьева. Древнеримская кулинарная лексика. Проблема терминологии (на материале текстов апициевского корпуса). Диссертация, М., 2000, там см. библ. * С. Ковнер. История медицины, вып. 1–3. Киев, 1878 (древняя медицина до Галена включительно). * *Юридическая литература:* Corpus juris civilis. Памятники римского гражданского права. М.: изд. юридической литературы, 1997. * Дигесты Юстиниана. М., 1984; 1995. Ульпиан Домиций. Фрагменты юридических трудов. Е. М. Штлерман (П). ВДИ, 1971. № 2. * Ульпиан. Об обязанностях проконсула. А. Л. Смышляевл (П). В: Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. ** Словарь: Дыдынский. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1890 (на основании немец-

ких словарей). * Н. Боголепов. Значение общенародного гражданского права (jus gentium) в римской классиченской юриспруденции. М., 1876. * Его же. Формальные ограничения свободы завещания в римской классической юриспруденции. М., 1881. * С. А. Муромцев. Гражданское право древнего Рима. М., 1883. * Его же. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. * Н. Суворов. Об юридических лицах по римскому праву. Ярославль, 1892. * Л. А. Цветаев. О нравственности в римском праве. УЗ МУ, 1833, 3–16.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ АВГУСТА

К. П. Полонская. Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963.

Вергилий: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. С. Шервинский, С. Ошеров (П), М. Л. Гаспаров (статья «Вергилий — поэт будущего», перепечатка НЛО НП II, 1995), Н. Старостина, Е. Рабинович (К). М., 1979. * Эклоги П. Виргилия Марона; А. Мерзляков (П). М., Дубровин и Мерзляков, 1807. * Вергилий. Буколики и Георгики. И. Соснецкий (П). М., 1873. * Вергилий. Сельские поэмы. Буколики. Георгики. С. В. Шервинский (ПК, статья). М.–Л., 1933. * «Энеида» Вергилия, ч. I–II. А. А. (П), Д. И. Нагуевский (введ., Пр, проверка текста). СПб. б. г. * Энеида. В. Брюсов, С. Соловьёв (П), Н. Ф. Дератани (ред., введ., К). М.–Л., 1933. ** М. Л. Гаспаров. Вергилий и вергилианские центоны: поэтика формул и поэтика реминисценций. (Совм. с Е. Г. Рузиной). Памятники книжного эпоса. М.: Наука, 1978. * Г. Г. Гельд. Петрарка и Вергилий. Гермес, 1915, 16, 6. * С. А. Ошеров. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия. АС.* М. М. Покровский. Дидона Вергилия и Дидона Шекспира: Под знаменем науки. Сб. Н. И. Стороженко. М., 1902. * Его же. Очерки по сравнительной истории литературы. Роман Дидоны и Энея в «Энеиде» Вергилия и его римские подражатели. М., 1905, вып. 1. * Н. А. Старостина. «Буколика» Вергилия. Некоторые особенности жанровой структуры. АС. * В. Н. Топоров. Эней — человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии. М.: Радикс, 1993. * С. П. Шевырев. Об *Энеиде* в отношении историческом и эстетическом. Лекция. УЗ МУ, 1835, № 4, октябрь, № 5, ноябрь. * М. Эррен. «Георгики» Вергилия и политика Августа. Лекция, читанная в МУ 3 октября 1996 г. Пер. с нем. яз. ГЛК, 3, 2000, 9–25.

Гораций: Сатиры, или беседы с примечаниями. С лат. яз. перелож. росс. стихами И. Барковым. СПб., 1763. * Сатиры Квинта Горация Флакка. М. А. Дмитриев (ППр). М., 1858. * Гораций. А. А. (ППр). М., 1883. * К. Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры и послания. Пер. под ред. М. Гаспарова. М., 1970. В этом издании см. статью М. Л. Гаспарова «Поэзия Горация». * Гораций. Собрание сочинений. В. С. Дуров (Пр, статья, указатель) СПб., 1993. Содержание: *Оды:* А. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. С. Гинцбург, Г. Ф. Церетели, С. В. Шервинский, Ф. Александров, Ф. Е. Корш, Н. С. Романовский (П), *Эподы:* (А. П. Семенов-

Тян-Шанский, Н. С. Гинцбург, Ф. Александров). *Сатиры:* М. А. Дмитриев (П), *Послания:* Н. С. Гинцбург (П), *Наука поэзии:* М. А. Дмитриев (П). Приложение: Светоний, Жизнеописание Горация, М. Л. Гаспаров (П). См. разд., посвященный Цицерону. ** И. Ф. Анненский. Кв. Гораций Флакк. Лирические стихотворения. Перевод И. Ф. Порфирова. Изд. 2, исправленное. СПб., 1902. Рецензия. В: Пятнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1903 года. СПб., 1904, с. 127–180. * Е. В. Антонец. Жанровые характеристики в рукописных инскрипциях лирических произведений Горация (состояние вопроса и перспективы изучения), Σ. * Н. М. Благовещенский. Гораций и его время. СПб., 1864; Варшава, ²1878. * В. Г. Борухович. Квинт Гораций Флакк: поэзия и время. Саратов: изд. Сарат. ун., 1993. * М. Л. Гаспаров. Политический смысл литературных сатир Горация. ВДИ, 2, 1960. * Его же. Композиция «Поэтики» Горация. Очерки истории римской литературной критики. М.: Наука, 1963. * Его же. Две редакции «Поэтики» Горация. ВДИ, 1965, 4. * Его же. Топика и композиция гимнов Горация. В: Поэтика древнеримской литературы. М.: Наука, 1989. * Его же. Гораций, или Золото середины: М. Г. Избранные статьи. НЛО НП II, 1995. * И. Н. Голенищев-Кутузов. Гораций в эпоху Возрождения. Проблемы сравнительной филологии. М.–Л., 1964. * С. К. Егорова. Codex Petropolitanus и его место в рукописной традиции Горация. ИЯКФ VIII, 2004. * Г. Э. Зенгер. Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация. Варшава, 1895. * А. А. Новожатько. *Horatii Sat.* 1. 2: о преломлении ямбическо-сатирической традиции. ИЯКФ IX, 2005. * П. Ф. Преображенский. Поэт золотой середины: П. П. В мире античных идей и образов. М., 1965.

Элегия: КТП. * Ф. Е. Корш. Римская элегия и романтизм. М., 1899.

Тибулл: Элегии Тибулла. А. А. Фет (ППр). СПб., 1898. * Тибулл. Элегии. Л. Остроумов (П). В кн.: Катулл. Тибулл. Проперций. Пер. под ред. Ф. А. Петровского. М., 1963. ** Е. В. Антонец, Н. Н. Надель. Петербургская рукопись Тибулла Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ) (к вопросу о ее месте в рукописной традиции). ИЯКФ III, 1999.

Проперций: Элегии Секста Проперция. В пер. А. А. Фета. СПб., 1898. * Проперций. Элегии. Л. Остроумов (П). В кн.: КТП. * Секст Проперций. Элегии. М., 2004. Дж. Бонаменте (предисловие), А. И. Любжин (ППр). ** М. Н. Казанская. Особенности постановки односложного слова в абсолютном конце гекзаметра у Проперция. ИЯКФ IX, 2005. * И. Тренчени Вальдапфель. Мимнерм и Проперций. ВАЛКФ.

Овидий. Сс. в 2 т. В. Дуров (статья), СПб., 1994. * Овидий. Баллады-послания («Героини») Ф. Зелинский (ПК, статья), М., 1913. * Скорби Овидия («Tristia») Пер. А. А. М., 1893. * Овидий Назон. Метаморфозы. С. Шервинский (П), А. И. Белецкий (статья), Ф. А. Петровский (К, ред.), М.–Л., 1937. * Овидий Назон. Метаморфозы. С. В. Шервинский (П), С. Ошеров. (статья). М.–Л., 1977. * П. Овидия Назона XV книг Превращений. В пер. с объясн. А. А. М., 1887. * П. Овидий На-

зон. Любовные элегии. С. Шервинский (П), М., 1963. * Овидий. Элегии и малые поэмы. М. Гаспаров, С. Ошеров, С. Шервинский, Ф. Петровский, А. Парин (П), М., 1973. Там см.: Гаспаров. М. Л. Три подступа к поэзии Овидия. * Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М. Гаспаров, С. Ошеров. М., 1978. Там см.: М. Л. Гаспаров. Овидий в изгнании. * Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. С. В. Шервинский (П), М., 1983. ** А. Н. Веселовский. Боккаччо и Овидий. А. Н. Веселовский. Сочинения. СПб., 1909, т. IV. * М. Л. Гаспаров. «Ибис» и проблема ссылки Овидия. ВДИ, 1977, 1. * С. П. Знаменский. Античные мифы о превращениях в художественной обработке римского поэта (этюд о Метаморфозах Овидия). Богословский вестник, издаваемый Московскою духовною академиею. Май 1909, год 18-й, т. 2. Сергиев Посад, 1909. * Е. Г. Кагаров. Источники и композиция «Метаморфоз» Овидия. Гермес, 1909, 4, 8. * А. И. Любжин. О некоторых литературных приемах Овидия в «Метаморфозах». ИЯКФ IV, 2000. * А. В. Подосинов. Произведения Овидия как источник по истории Вост. Европы и Закавказья: тексты, ПК. М.: Наука, 1985. * М. М. Покровский. Материалы для характеристики Овидия. ЖМНП, 1901, 7.

Ливий: Ливий Тит. Римская история от основания города. Пер. под ред. П. Адрианова. М., 1892–1899, т. I–VI. * Ливий Тит. История Рима от основания города. В. М. Смирин, Н. А. Позднякова, Г. Гусейнов, С. А. Иванова, Н. В. Брагинская, Ф. Ф. Зелинский, М. Е. Сергеенко (П), М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе, В. Смирин (ред.). М., 1989–1993, т. 1–3. * Т. И. Кузнецова, Т. А. Миллер. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1984. * См. разд. о Саллюстии.

Помпей Трог: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae». Всеобщая история. ВДИ 1951, № 82. * Скифы. Хрестоматия. М., 1992. Фрагменты латинских текстов: Овидий, Помпей Трог, Помпоний Мела, Курций, Плиний Секунд, Валерий Флакк, Фронтин.

ЭПОХА РАННЕЙ ИМПЕРИИ

В. И. Модестов. Римская литература при Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне. В кн.: ЖМНП, 1878, август; 1888, апрель.

Лукан: Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. Л. Е. Остроумов (П), Ф. Е. Петровский (ред.). М.–Л., 1951. ** Т. Ф. Теперик. Поэтика сновидений в «Фарсалии» Лукана. ИЯКФ VIII, 2004.

Стаций: Публий Папиний Стаций. Фиваида. Подг. С. В. Шервинский, Ю. А. Шичалин, Е. Ф. Шичалина. М., 1991. Ю. А. Шичалин (ППр, статья «Публий Папиний Стаций – гениальный поэт в бездарную эпоху»).

Манилий: Марк Манилий, Астрономика: Наука о гороскопах. Е. М. Штаерман (П). М., 1993.

Германик: Цезаря Германика небесные явления по Арату. Н. А. Федоров (ред.), А. И. Солопов (К), Д. Е. Афиногенов, Г. М. Дашевский, Е. Иванова, О. А. Литвинова, Н. П. Подземская, А. А. Россиус (П). Историко-астрономические исследования, 20, М., 1988, 336–372.

Федр: Федр. Бабрий. М. Л. Гаспаров (П, статья) М.–Л., 1966, перепечатка: М.: Ладомир, Наука, 1995. * Хрестоматия по античной литературе, т. II. М.: Учпедгиз, 1948 и 1959. А. В. Артюшков, Н. И. Шатерников (избр. П).

М. Л. Гаспаров Социальные мотивы античной литературной басни (Федр и Бабрий). ВДИ, 1962, 4. Его же. Стиль Федра и Бабрия. Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. * Его же. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М.: Наука, 1971.

Персий: Сатиры Персия. А. А. (П). СПб., 1899. * Персий. Сатиры. Ф. А. Петровский (П). Римская сатира. Ф. А. Петровский (сост., ПК). М., 1957. * Персий. Сатиры. Ф. А. Петровский (П). Римская сатира: пер. с лат. СН М. Л. Гаспаров. М., 1989. * Н. М. Благовещенский. Римский сатирик Персий. Русский Вестник, 10, 1866. * Его же. Сатиры Персия. СПб., 1873. * М. М. Позднев. *Petulans splen* (Pers. I, 2): к источникам метафоры. ИЯКФ III, 1999. О. Д. Никитинский. Суждения С. И. Соболевского о сатирах Персия и о методе в филологии: отзыв на одну студенческую работу 1952 года. Σ.

Ювенал: Ювенал. Сатиры. А. А. (ППр). СПб., 1885. * Ювенал. Сатиры. Д. С. Недович, Ф. А. Петровский (П), А. И. Белецкий (статья). М.–Л., 1937. * Ювенал. Сатиры. В. С. Дуров (статья, К). СПб.: Алетейя, 1994. * Д. И. Нагуевский. Первая сатира Ювенала. Рига, 1875. * Н. М. Благовещенский. Третья сатира Ювенала. ЖМНП, СПб., 1884, IV. * Его же: Перевод и объяснение трех сатир Ювенала. ЖМНП, III, VII и VIII (1884, 1885 и 1886). * Его же: Ювенал. 2 публичные лекции. СПб., 1860. * В. С. Дуров. Ювенал. Язык и литература античного мира. Л., 1977. * Римская сатира. Сост. и К. Ф. А. Петровского. М., 1957.

Марциал: Марциал. М. В. Эпиграммы. В пер. и с объясн. А. а. М., 1891. * Марциал. Избранное. Н. И. Шатерников (П), Ф. А. Петровский (ред., К), Н. Ф. Дератани (статья), М., 1937. * Марциал. Эпиграммы. Ф. А. Петровский (П), М., 1968. ** О. Г. Колосова. Когда Марциал решил вернуться в Испанию? Studia historica, вып. I, 2001. * А. И. Малеин. Марциал и Лукилий. ЖМНП, 1895, 6,8. * Его же. Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации. СПб., 1900. * А. Олсуфьев. Марциал. Биографический очерк. М., 1891.

Приапеи: Избранные переводы см. в книге: Катулл. Избранная лирика. Перевод с латинского и примечания Максима Амелина. СПб., 1997.

Веллей Патеркул: Немировский А. И., Дашкова М. Ф. (ППр, статья). «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. * Малые рим-

ские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. Пер. А. И. Немировский, М. Дашкова (П). Ком. А. И. Немировский (К). М., 1996.

Валерий Максим: см. Приложение. С XVIII в. не переводился.

Курций: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутрха об Александре. М.: изд. МУ, 1993, [1]1963. К. А. Морозова, И. А. Миронова, В. С. Соколов, А. Ч. Козаржевский, Д. А. Дброглав (П), О. В. Смыка (сверка), А. А. Витасин (предисловие), он же, С. В. Новиков, А. В. Стрелков (К).

Тацит. Соч. Корнелия Тацита, т. I–II. В. И. Модестов (ППр, статья). 1886–1887. * Корнелий Тацит, т. I–II. Соч. Изд. подг. И. М. Тронский, Я. М. Боровский, А. С. Бобович (П), М. Е. Сергеенко, Г. С. Кнабе (П), М. Е. Грабарь-Пассек. Л., 1969; перепечатка 1993. ** Г. С. Кнабе. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М., 1981. * О. Г. Колосова. Судьба человека и империи в диалоге Тацита «Об ораторах». ВДИ 1998, № 3, 168–188. * О. Г. Колосова. Чьи взгляды представляет Марк Апр (Tac. *dial.* 5, 3–10)? Studia historica, вып. 2, М., 2002. * В. И. Модестов. Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование. СПб., 1864. * Его же. Заметки по Тациту. В кн.: ЖМНП, 1893, декабрь; 1894, апрель, май, декабрь; 1895, ноябрь. * И. М. Тронский. Корнелий Тацит. В кн.: Тацит. Сочинения. Л., 1969, т. II. * См. разд. о Саллюстии.

Плиний Младший: Письма Плиния Младшего, кн. I–X. М. Е. Сергеенко (ППр, статья), А. И. Доватур (ППр), В. С. Соколов (*Панегирик* в приложении, ППр, статья), Н. Н. Казанский (*Эпиграфические памятники* в Приложении, ППр). М.–Л., [1]1950, М., [2]1984. ** С. Ф. Опацкий. Плиний младший, литературный деятель времен Нервы и Траяна. Варшава, 1878. * В. С. Соколов. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М., 1956.

Сенека Младший: Сенека. Трагедии. С. Соловьёв (П), Н. Ф. Дератани (статья). М.–Л., 1933. * Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. А. Ошеров (П). М., 1977. * Луций Анней Сенека. Трагедии. С. А. Ошеров (статья: «Сенека-драматург», П), Е. Г. Рабинович (Пр). М., 1983. * Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. С. А. Ошеров (П). М. Л. Гаспаров (СН). М., 1986. * Сенека Луций Анней. Утешение к Полибию. Н. Х. (П). ВДИ, 1991, № 4. * Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. * См. также разд., посв. Персию. ** В. В. Зельченко. Sen. Epist. 56, 4: забытое решение. ИЯКФ IX, 2005. * В. Я. Каплинский. Композиция и язык сатиры Сенеки на смерть Клавдия. Доклад, сделанный на заседании ист.-лит. секции филос.-ист. о-ва при Сарат. ун. Саратов, 1919. * Н. Х. Керасиди. О жанре и композиции «Consolatio ad Marciam» Сенеки. Язык и литература античного мира. Л., 1977. * Т. Г. Мальчукова. Концепция комического у Сенеки. Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. * В. И. Модестов. Философ Сенека и его письма к Луцилию. Актовая речь. Киевские университетские известия. 1871, кн. XII.

* А. И. Пиотровский. Трагедии Сенеки как театральный жанр. О театре. Временник ГИИИ. Л., 1972.

Петроний: Петроний Арбитр. Сатирикон. П под ред. Б. И. Ярхо. М.–Л., 1924, перепечатка 1990. * Татий, Лонг, Петроний, Апулей. М., 1969. * См. разд. о Персии. ** Н. М. Благовещенский. Пермские сказочники и Петроний. «Рус. Слово». 1860 № 9. * В. Г. Клингер. Петроний и его роман. Известия Киевского ун., 1900, 10. * И. П. Стрельникова. Сатирико-бытовой роман. Петроний. Античный роман. М., 1969.

Квинтилиан: Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений. А. Никольский (П), СПб., 1834, ч. 1–2. * См. разд. о Цицероне. * Т. И. Кузнецова. Классика и классицизм в теории Квинтилиана. В: Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. * Л. Н. Модзалевский. Учение Квинтилиана о воспитании. В кн.: Л. М., Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 2000, т. 1.

Плиний Старший: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. Г. А. Таронян (ПКПр). М., 1994. * Плиний. О сельском хозяйстве. М., 1957.

СРЕДНЯЯ И ПОЗДНЯЯ ИМПЕРИЯ

Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века. П под ред. М. Гаспарова. М.: Наука, 1964. * Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века. П под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964. * Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров. Сост. О. Е. Нестеров. М.: Наука, 1970. Состав: Иларий Пиктавийский. Амвросий Медиоланский. Иероним. Августин. Пруденций. Павлин Ноланский. Иоанн Кассиан. Лев Великий. Сидоний Аполлинарий. Сальвиан. Седулий. Драконтий. Максимиан. Боэтий. Кассиодор. Венанций Фортунат. Григорий Великий. Григорий Турский. Исидор Севильский. Альдхельм. Беда Досточтимый. * Памятники поздней античной поэзии и прозы, II–V вв. М. Е. Грабарь-Пассек (ред.). М., 1964. Римская повествовательная проза: Апулей, Диктис Критский. * Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. Лат., рус. и старофранц. тексты. А. В. Захарова (сост., ПК, статья), Д. О. Торшилов (П стихотворных фрагментов). СПб., 1997.

Авзоний: Авсоний. Стихотворения. М.: Наука, 1993, со статьей: М. Гаспаров. Авсоний и его время. * В. Я. Брюсов. Великий ритор. Жизнь и сочинения Д. М. Авсония. Русская мысль, М., 1911, III.

Остальные поздние поэты: Поздняя латинская поэзия. М. Л. Гаспаров (статья «Поэзия риторического века», сост., П), Е. Г. Рабинович и др. (П). М., Наука, 1982. Состав: Авзоний, Авит, Алким, Асклепиадий, Асмений, Басилий, Боэтий, Веспа, Виталис, Вомаций, Галиен, Драконтий, Евсфений, Евфорбий, Катон, Клавдиан, Латинская анто-

логия, Линдин, Максимиан, Максимин, Модестин, Намациан Рутилий, Немесиан, Октавиан, Палладий, Помпилиан, Поннан, Регианн, Репосиан, Сидоний Аполлинарий, Сульпиций Луперк, Тиберианн, Туцианн, Флор, Юлиан. * Клавдия Клавдиана творения, ч. 1. М. Ильинский (П). СПб., при ИАН, 1782. * Сидоний Аполлинарий. Избранные письма. Н. Н. Трухина (П). В: Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987, с. 406–420. ** Е. А. Беркова. Влияние школы на формирование литературных вкусов Сидония Аполинария. ВАЛКФ. * С. В. Ешевский. К. С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М., 1855. * О. Б. Мязина. Аврелий Пруденций Клемент и формирование образа идеального правителя в христианской мысли. В: Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященных памяти профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2002. * А. И. Солопов, А. А. Григорьева. Anth. Lat. 231 Riese (Восточные сладости в римской кухне). ИЯКФ VI, 2002. * П. И. Цветков. Аврелий Пруденций Климент. Исследование Петра Цветкова. М., 1890 (включая «Повседневные и мученические гимны» в русском переводе).

Светоний: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М. Л. Гаспаров (ППр, статья «Светоний и его книга»). М.–Л., 1964. * Т. В. Попова. Стиль «Биографий двенадцати Цезарей» Светония: Язык и стиль античных писателей, Л., 1966.

Флор см. Веллей Патеркул. * А. В. Короленков. Флор о Сертории и Серторианской войне. В кн.: Проблемы истории, филологии, культуры, вып. 8. М.–Магнитогорск, 1999 (2000).

Аммиан Марцеллин: Аммиан Марцеллин. Римская история. Ю. Лукомский (статья «Аммиан Марцеллин и его время»). СПб., 1994; 1996. * См. разд. о Саллюстии. * А. Б. Черняк. Simplex (contio, oratio, verba etc.) у Аммиана Марцеллина (Amm. XX, 5, 2; XXV, 4, 13; XXVI, 2, 7; 5, 10) и в поздней латыни. ИЯКФ IX, 2005.

Историки: Властелины Рима (*Historia Augusta. – А. Л.*). Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. С. Н. Кондратьев (П), О. Д. Никитинский, А. И. Любжин (Пр). М., 1992. * Секст Аврелий Виктор. История Рима. В. С. Соколов (П). ВДИ 1963, № 4; 1964, № 1. * Римские историки IV века. М., 1997. Сост.: Евтропий. Краткая история от основания Города. А. И. Донченко (П). Секст Аврелий Виктор. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях. В. В. Соколов (П). * Памятники поздней античной научно-художественной литературы, II–V вв. М., 1964. Содержание: Римские историки и энциклопедисты: Светоний, Флор, Авл Геллий. Писатели истории императоров: Элий Лампридий, Аммиан Марцеллин, Евтропий, Секст Руф, Макробий. * Евтропий. Бревиарий от основания Города. Д. В. Кареев (ТПК, статья), Л. А. Самуткина (ТП, приложение).

Панегирики: * Шабага И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. (библ. с. 140–142).

Ораторское и эпистолярное искусство: Памятники позднего античного эпистолярного искусств в II–V вв. М., 1964. [Содержание: Римское ораторское искусство: Апулей, Евмений. Римское эпистолярное искусство: Фронтон, И. П. Стрельникова (П), Симмах. * П. П. Шкаренков. Римский аристократ «эпохи упадка»: Кв. Аврелий Симмах. В: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 6. М., 2001.

Апулей: Апулей. Апология или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М. А. Кузмин, С. П. Маркиш (ППр). М., 1993. ** С. В. Полякова. «Метаморфозы», или «Золотой осёл» Апулея. М.: Наука, 1988. * И. П. Стрельникова. «Метаморфозы» Апулея и народная сказка. Античный роман. М., 1969.

Авл Гелий: ** И. Л. Маяк. Римские боги в сочинении Авла Геллия. ВДИ 1998, № 1.

ОТЦЫ ЦЕРКВИ

** Р. Ю. Виппер. Возникновение христианской литературы. М., 1946. * В. С. Дуров. Латинская христианская литература III–V веков. СПб., Филологический факультет СПб. ун., 2003. * Э. Жильсон. Философия в Средние века. М.: Республика, 2004, с. 73–135. * Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М. Е. Грабарь-Пасек, М. Л. Гаспаров (редакция). М., 1970. * ПСЛ. ** А. Р. Фокин. Латинская патрология. Минуций Феликс. Тертуллиан. Св. Киприан Карфагенский. Новациан. Коммодиан. Св. Викторин Петавский. Арнобий. Лактанций, т. 1. М.: ГЛК, 2005.

Тертуллиан: * Творения Тертуллиана, христианского писателя конца II – начала III вв., ч. 1–2. Е. Кареев (П). СПб., 1847–1850. * Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. А. Ю. Братухин (П, статья, К.). СПб., 2005. * Тертуллиан. Апология. М. Е. Сергеенко (П, послесловие). БТ, 1984, № 25, с. 176–219. * Тертуллиан. Апология. В кн.: Отцы и учители Церкви 3-го века. Антология. Т. 1. Н. Щеглов (П). М., 1996, с. 317–378. * Тертуллиан. Избранные сочинения. К язычникам. О свидетельстве души. О крещении. В прескрипции против еретиков. Против Гермогена. О плоти Христа. О воскресении плоти. Об идолопоклонстве. К мученикам. О зрелищах. О молитве. О покаянии. О терпении. К жене. О женском убранстве. О поощрении целомудрия. А. А. Столяров (Общая редакция и составление, статья). М.: Прогресс, 1994. * Тертуллиан. О душе. А. Ю. Братухин (П, статья, К). СПб, 2004. * Тертуллиан. О плаще. А. Я. Пыжов (П), Ю. С. Довженко (статья). СПб.: Алетейа, 2000. * Тертуллиан. О покаянии. М. Е. Сергеенко (П, послесловие). БТ, 1985, № 26. * Тертуллиан. Против Праксея. АΩ, № 27–28. М., 2001. * А. М. Тертуллиан и его «Апология» БТ, 1984, № 25. А. Ю. Братухин. Тертуллиан и Климент Александрийский. ИЯКФ IX, 2005. * К. М. Мазурин. Тертуллиан и его творения. М., 1892. * Архиепископ Нафана-

ил (Львов). Из истории Карфагенской церкви. Тертуллиан. В сб.: Патристика. Новые переводы, статьи. Нижний Новгород, 2001. * К. Попов. Тертуллиан, его теория христианского знания и основные начала его богословия. Киев, 1880. * П. Ф. Преображенский. Тертуллиан и Рим. М., 1926. ** Н. В. Штернов. Тертуллиан, пресвитер Карфагенский. Очерк учено-литературной деятельности. Курск, 1889.

Минуций Феликс: * Минуций Феликс. Октавий. М. Е. Сергеенко (П, статья). БТ, 1981, № 22. * Минуций Феликс. Октавий. В кн.: Ранние Отцы Церкви. Прот. П. Преображенский (П). Брюссель, 1988. * Минуций Феликс. Октавий. В кн.: Раннехристианские церковные писатели. Антология. М., 1990. ** В. В. Данилов. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха. В сб.: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. V, 1947. * И. В. Лупандин. Страницы истории атомизма в Древнем Риме: диалог «Октавий» В ж.: Вопросы истории естествознания и техники. 1986, № 3. * К. Скворцов. Минуция Феликса «Октавий» В сб.: Труды Киевской Духовной Академии. 1866, № 11. * П. П. Соколов. «Octavius» Минуция Феликса и «De natura deorum» Цицерона. Страница из литературной истории диалога. СПб., 1913. * А. А. Спасский. Эллинизм и христианство. Сергиев Посад, 1913.

Киприан Карфагенский: * Киприан, епископ Карфагенский. Письма. М. Е. Сергеенко (П, примечания, предисловие). БТ, 1985, № 26. * Киприан Карфагенский. Творения. О суете идолов. О падших. О единстве Церкви. О молитве Господней. О ревности и зависти. Письмо к Фортунату об увещанию и мученичестве. Письма. В кн.: Отцы и учители Церкви III-го века. Антология, т. 2. М., 1996. * Творения св. Киприана, епископа Карфагенского. Трактаты. Письма. А. И. Сидоров (Общая редакция, статья). М.: Паломник, 1999. ** Еп. Иларион (Троицкий). Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912; 1997. * Свящ. А. Молчанов. Св. Киприан Карфагенский и его учение о Церкви. Казань, 1888. ** В. А. Федосик. Киприан и античное христианство. Минск, 1992.

Арнобий: * Арнобий. Семь книг против язычников. Н. М. Дроздов (П). Киев, 1917. ** Н. М. Дроздов. Древнехристианский писатель Арнобий и его апология христианства: Историко-литературный очерк. Киев, 1917. * Его же. Семь книг против язычников. Киев, 1917. * И. Реверсов. Очерки западной апологетической литературы II и III вв. Казань, 1892.

Лактанций: * Лактанций. Божественные установления (фрагменты). В кн.: Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. * Лактанций. Творения. Е. Карасев (П), ч. 1–2. СПб., 1848. * Лактанций. О смертях преследователей. В. М. Тюленев (П, статья). СПб., 1998. ** А. И. Садов. Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. * В. М. Тюленев. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000.

Марий Викторин: * Викторин Марий. Против Ария. Книга 2. О. Е. Нестерова (П, предисловие). ПСЛ, с. 38–54. ** А. Р. Фокин. Триадология Мария Викторина. АΩ, № 23 (2000), с. 366–383. ** А. Р. Фокин. Викторин Марий. ПЭ, т. 8. М., 2004, с. 448–458. * Его же. Христианский платонизм Мария Викторина. (Автореферат дисс.). М., 2005.

Иларий Пиктавийский: * Иларий Пиктавийский. Изъяснение тайн. Книга 1. О. Е. Нестерова (П). ПСЛ, с. 21–35. ** А. Орлов. Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского. Сергиев Посад, 1908. * Его же. Христология Илария Пиктавийского. Сергиев Посад, 1909 (там же о Новациане).

Амвросий: * Амвросий Медиоланский. Вечерняя песнь. Песнь о мучениках. Песнь на третий час. С. С. Аверинцев (П); Письмо об алтаре Победы. Утешение на смерть Валентиниана II. И. П. Стрельникова (П, предисловие); О девственницах. Книга 2. Шестоднев. О. Е. Нестерова (П). ПСЛ. * Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии и другие творения. Две книги о преставлении брата его Сатира. Слово утешительное на смерть имп. Валентиниана Младшего. Слово на смерть Феодосия Великого. Церковь, мистическая Ева. Гимны. В. А. Никитин (статья). М., 1997. * Св. Амвросий Медиоланский. Полные творения. Киев, 1875. * Амвросий Медиоланский. Творения по вопросу о девстве и браке. О девственницах. О вдовицах. О девстве. О воспитании девственницы. О падении девы. О девстве и браке. А. Вознесенский (П), Л. Писарев (редакция). Казань, 1901, М., 1997. * Творение св. Амвросия Медиоланского. Об обязанностях священнослужителей. Г. Прохоров (П, статья), Л. Писарев (редакция). Казань, 1908; М.–Рига: Благовест, 1995. ** И. И. Адамов. Св. Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 1915. * М. М. Казаков. Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995. * А. Пареди. Св. Амвросий Медиоланский и его время. Милан – Бергамо, 1991. * К. Е. Скурат. Великие Учители Церкви. Клин, 1999. * А. Р. Фокин. К. Е. Скурат. Амвросий Медиоланский. ПЭ, т. 2. М., 2001.

Иероним: * Бл. Иероним. Избранные письма. А. А. Столяров (составление и комментарии). В кн.: А. Диесперов. Блаженный Иероним и его век. М., Канон+, 2002. * Иероним. Письма 1, 57, 125. О знаменитых мужах. О. Е. Нестерова, И. П. Стрельникова (П, предисловие). ПСЛ. * Иероним. О сохранении девственности. В. С. Дуров (П, статья, примечания). СПб., 1997. * Иероним Стридонский. Творения, т. 1–5. Киев, 1894–1903. * Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. И. Н. Голенищев-Кутузов (статья). М., б. г. ** А. Диесперов. Блаженный Иероним и его век. М., 1916; М.: Канон плюс, 2002. В. С. Дуров. Satiricus scriptor in prosa. ИЯКФ VIII, 2004.

Руфин и другие переводчики: * Пресвитер Руфин. Жизнь пустынных Отцов. М., 1997, 2002.

Августин: * Бл. Августин, епископ Гиппонский. М.: Паломник, 1997. Состав: Об истинной религии. О книге бытия. Проповеди. * Авгу-

стин. Исповедь (фрагм.). Т. А. Миллер (П, предисловие); Об учителе. В. В. Бибихин (П); О природе блага против манихеев. Против ниспровергателей Закона и Пророков. Против послания манихея по имени Фундамент. О. Е. Нестерова (П). ПСЛ. С. 147–208. * Августин. О благодати и свободном произволении. О. Е. Нестерова (П). В кн.: А. А. Гусейнов, Г. Иррлитц. Краткая история этики. М., 1987 (приложение). * Августин. Об обучении оглашаемых. М. Е. Сергеенко (статья, П, примечания). БТ, 1976, № 15. * Августин. Избранные проповеди. Д. Садовский (П). Сергиев Посад, 1913. * Августин Аврелий. Исповедь. М. Е. Сергеенко (П, примечания). БТ, 1978, № 18. * Августин Аврелий. Исповедь. М. Е. Сергеенко (П, примечания). А. А. Столяров (статья). М., 1991; 1997. * Августин Аврелий. Исповедь. В. Л. Рабинович (составление). М., 1992 (включ. Петр Абеляр. История моих бедствий). * Бл. Августин. О граде Божием. Киев, 1906–1910. М., 1994, т. 1–4. * Бл. Августин. О молитве Господней. М. Е. Козлов (П). В ж.: Троицкое слово. 1990, № 5, Сергиев Посад. * Божественного Аврелия Августина еп. Гиппонского О предопределении святых Первая книга к Просперу и Иларию. И. Мамсуров (П). М.: Путь, 2000. * Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан. А. А. Тащиан (П, статья, примечания). Краснодар, 2004. * Бл. Августин. Письмо CCLVIII (к Марциану). БС, 1999, № 4. * Бл. Августин. Проповеди. Свящ. М. Козлов (П). AΩ, 1996, № 1 (8). * Бл. Августин. Против академиков. О. В. Голова (П, комментарии). М., 1999. * Бл. Августин. Рассуждение в 4-й день празднеств. С. А. Степанцов (П). БС, 2000, № 5. * Бл. Августин. Творения. С. И. Еремеев (подготовка). Против академиков. О блаженной жизни. О порядке. О количестве души. Об учителе. Монологи. О бессмертии души. Об истинной религии. Исповедь. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви. О согласии евангелистов. О книге бытия. О граде Божием. СПб.–Киев: Алетейа, УЦИММ-Пресс, 1998, т. 1–4. * Августин. Творения блаженного Августина, ч. 1–11. Киев, 1880–1908; ч. 1–8, Киев, 1901–1915. * Бл. Августин. Толкование на псалом 125. С. А. Степанцов (П, комментарии). AΩ, 1997, № 2 (13), с. 52–75. * Августин. Христианская наука, или Основания священной Герменевтики и церковного красноречия. Киев, 1835. * Бл. Августин. Энхиридион, или О вере, надежде и любви. С. И. Еремин (составление). Киев, 1996. ** А. И. Бриллиантов. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М., 1898; 1998. ** В. В. Бычков. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984 (переиздание: Его же. Aesthetica patrum = Эстетика отцов церкви. М., 1995, с. 292–536). * М. А. Гарнцев. Проблема самосознания в античной и раннесредневековой европейской философии. В ж.: Историко-философский ежегодник, '86. М., 1986. ** К. Кремона. Августин из Гиппона. Разум и вера. М., 1995. * В. Н. Лосский. Элементы отрицательного богословия в мышлении блаженного Августина. В. А. Рещикова (П). БТ, 1985, № 26. ** Г. Г. Майоров. Формирование средневе-

ковой философии: Латинская патристика. М., 1979, с. 181—340. * О. Е. Нестерова. Историко-философские предпосылки учения Августина о соотношении времени и вечности. В ж.: Историко-философский ежегодник, '86. М., 1986. * И. В. Попов. Личность и учение Блаженного Августина, т. 1, ч. 1, 2. Сергиев Посад, 1916. * И. В. Попов. Труды по патрологии, т. 2: Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 2005. * С. А. Степанцов. Высота как знак гордости в толковании блаж. Августина на псалом 128. БС, 1999, № 4. * Его же. Псалом CXXX в экзегезе Августина. Материалы к истории экзегезы. М.: ГЛК, 2004. * Его же. Три латинских идиоматизма в художественной системе толкований Блаженного Августина на «Песни восхождения». Σ. * Е. Н. Трубецкой. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке, ч. 1: Миросозерцание блаженного Августина. В кн.: Бл. Августин. Творения. СПб.—Киев: Алетейа, УЦИММ-Пресс, 1998, т. 2, с. 000—000. * В. И. Уколова. Философия истории Блаженного Августина. В кн.: Религии мира, 1985. М., 1986. * Ее же. Философия истории Аврелия Августина. М., 1986. ** А. Р. Фокин. С. А. Степанцов. Августин Иппонский. ПЭ, т. 1. М., 2000, с. 93—106.

Боэций: * Боэций. Комментарий к «Категориям» Аристотеля (фрагм.). А. В. Аполонов (П). В кн.: Антология средневековой мысли. СПб., 2001, т. 1. * Боэций. Наставление к музыке (фрагм.). В. П. Зубов (П). В кн.: Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения. М., 1966, с. 153—167. * Боэций. О музыкальном установлении. В кн.: Е. В. Герцман. Музыкальная Боэциана. СПб.: Глаголъ, 1995. * Боэций. Утешение философией и другие трактаты. Состав: Комментарий к Порфирию. Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества. Могут ли «Отец», «Сын» и «Святой Дух» сказываться о божестве субстанциально. Каким образом субстанции могут быть благими, в силу того, что они существуют, не будучи благами субстанциальными. Против Евтихия и Нестория. Утешение философией. Г. Г. Майоров (статья). М.: Наука, 1996. ** Е. В. Герцман. Музыкальная Боэциана. СПб.: Глаголъ, 1995. * А. И. Макаров. Боэций о значении определения и описания для понимания категорий (по «Комментарию к Порфирию»). В ж.: Вопросы философии. 2000, № 5. * А. Р. Фокин. Боэций. ПЭ, т. 6. М., 2003. * В. И. Уколова. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбТ: Архив братьев Тургеневых.
АР: Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVIII—начала XIX века. Казань, изд. Казанского ун., 1980.
АРР: Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии. (Поэты пушкинского круга). Казань, 1986.
АС: Античность и современность. М., 1972.
б. г.: без указания года.
б. м.: без указания места.
БТ: Богословские труды.
БС: Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института.
ВАЛКФ: Вопросы античной литературы и классической филологии. М, 1966.
ВДИ: Вестник древней истории. Revue d'Histoire ancienne. Москва.
ВЕ: Вестник Европы. Москва.
ВКФ: Вопросы классической филологии. М.: изд. МУ.
ВЛУ: Вестник Ленинградского университета.
ГЛК: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. М.
ЖМНП: Журнал Министерства Народного просвещения. СПб.
ИАН: Императорская Академия Наук.
ИРЛИ: Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб.
ИС: Избранные сочинения.
ИЯКФ: Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб.
КТП: Катулл. Тибулл. Проперций. Ф. А. Петровский (ред., статья). М., 1963.
МП: Москвитянин, издаваемый М. Погодиным. М.
НЛО НП: Новое литературное обозрение. Научное приложение. М.
МОПИ: Московский областной педагогический институт. Труды каф. зарубежной литературы.
МР: Московский рабочий.
МУ: Московский Государственный университет; до 1917 г. — Императорский Московский университет.
ОЛРС: Общество любителей Российской словесности.
П. а. к.: Проблемы античной культуры
ПИ: Педагогический институт.
ПС: Полное собрание.

ПСЛ: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров (редакция). М., 1998.
ПСс. Полное собрание сочинений.
ПЭ: Православная Энциклопедия.
РГД: Россия и Греция: Диалоги культур. Материалы I международной конференции, ч. I. Петрозаводск: изд. ПетрГУ, 2006.
РЭТ: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М.: Искусство, т. 1–2, 1974.
СК: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.
СЛКС: Н. Т. Бабичев. Я. М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982.
СН: Составление и научная подготовка текста
Соч.: Сочинения.
Сс: Собрание сочинений.
ТВОЛРС: Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей Российской словесности.
УВ: Украинский вестник, издаваемый Евграфом Филомафитским.
УЗ: Ученые записки.
ун.: университет.
УТ: Университетская типография.
ФЗ: Филологические записки. Воронеж.
ФО: Филологическое обозрение.
АΩ: Альфа и Омега.
Σ: ΣΤΡΩΜΑΤΕΙΣ. ВКФ. вып. 12. Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. 2002.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Курсивом отмечены разделы, посвященные соответствующим авторам или группам авторов

Cicero 77
Cicéron 78
Gibbon 168
M. I. 103
Rollin 168
Tacite 168
А. Ж. 79
Август 18, 20, 21, 23, 25, 35, 50, 73, 81, 90, 91, 99, 100, 117, 130, 133, 136, 152, 154, 155, 164, 184, 185
Август II, курфюрст Саксонский 46
Августин 13, 15, *189–192*
Авзоний (Авсоний) 26, *183*
Аврелий Виктор 18, 169
Агриппина 30, 168
Азиний Поллион 21, 91
Аксаков, С. Т. 26
Акций *34*, 178
Алданов, М. (М. А. Ландау) 73, 154, 183, 185
Александр I 26, 29, 30, 49, 71, 78, 107, 143, 172, 174
Александр II 48, 98, 144, 173
Александр Македонский 30, 33, 164
Александра Федоровна 173
Алексей Михайлович 14
Алкей (Алцей) 112
Алферьев (Олферьев) А. 12
Амвросий Медиоланский 13
Амвросий, архиеп. 59
Аммиан Марцеллин 171, *187*
Амфитеатров, А. В. 153
Анакреон (Анакреонт) 19, 20, 22, 36, 37, 105, 106
Ангальт, Ф. Е. 29
Аничков, Д. С. 58, 59, 159, 175
Анна Иоанновна 18
Анненский, И. Ф. 118
Анохин, Ф. Л. 69
Аполлинарий 26
Аполлоний Родосский 148
Апраксин, П. М. 17
Апулей 129, *187*, 190
Апухтин, А. Н. 138
Ариосто 88
Аристид 73
Аристотель 19, 21, 74, 181
Аристофан 20, 36
Аркадий 26
Арнобий *189*
Арсений Сатановский 14
Архилох 36, 178
Аскоченский, В. И. 162
Ахматова, А. А. 101, 119, 120, 141, 185
Байрон, Д. Г. (Бейрон) 45, 112 (антибайрон), 118, 125, 139, 184
Бантыш-Каменский, Н. Н. 18
Баратынский, Е. А. 45, 94, 114, 123, 178, 188
Барков, И. С. 154
Бароний, Ц. (Барониус) 165
Бате, Ш. 178
Батюшков, К. Н. 95, 108, 109, 115, 122, 126, 134, 151, 152, 168
Бауер, Вилгелм 127
Баумейстер, Х. 27
Белинский, В. Г. 84, 96–98, 116, 117, 144, 147, 158, 192
Белобоцкий, Ян 16
Бенедиктов, В. Г. 139
Бестужев, А. А. 42, 72
Бибиков, А. И. 18
Благовещенский, Н. М. 50, 148, 149, 161
Блер, Х. 147
Блок, А. А. 68, 85, 100, 101, 119, 139, 140, 162
Блудов, Д. Н. 114
Боборыкин, П. Д. 95
Бобров, С. С. 131
Богданович, И. Ф. 128, 131, 187
Бодлер 101

Бодуэн 75
Болотов, А. Т. 145
Боэций (Воеций) 26
Бриген, А. Ф. фон дер 42, 70, 72, 147, 164
Бродский, И. А. 104, 120, 142
Бруты 43
Брут Младший 84
Брюсов, В. Я. 100, 183, 187, 188
Буало (Боало) 20, 54, 114, 122, 157, 178
Будный, Я. 15
Булгарин, Ф. В. 114
Бунин, И. А. 58
Бургий 55
Бурр 153
Буслаев, Ф. И. 115
Бюффон (Бюфон) 181
Валерий Максим 15, 17, 18, 26, 144, 165
Валерий Флакк 46, *148*, 149, 150
Валуев, П. А. 84, 91
Вальтер Скотт 116
Вар 30
Варий (Вариус) 23, 178
Варрон 41, 79, 80, 144, 180, 188
Василий Иоаннович 42
Вегеций 26
Веллей Патеркул 15, 18, *164–165*
Венанций Фортунат 26
Веневитинов, Д. В. 95
Вергилий (Виргилий) 14, 18–21, 23–26, 27, 28, 32–35, 37, 40, 43, 46, 47, 50, 52, 54, 55, *86–101*, 134, 136, 144, 145, 147, 148, 150, 152, 183, 184, 186
Вересаев, В., см. *Смидович, В. В.*
Верлен 119
Вернет, И. 35, 79, 91
Веррес 33, 79, 80,
Веспасиан 184
Вигант 181
Вигель, Ф. Ф. 93
Вильмень 44
Винклер, И. Г. 27
Вителлий 184
Витрувий 15, 37
Войцехович, И. П. 80, 191
Волошин, М. А. 68, 100, 119, 183
Вольтер 43, 87, 91, 112, 135, 165, 173
Вормс, А. Э. 99, 100
Воронцов, А. Р. 105
Воронцов, С. Р. 89
Вяземский, П. А. 19, 34, 35, 91, 112, 115, 137, 159, 161, 163, 167, 170, 178
Галахов, А. Д. 58, 115
Галл 20
Гальба 184
Ганнибал (Аннибал) 73, 186
Гарибальди 73
Гвидо де Колумна 15
Гейне, Г. 118, 125, 139
Геллерт, К. Ф. 22
Гелий 187
Геннадий, архиеп. 12
Генот (Эно) 164
Генрих IV (Наваррский) 87, 91
Георгиевский, П. Е. 64: 80, 112, 113, 123, 137, 174, 178, 190, 191
Георгий Амартол 15
Герасимов, Дм. 12
Германик 21, 30
Геродот 19, 37
Герцен, А. И. 57, 60, 65, 66, 68, 73, 84, 118, 153, 172, 182, 192
Гесиод (Гезиод) 19
Гете 46, 60, 72, 115, 117, 182
Гиббон, Э. 167, 168
Гиппонакт (Гиппонакс) 36
Глинка, С. Н. 28, 29, 143
Глинка, Ф. Н. 42, 70, 147
Глюк, Э. 17
Гнедич, Н. И. 18, 19, 63, 93, 150
Гоголь, Н. В. 57, 169, 170, 191
Голенищев-Кутузов, П. И. 107, 173
Голицын, Д. В. 96
Голицын, В. В. 15
Голицын, Д. М. 150
Голицын, Дмитрий 189
Голицын, Н. Б. 191
Гомер 19, 20, 28, 33, 37, 38, 43, 46, 63, 87-89, 92, 93, 97-100, 113, 170
Гонорий (Онорий) 26
Гонорский, Р. 35, 37, 64, 109, 123, 137
Гончаров, И. А. 116
Гораций 13, 17-23, 25-28, 32, 34-37, 39-41, 46-48, 50, 55, 61, 66, 71, 74, 78, 79, 89, 98, 100, *101-120*, 123, 126, 136, 138, 144, 157, 158, 161, 162, 178
Городчанинов, Г. 108
Готшед, И. К. (Готшейд) 22
Гракхи, Т. и Г. 54
Грановский, Т. Н. 46, 164, 170
Грациан 26

Грекур 119
Грецин 13
Греч, Н. И. 30, 114, 161, 174, 175
Грибоедов, А. С. 57, 149
Григорьев, А. А. 162
Грилльпарцер 141
Груздев, Е. А. 143
Гумбольдт, А. 182
Гумилев, Н. С. 177
Гумилевский, М. 90, 132
Гюго, В. 45, 152
Д. – В. 56, 68, 69
Давыдов, Д. В. 112
Давыдов, И. И. 81, 147, 179
Дамаскин Птицкий 14
Данилевский, Н. Я. 57, 58, 118, 170
Данте 113
Дашков, Д. В. 32, 38, 135
Дашкова, Е. Р. 181
Двигубский, И. А. 136
Делавинь, К. 46
Делилль 33
Дельвиг, А. А. 65, 123
Демидов, П. Г. 82
Демосфен (Демостен) 23, 33, 37, 39, 43
Державин, Г. Р. 18, 26, 66, 100, 104, 119, 166, 172, 173, 178
Джунковский, В. 37
Дикеарх 74
Дион Кассий 153
Дмитревский, И. А. 79
Дмитриев, И. И. 62, 63, 76, 83, 90, 114, 115, 121, 122, 152, 154, 159, 174, 178
Дмитриев, М. А. 11, 19, 32, 57, 83, 95, 113, 116, 161, 168, 173, 188
Добролюбов, Н. А. 57, 58, 72, 85, 98, 117
Долгорукий, И. М. 18
Домициан (Домитиан) 148, 163, 184
Донат 12
Достоевский, Ф. М. 58
Дудышкин, С. С. 117, 158, 161
Дункан, Айседора 119
Дуров, Ал. 93
Евбий 61
Еврипид 20, 24, 36
Евтропий (адресат критики Клавдиана) 26
Евтропий (историк) 190
Екатерина II 26, 28, 29, 78, 88, 89, 104, 107, 119, 130, 151, 165, 172, 189
Екатерина I 17
Екатерина Павловна 78
Елизавета Английская 87
Елизавета Петровна 26, 75
Епифаний Славинецкий 13, 14
Ермолов, А. П. 70, 91, 109, 122, 143, 147, 149
Жуковский, В. А. 27, 32, 70, 72, 99, 109, 112, 117, 136, 160, 161, 173
Завадовский, П. В. 89, 110, 146, 185
Зайцев, Б. К. 126
Зелинский, Ф. Ф. 98, 140, 163, 165
Зилов, А. 93
Зиновьев, А. З. 179
Золотов, В. 178, 179
Зонара 15
Иван IV, Грозный 11, 167
Иванов, В. И. 101, 119
Иванчин-Писарев, Н. Д. 38, 41, 42
Измайлов, В. В. 133
Иларий Пиктавийский 193
Ильин, И. А. 144, 193
Иоанн Зонара, см. *Зонара*
Иоанн Малала, см. *Малала*
Исидор 47
Истомин, К. 15
Кавеньяк 85
Кайсаров, А. С. 35
Каллимах 124
Кальв (Калв) 61
Кальпурний 90
Кантемир, А. Д. 18, 61, 73, 86, 102, 105, 109, 117, 127, 150, 158, 159, 189
Капнист, В. В. 105
Карамзин, Н. М. 20, 30, 41, 42, 62, 63, 69, 71, 76, 78, 83, 90, 114, 134, 167, 168, 181
Кардуччи 119
Карл XII 46, 101
Карл Великий 26
Карпов, Ф. И. 11, 12
Катенин, П. А. 42, 57, 59, 63, 113, 122, 135, 147, 149, 152, 155, 183
Катилина 68, 69, 71, 72, 84, 85
Катков, М. Н. 144, 179
Катон Младший 153, 44, 84, 106, 145–147, 153, 164
Катон Старший 17, *68–69* (см. также *псевдо-Катон*)

Катулл 37, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 89, 140, 178, 185
Каховский, Н. А. 150, 167
Квинт Курций 13, 26, 29, 33, 42, 46, 164
Квинтилиан 21, 23, 32, 34, 36, 37, 42, 57, 78, 111, 126, 151, 157, 177, 178, 179
Киреевский, И. В. 192
Клавдиан 47, 80,146, 183, 184
Клавдий, император 26, 160, 167
Клодий 80
Козельский, Ф. Я. 54, 76, 88, 120, 129
Козицкий, Г. В. 28
Козловский, П. Б. 160
Козлятев, Ф. И. 178
Кондратович, К. А. 180
Кони, А. Ф. 95
Константин Павлович 143, 173
Констанций 193
Копиевский, И. 102
Корнелий Непот 55, 73
Корнель, П. 55, 152
Корнилович, А. О. 143, 144, 168
Корнилович, М. О. 144
Корш, Ф. Е. 68, 126, 140, 162
Костров, Е. И. 187
Кошанский, Н. Ф. 73, 155
Крамаренков, В. И. 71
Кратин 36
Крестинин, В. В. 77
Кречетов, В. И. 116, 117
Кронеберг, И. Я. 80, 115
Крылов, И. А. 77, 132, 133, 155
Крюков, Д. Л. 47, 115, 116
Ксенофонт 19, 42
Кубарев, А. М. 97
Кудрявцев, П. Н. 164, 170
Кузмин, М. А. 72, 85, 101, 187
Кукольник, Н. В. 46
Куракины 128
Курбский. А. 11, 189
Курис, И. О. 29
Кюхельбекер, В. К. 83, 114, 174
Лабиен 177
Лагарп, Ж.-Ф. 157, 178
Лагарп, Ф.-Ц. 37, 78,
Лактанций 14, 15, 26, 190
Ламартин, А. де 84
Ландау, М. А., см. *М. Алданов*
Лантье 108
Лафонтен 155, 187
Левек, П.-Ш. 167
Левшин, А. 36
Лелий 21, 81
Леонтьев, К. П. 193
Лермонтов, М. Ю. 27, 34, 58, 125
Лесков, Н. С. 138, 162, 169
Ливий Андроник 24, 40, *53*
Ливий Салинатор 24
Ливий, Т. 13, 15, 17, 19, 28, 29, 30, 34, 37, 42, 55, 72, *142-144*, 186
Ливия 164
Лихуды, И. и С. 12, 16
Ломоносов, М. В. 54, 59, 74, 75, 86, 87, 90, 105, 128, 159, 171
Лопухин, И. В. 107
Лукан (Люкан) 14, 15, 18, 20, 26, 29, 45, 88, *144-147*, 150, 153, 175, 182
Лукиан 25, 28
Лукреций 20, 37, *58-60*, 66, 108, 126
Лукулл 185
Лунин, М. С. 70, 73, 83, 168
Луцилий 25, 41, 55
Лызлов, А. 86
Людовик XV 173
Магницкий, М. Л. 43
Май, К. И. 58
Майков, А. Н. 118, 153, 162
Майков, В. М. 88, 133
Максим Грек 12
Макушев, В. В. 58
Малала 15
Мандельштам, О. Э. 126, 140-141
Манилий 144
Марий 71, 72
Марини 61
Мармонтель 178
Марциал 26, 46, 89, 148, *163-164*
Матвеев, А. А. 14
Матвеева 14
Мей, Л. А. 138, 185
Меммий 61
Менандр 20, 24, 36
Менипп 41
Мережковский, Д. С. 51, 126, 153, 162, 171, 175, 176, 187, 193
Мерзляков, А. Ф. 26, 38, 91, 92, 105, 107, 108, 121, 134, 135, 146-149, 152, 155, 161, 178, 183
Местр, Ж. де 31
Меценат 25, 50, 99, 110, 113, 115
Миллер, К. В. 172
Милонов, М. В. 54, 105, 108, 121, 156

Мильтон 45
Милюков, П. Н. 100
Минаев, Д. Д. 161
Минуций Феликс 189, 190
Мирабо 71
Митропольский, А. И. (Арсений Несмелов) 141
Митшерлих 35
Михайлов, М. И. 67
Модестов, В. И. 50, 53-55, 57, 60, 67, 85, 98, 139, 144, 147, 148-150, 153, 156, 158, 162, 163, 165, 170, 175-177, 179, 182, 184-188
Модзалевский, Л. Н. 180
Мойсеенков, Ф. 164
Мольер 56-57
Моммзен 99
Монтескье 76, 165
Морозов, И. И. 13, 171
Муравьев, А. Н. 69
Муравьев, М. Н. 26, 31, 59, 62, 89, 104, 132, 143, 145, 148, 151, 164, 167, 171, 175, 186
Муравьев, Н. М. 42, 70, 72, 167, 169, 174
Муравьев-Апостол, И. М. 18, 69, 89, 108, 175, 183
Муравьев-Апостол, М. И. 42
Мурена 33
Надеждин, Н. И. 188
Нартов, А. А. 172
Наталья Алексеевна 187
Нахимов, А. Н. 32, 62, 63, 108
Неверов, Я. М. 170
Невий 24, 53
Нелединский-Мелецкий, Ю. А. 77
Нерва 167
Нерон 26, 147, 151, 152, 154, 157, 160, 167, 184, 185
Низар 44, 45, 152, 156
Никитенко, А. В. 169
Николай I 47
Николай Спафарий 14
Николев, Н. П. 181, 190
Новиков, Н. И. 18, 20, 27, 57, 83, 86, 103, 189
Норов, А. С. 47, 161
Овидий 11, 13, 15–22, 23, 25, 28, 34, 37, 61, 66, 71, 88, 92, 100, 120, 122, 126–142, 150, 178, 186
Озеров, В. А. 152
Олеарий, А. 13
Олешев, А. В. 89
Олин, В. 66
Онорий, см. *Гонорий*
Ориген 189
Орлов, В. Г. 28
Осипов, Н. 133
Остафьев, Д. А. 161
Остолопов, Н. Ф. 40, 56, 92, 111, 124, 146, 148, 149, 155, 156, 157, 160
Отон 184
Павел I 26, 143, 159, 183
Павлов, М. Г. 182
Павлова, К. К. 49
Пакувий 24, 34, 40, 178
Панаев, В. И. 161
Панаев, И. И. 116
Парис 41
Парни, Э. 119, 122
Перевощиков, В. М. 80
Персий 20, 25, 36, 41, 45, 48, *156-158*, 160
Пестель, П. И. 70
Петр I 17, 69, 102, 158
Петрарка 94
Петров, В. П. 62, 88, 104, 173, 178
Петроний 15, 25, 26, 37, 59, *175-177*
Печерин, В. С. 97, 98
Пиндар 20, 36, 39, 106, 110
Пирогов, Н. И. 84, 138
Писарев, Д. И. 58, 117, 170
Пифагор 139
Пишегрю, Ш. 154
Плавильщиков, П. А. 33
Плавт 20, 21, 24, 36, 47, 50, *55-58*,
Платон 19, 79, 80
Платон (Левшин), архиеп. 132
Платон (Любарский), архим. 18
Плетнев, П. А. 172
Плиний Младший 14, 28, 30, 33, 38, 77, 144, *171–175*
Плиний Старший 14, 27–28, 37, 47, 153, *180–183*
Плутарх 19, 29, 34, 169, 185, 186
Плюш 181
Победоносцев, К. П. 95, 118
Погодин, М. П. 31, 58, 84, 94, 143
Покровский, Г. 81-82
Покровский, М. М. 65, 113, 140, 169
Полевой, Кс. А. 43
Помпей 25, 84, 145-147, 180
Помпей Трог 13

Помпоний Мела 12, 47
Помяловский, Н. Г. 49
Пономарева, С. Д. 66
Поповский, Н. Н. 143
Потемкин, Г. А. 146
Поуп (Поп) 45
Прокопович-Антонский, А. А. 173
Проперций 20, 21, 26, 37, 54, 89, 120-126, 134, 178
Проспер 26
псевдо-Катон 17
Птолемей 153
Публилий Сир 29
Пуфендорф, С. 27
Пушкин, А. С. 7, 43, 60, 65, 66, 96, 112, 113, 114, 119, 130, 136, 137, 139, 141, 159, 160, 169, 170, 183
Пушкин, В. Л. 32, 63, 66, 78, 95, 113, 122, 135
Пыпин, А. Н. 53, 116, 127
Радищев, А. Н. 75, 76, 95, 105, 132, 143, 151, 165, 177, 185, 189
Раич, С. Е. 94
Регул 106
Рейхель, И. Г. 26, 59,
Рембо 119
Робертсон, Д. М. 167
Рогов, Т. О. 80, 181
Розанов, В. В. 153
Ролен, см. *Rollin*
Романчуков, А. С. 13
Рост, И. И. Ю. 26
Ростопчина, Е. 192
Ртищев, Ф. М. 13
Рубан, В. Г. 71, 120, 128, 129
Рулье 182
Румянцев, Н. П. 150
Руссо 78
Рутилий 183, 184
Руфин 26
Рылеев, К. Ф. 122, 156, 167
Салтыков-Щедрин, М. Е. 58, 68, 84, 95
Самарин, Ю. Ф. 18, 180
Самсонов, П. 13
Санд, Жорж (Занд) 116
Сандунов, Н. Н. 83
Санназар 46
Сафо 20, 136
Светоний 13, 14, 23, 72, 144, 153, *184–186*
Сенека Младший 24, 25, 28, 36, 45, *150–154*
Сенека Старший *177–178*
Сенковский, О. И. 44, 84, 152, 155
Сен-Пьер 33
Сервий Сульпиций 61
Сеян 164
Силий Италик 47, *149-150*
Сильвестр Медведев 13
Симеон Полоцкий 13
Симеонов, Н. 15
Симмах *187*
Скалигер, Ю. 41, 145
Случевский, К. К. 192, 193
Смидович, В. В. 96, 100
Смирнова-Россет, А. О. 170
Соболевский, С. И. 52
Сокольский, Г. 39
Сократ 152
Соловьев, В. С. 67, 99
Софокл 20, 24, 36, 152
Сперанский, М. М. 55, 59, 78, 89, 108, 143, 145, 151, 173, 186
Спиридов, М. М. 72
Средний-Камашев, И. Н. 191
Срезневский, И. Е. 61, 130
Стаций 25, 45, *148–149*
Стефан Яворский 16, 60, 180
Страхов, Н. Н. 99, 125, 153, 182, 192
Строганов, С. Г. 115
Строев, П. 147
Суворов, А. В. 29. 135
Сульпиций (Сулпиций) 22
Сульпиций, Сервий 61
Сумароков, А. П. 18, 20, 43, 83, 87, 88, 103, 143
Сципион Африканский-младший 42, 56, 81, 186,
Сципионы 34
Тамерлан 45
Тассо, Торквато 44
Татищев, В. Н. 74, 148, 165, 180, 186, 189
Тацит 19, 26, 29, 30, 33, 34, 37, 42, 46, 47, 81, 144, 148, 153, 158, 164, *165–171*, 173, 186
Теодорих (Теодорик) 35
Теплов, Г. Н. 21, 180
Теренций (Терентий) 13, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 36, 41, 50, 55-57, 90, 97
Тертуллиан (Тертулиян) 13, *189-193*

Тиберий (Тиверий) 164, 165, 177, 184
Тибулл 20, 21, 37, 109, 115, *120-126*, 136
Тимковский, Р. Ф. 55, 83
Тит 176, 181
Тихонравов, Н. С. 14, 98
Толмачев, Я. В. 83, 146, 149, 174, 178
Толстой, А. К. 11
Толстой, Д. А. 48, 51, 52
Толстой, Л. Н. 42
Траян 167, 172, 174
Тредьяковский, В. К. 53, 68, 74, 102, 127, 145, 150, 159, 163
Трилунный 44
Тукка 23
Тургенев, Ал. И. 34, 35, 109, 137, 178
Тургенев, И. С. 66, 68, 84, 95, 101, 118
Тургенев, Н. И. 63, 75, 168
Тучков, В. М. 15–16
Тютчев, Ф. И. 84, 98, 183
Уваров, С. С. 18, 46, 48, 81
Федр 8, 17, 25, 36, 45, *154–156*
Фенелон 37
Феокрит 20, 93, 98
Феофан Прокопович 16, 17, 53, 55, 60, 73, 86, 101, 120, 127, 142, 144, 150, 163, 177, 180, 189
Фет, А. А. 67, 99, 115, 119, 124, 125, 126, 138, 161-163
Филимонов, В. С. 34, 65, 111, 161, 163, 185, 188
Фирмик Матерн 193
Ф-й (Филомафитский?) 38
Флери 173
Флор 15, 17, 42, *186*
Фоминские, княжеский род 11
Фонвизин, Д. И. 19, 26, 75, 167
Фонтан 33
Фортунат, см. *Венанций Фортунат*
Фотий, архим. 190
Фрейтаг 84-85
Фридрих II 145
Фронтин 12
Фукидид 19, 33, 37, 170
Фурий 22
Хвостов, Д. И. 32, 54, 55, 56, 62, 63, 79, 95, 110, 111, 122, 135, 146, 152, 154, 156, 178
Херасков, М. М. 18, 27, 43, 58, 88, 103, 120, 128, 130, 145, 146, 189
Хмельницкий, Н. 33
Ходасевич, В. Ф. 66
Хомяков, А. С. 18, 46, 47
Цветаева, М. И. 141, 154
Цезарь 17, 36, 42, *69-70*, 72, 82, 84, 145-147
Цецилий Стаций 24, 55, 57
Цицерон 11, 13, 14, 17, 18, 19, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 32, 33, 35, 37, 39, 40, 43, 47, 50, 51, 55, 70, 72, *73-85*, 97, 152, 186, 190
Чаадаев, П. Я. 84
Чернышевский, Н. Г. 53, 57, 67, 68, 70, 73, 85, 98, 117, 162, 179, 182
Чистов 138
Чюриков, В. 81
Шаден, И. М. 71
Шаликов, П. И. 73
Шварц, А. Н. 52
Шевырев, С. П. 19, 27, 43, 44, 46, 59, 96, 105, 179
Шекспир 120, 125
Шенье, А. 141
Шервинский, С. В. 177
Шершеневич, В. 183
Шестов, Л. 140-141
Шиллер 46
Шимановский, Я. 111
Шишков, А. С. 190
Шлегель, А.-В. 152
Шпет, Г. Г. 141
Шувалов, А. П. 28
Шувалов, И. И. 71, 172
Эзоп 154
Эйлер, Л. 18
Энгельгардт, Е. А. 81
Энний 24, 25, 32, 53, 54
Эно, Ш.-Ж.-Ф., см. *Генот*
Эпикур 59, 151
Эредиа, Ж. М. де 119
Эрнести, И.-А. 59
Эсхил (Ешилл) 20, 36, 43, 52,
Ювенал 13, 20, 25, 26, 36, 39, 41, 45, 48, 61, 71, 113, 126, 148, 156, 157, *158-163*, 168
Юм, Д. 167

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КАБИНЕТ»® Ю. А. ШИЧАЛИНА:

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. Перевод с франц. Е. Ф. Шичалиной. 2002. 475 с.
2. Адольф А., С. Любомудров. Orbis Romanus Pictus. Римский мир в картинках. 1994. 146 с.
3. Адо П. Плотин, или Простота взгляда. Перевод с франц. Е. Штофф. 1991. 144 с.
4. Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I. 2003. 695 с.
5. Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. II. 2004. 690 с.
6. Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. III. 2005. 604 с.
7. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. (Репринт издания 1899 г.) 2006. 688 с.
8. Греческая философия. М. Канто-Спербер, Дж. Барнз, Люк Бриссон, Жак Брюнсвиг, Г. Властос. Пер. с фр. Т. 1.
9. Древнегреческий язык. Начальный курс в трех частях. 2005.
10. Дилите Д. Античная литература. 2003. 487 с.
11. Дружинин Ф. С. Воспоминания. Страницы жизни и творчества. Составитель Е. С. Шервинская. 2001. 229 с. (60 илл.)
12. Дружинин Ф. С. Симфония для двух альтов. 2003. 73 с.
13. Журнал «Греко-латинский кабинет». Выпуск 3. 2000. 126 с.
14. Завьялова В. П. Каллимах. Гимн «К Артемиде». 2002. 112с
15. Йегер В. Пайдейя. Перевод с нем. А. И. Любжина. Том I. 2002. 593 с.
16. Карасева Т. А. Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I в.в. до н.э. 2003. 256 с.
17. Козаржевский А. Ч. Учебник древнегреческого языка. 2004. 410 с.
18. Малинаускене Н. К. Введение в историю латинского языка (классический период). 2006. 271 с.
19. Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX–начала XX века. 2005. 304 с.
20. Мамонов В. Л. Одинокий бег. Стихотворения. 2001. 240 с.
21. Мамонов В. Л. Сердоболь. Стихотворения. 2005.
22. Никулин Д. В. Метафизика и этика. 2005. 237 с.
23. Первый псалом. Сборник переводов первого псалма на древние и новые языки и святоотеческих толкований на языке оригинала с параллельным переводом. 2003. 79 с.
24. Петрученко О. Латинско-русский словарь. (Репринт издания 1914 г.) 2001. 816 с.
25. Платон. Собрание сочинений. Том 1. Апология Сократа. Греческий текст и перевод М. С. Соловьева. Издание подготовили Глухов А. А. и Шичалин Ю. А. 2000 (Совместно с издательством «Les Belles Lettres»). 152 с.
26. Плотин. Трактаты I–XI. Перевод, вступительная статья, краткое изложение переводимых трактатов, подробный комментарий Ю. А. Шичалина.
27. Полонская К. П. Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. Латинские тексты с русскими переводами и комментариями. 2-е изд. 2000. 301 с.
28. Прокл. Начала физики. Греческий текст с предисловием, переводом и комментарием С. Месяц. 2001. 115 с.
29. Проперций Секст. Элегии. Перевод А. Любжина. 2004. 272 стр.

30. Пушкин А. С. Песнь о вещем Олеге. На уроках в начальной школе. Комментарий, предисловие и послесловие Александровой Н. В. 2005. 32 с.
31. Скобельцин А. Нарцисс, или мастерская взгляда. Перевод с франц. В. Илющенко. 2001. 355 с.
32. Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). 1999. 569 с. (316 илл.)
33. Столяров А. А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. 1999. 208 с.
34. Суини М. Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада. Авторизованный перевод с англ. А. К. Лявданского. 2001. 303 с.
35. Трухина Н. Н., Смышляев А. Л. Хрестоматия по истории Древней Греции для средней школы. 2000. 377 с.
36. Фрагменты ранних стоиков. Том I: Зенон и его ученики. Перевод и комментарии А. А. Столярова. 1998. 256 с.
37. Фрагменты ранних стоиков. Том 2, часть 2: Хрисипп из Солона. 2002. 272 с.
38. Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII–XX веков. На материале г. Москвы. 2001, 2002. 206 с.
39. Цицерон Туллий М. Речь в защиту М. Целия. Составление, предисловие и комментарии А. И. Любжина. 2000. 79 с.
40. Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте. 2000. 439 с.
41. Яковлев И. Физика-9 в билетах. 2000. 63 с.

Книги можно приобрести по адресу:
Орлово-Давыдовский пер., 5
метро «Проспект Мира»

или заказать по электронной почте:
glk@mgl.ru
museumgl@rambler.ru